ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКѢ

ВХ
385

ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА

НА

ВОСТОКѢ.

271(
К-14-И.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОНАШЕСТВО ВЪ ЕГИПТѢ.

СОЧИНЕНІЕ

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

Петра Казанскаго.

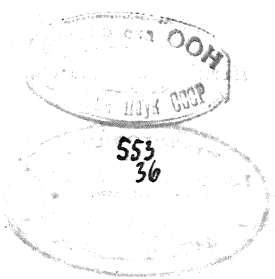
МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Сентября 17 дня, 1853 года.

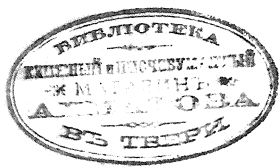
Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Архимандритъ Леонидъ.



ПРАВОСЛАВНОМУ

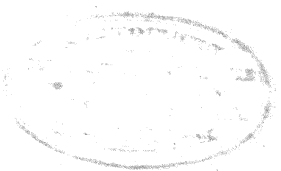
РУССКОМУ ИНОЧЕСТВУ



УСЕРДНѢЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ

Надобно вѣрно изслѣдовать жизнь монаховъ подвизавшихся прежде насъ, и по нимъ усовершать себя; ибо они сказали и сдѣлали много хорошаго.

Евагрій у Сократа.



Три обѣта составляютъ сущность иноческой жизни,—обѣтъ цѣломудрія, обѣтъ послушанія, обѣтъ произвольной нищеты. Цѣль сихъ обѣтовъ та, чтобы отрѣшеніемъ отъ міра и его удовольствій, отсѣченіемъ своей воли дать свободу духу и тѣлу всецѣло посвятить себя на служеніе Богу. Священны узы семейные; для человѣка созданы и блага временныя. Но священнѣе союза семейнаго—союзъ человѣка съ Богомъ; дороже, безцѣннѣе благъ временныхъ—блага вѣчныя. Временныя связи и временныя удовольствія, для поврежденной грѣхомъ природы человѣка, большею частію служатъ препятствіемъ стремиться къ вѣчному и небесному, приковываютъ умъ и сердце его къ земному. *Но все, еже въ мірѣ*, пишетъ Апостолъ, *похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 16). Монашество стремится обѣтомъ цѣломудрія подавить похоть плоти, обѣтомъ нестяжательности—похоть очесъ, дабы не увлекаться сокровищами, которыя міръ обѣщаетъ поклонникамъ его, обѣтомъ послушанія-гордость житейскую, чтобы оставить и побѣдить исканіе суетной славы. Чтобы легче оторвать себя отъ связей земныхъ, чтобы лучше оградить себя отъ искушеній, какія представляютъ богатства, удовольствія и слава міра,—иноки избираютъ мѣстомъ жительства пустыни, откуда и получили свое наименованіе монаховъ или уединенныхъ. Кто не испыталъ сладости уединенія? Кто не знаетъ, что только въ тишинѣ уединенія созрѣваютъ высокія мысли, укрѣпляется

духъ для великихъ подвиговъ? Люди самые пристрастные къ удовольствіямъ міра ищутъ отдыха въ уединеніи; самые заботливые о снисканіи благъ временныхъ и славы земной въ тишинѣ уединенія соображаютъ и измышляютъ для сего средства. Но въ дѣлѣ спасенія душа тогда только начинаетъ жить для Бога, когда міръ для насъ опустѣетъ. Въ мірѣ непрестанно разсѣеваются мысли, порабощаются желанія, возмущается душа и совѣсть.

Посему иноки, чтобы оградить себя отъ всѣхъ искушеній міра, поселялись въ безлюдныхъ пустыняхъ, въ глуши лѣсовъ или въ темныхъ пещерахъ. Одни строгіе отшельники совсѣмъ удалялись отъ общества людей, и въ самыхъ необитаемыхъ мѣстахъ или совершенномъ затворѣ проводили жизнь свою въ въ бесѣдѣ съ однимъ Богомъ. Были подвижники, которые въ теченіи тридцати, сорока и болѣе лѣтъ не видали ни одного человѣка. Другіе жили по два и по три въ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга, два раза въ недѣлю въ субботу и воскресенье сходились вмѣстѣ для общаго Богослуженія. Иные жили цѣлыми обществами имѣя общіе опредѣленные уставомъ и труды, и молитвы, и пищу. Но у всѣхъ одно было общее стремленіе,—распять плоть свою со страстьми и похотьми, стать выше себя, выше своей чувственности. Они отыскивали самыя строгія правила Евангелія, давали имъ самое обширное значеніе, старались выполнять ихъ со всѣмъ усиліемъ воли. Они умерщвляли тѣло свое алчбою, жаждою, бдѣніемъ, молитвами и трудами. Принося въ жертву Богу даръ цѣломудрія въ чистомъ сосудѣ воздержанія, они въ глубокомъ самоотверженіи отсѣкали отъ своего ума всякій собственный помыслъ, отъ воли всякое собственное желаніе, отъ сердца всякое вожделѣніе собственнаго удовольствія, всякое негодованіе на ближняго. Увлекаемые непреклонною силою воли къ внутреннимъ и внѣшнимъ подвигамъ, они старались достигнуть такаго состоянія, чтобы ни во внутренней, ни во внѣшней природѣ не ощущать никакихъ движеній кромѣ одной мысли о

Богѣ. Добровольные мученики, они ежедневно умирали для Бога. Великъ и святъ подвигъ предать тѣло свое въ руки мучителей за исповѣданіе имени Христова. Но менѣе ли потребно мужества каждый день, каждый часъ умерщвлять свое тѣло, отсѣкать всякую нечистую мысль? Въ трудныя рѣшительныя минуты жизни болѣе напрягается сила души, и во время великихъ испытаній, человѣкъ чаще выходитъ побѣдителемъ, нежели въ малыхъ ежедневныхъ искушеніяхъ. Сколько разъ слабая воля можетъ поколебаться въ своемъ направленіи! Сколько потребно бдительности надъ собою! Сколько нужно терпѣнія, чтобы сохранить всегда душу и тѣло чистыми отъ прираженія грѣховныхъ движеній! Посему Кассіанъ называетъ иноковъ новыми мучениками (1). Одинъ изъ писателей, близкихъ къ началу монашества, (2) главнымъ побужденіемъ къ иноческой жизни поставляетъ ревность вѣрующихъ во Христа подражать подвигу мучениковъ. «Вѣрующіе, пишетъ онъ, видя страданія мучениковъ и ихъ искреннее стремленіе къ исповѣданію имени Христова, начали и сами, при помощи благодати Божіей, послѣдовать ихъ жизни и самоотверженію, и въ иночествѣ осуществились слова Апостола: *проидоша въ милотехъ и козіихъ кожахъ, скорбяще озлоблени, ихже не бѣ достоинъ міръ, въ пустыняхъ скитающеся, и горахъ и вертепахъ и пропастехъ земныхъ*» (Евр. 11, 37. 38). Какъ мученики, одушевляемые любовію, радостно шли на страданія и смерть за исповѣданіе вѣры въ Господа Іисуса; такъ и подвижники, одушевляемые горячею ревностію и пламенною любовію къ Богу, въ своей труженической жизни, приближавшей ихъ къ Богу, находили такой источникъ блаженства, что желали бы до безконечности увеличивать свои труды и подвиги. «Повѣрь сынъ мой,—говорилъ одинъ старецъ молодому

---

(1) Cass. coll. XVIII.

(2) Proleg. ad vit. Pachom. Acta § 3. Bolland.

отшельнику удивлявшемуся трудамъ и изнуренію, какимъ подвергалъ себя старецъ въ преклонныхъ лѣтахъ,—повѣрь сынъ мой! Богъ такую ревность и любовь къ служенію даровалъ душѣ моей, что я никакъ не могу вполнѣ удовлетворить ея расположенію.» Въ самомъ дѣлѣ могли ли не желать этихъ подвиговъ пустынники, когда благодать изливалась въ такомъ изобиліи, что они молили даже Господа: «удержи волны благодати Твоея.»

Эта святая, высокая жизнь иноковъ съ самаго начала монашества возбуждала вниманіе благочестивыхъ Христіанъ. Въ ихъ жизни представлялся живой примѣръ того совершенства Христіанской жизни, какое указуется въ Евангеліи. Не громомъ побѣдъ и завоеваній, не потоками крови и опустошеній они стяжали себѣ вѣчную память, но сокровеннымъ дѣланіемъ во Христѣ, борьбою съ грѣховною природою и врагомъ спасенія; ихъ подвиги сопровождались только ихъ слезами и воздыханіями, а на прочихъ людей они старались только низводить благословеніе свыше. Это былъ неземной міръ среди этого міра, изумляющій величіемъ своего духа и жизни, дающій разумѣть какую чудную силу являетъ природа человѣческая, какая власть и могущество заключены въ душѣ и тѣлѣ человѣка, когда онъ весь проникается силою благодати Христовой. Посему исторія монашества есть исторія успѣховъ Христіанскаго благочестія.

Таковы всегда были и могутъ быть по духу своему монашескія общества. Довольно свидѣтельства одного Святаго Іоанна Златоуста, чтобы убѣдиться въ святости жизни монашеской. Сей Святитель, самъ украшенный всѣми Христіанскими добродѣтелями, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ воспоминаетъ о томъ временн, какое провелъ онъ въ обителяхъ иноческихъ, и въ своихъ бесѣдахъ съ пылкимъ увлеченіемъ часто говорилъ о высокомъ достоинствѣ иноческой жизни. «Между монашескою и мірскою жизнію, говоритъ онъ въ одной бесѣдѣ, такое же различіе, какое находится между пристанью и мо-

ремъ, непрестанно волнуемомъ вѣтрами. Смотри, самыя жилища монаховъ предувѣдомляютъ о ихъ благодействіи. Избѣгая рынковъ и городовъ и народнаго шума они предпочли жизнь въ горахъ, которая не имѣетъ ничего общаго съ настоящею жизнію, не подвержена никакимъ человѣческимъ превратностямъ, ни печали житейской, ни горестямъ, ни большимъ заботамъ, ни опасностямъ, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здѣсь они размышляютъ уже только о царствіи небесномъ, бесѣдуя въ безмолвіи и глубокой тишинѣ съ лѣсами, горами, источниками, а паче всего съ Богомъ. Жилища ихъ чужды всякаго шума. Душа свободная отъ всѣхъ страстей и болѣзней тонка, легка, и чище всякаго тонкаго воздуха. Занятія у нихъ тѣже, какія были въ началѣ и до паденія у Адама, когда облеченный славою дерзновенно бесѣдовалъ съ Богомъ, и обиталъ въ блаженномъ раѣ. И въ самомъ дѣлѣ, жизнь монаховъ чѣмъ хуже жизни Адама, когда онъ до преслушанія введенъ былъ въ рай воздѣлывать его? Адамъ не имѣлъ житейскихъ никакихъ заботъ, нѣтъ ихъ и у монаховъ. Адамъ чистою совѣстію бесѣдовалъ съ Богомъ; такъ и монахи, даже больше чѣмъ Адамъ, имѣютъ дерзновенія, такъ какъ больше имѣютъ въ себѣ благодати по дару Духа Святаго. Опишу хотя одну часть образа ихъ жизни; ибо всей ихъ жизни описать невозможно. Сіи свѣтильники міра, едва начинаетъ восходить солнце, или еще до разсвѣта, встаютъ съ ложа здравы, бодры и свѣжи. Ибо ихъ не возмущаетъ ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дѣлъ; но они живутъ какъ Ангелы на небѣ. Итакъ вставъ съ ложа бодрые и веселые, они съ свѣтлымъ лицемъ и чистою совѣстію составляютъ вмѣстѣ одинъ ликъ, и какъ бы едиными устами поютъ гимны Богу всяческихъ, прославляя и благодаря Его за всѣ благодѣянія, какъ частныя, такъ и общія. Спрошу васъ, чѣмъ различествуетъ отъ Ангеловъ сей ликъ на землѣ поющихъ и восклицающихъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ

въ человѣцѣхъ благоволеніе (Лук. 2, 14). И одежда у нихъ соотвѣтствовала ихъ мужеству. Одежды ихъ приготовлены, какъ у блаженныхъ оныхъ Ангеловъ, Плiи, Елисея, Іоанна и прочихъ Апостоловъ, у однихъ изъ козьей, у другихъ изъ верблюжьей шерсти, а нѣкоторымъ довольно одной кожи и то ветхой. Потомъ, пропѣвши свои пѣсни съ колѣнопреклоненіемъ, прославленнаго ими Бога призываютъ на помощь въ такихъ дѣлахъ, которыя другимъ не скоро бы пришли и на умъ. Они не просятъ ни о чемъ настоящемъ; у нихъ не бывало объ этомъ и слова; но просятъ о томъ, чтобы имъ съ дерзновеніемъ стать предъ страшнымъ престоломъ, когда Единородный Сынъ Божій придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, чтобы никому изъ нихъ не услышать сего страшнаго гласа: не вѣмъ васъ; — и чтобы въ чистотѣ совѣсти и обиліи добрыхъ дѣлъ совершить сію трудную жизнь и благополучно преплыть сіе бурное море. Потомъ, какъ вставши окончатъ сіи священныя и непрестанныя молитвы, съ восходомъ солнечнымъ идетъ каждый къ своему дѣлу и трудами многое пріобрѣтаютъ для бѣдныхъ. Монахи не только, когда поютъ и молятся, но и когда сидятъ за книгами, доставляютъ зрителямъ пріятное зрѣлище. Когда пѣніе кончится, одинъ беретъ Исаію, другой бесѣдуетъ съ Апостолами, третій читаетъ книги другихъ писателей и любомудрствуетъ о Богѣ, о мірѣ, о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ, чувственныхъ и духовныхъ, о ничтожности жизни настоящей и о величіи жизни будущей. Они питаются Словомъ Божіимъ, сладчайшимъ меда и сота (Псал. 18, 11). Это чудный медъ, и гораздо лучше того, какимъ нѣкогда Іоаннъ питался въ пустынѣ. Ибо не дикія пчелы, садясь на цвѣты собираютъ сей медъ, но приготовляетъ оный благодать Св. Духа и вмѣсто сотовъ, ульевъ и дупла полагаетъ въ душахъ Святыхъ. Подобно пчеламъ они облетаютъ соты Священныхъ книгъ, почерпая въ нихъ великое удовольствіе. Принимая такую пищу, уста ихъ не могутъ произнести ни одного дурнаго слова, ни одного шуточнаго или грубаго,

но каждое достойно неба. Не погрѣшитъ тотъ, кто уста монаховъ уподобитъ источникамъ, лiющимъ медъ и чистые потоки. Таково ихъ настоящее состояніе. А будущее ихъ какое слово можетъ выразить? Какой умъ — постигнуть? Ихъ жребій Ангельскій, неизреченное блаженство, несказанныя блага (1)!

Говоря въ другой бесѣдѣ, что всѣ мы званы на бракъ Божій и что званную на этотъ торжественный чертогъ душу нужно ввести облеченною и украшенною златыми одеждами, Святый Златоустъ продолжаетъ: «хочешь ли я покажу тебѣ одѣтыхъ въ брачную одежду? Припомни Святыхъ, облеченныхъ въ власяницы, живущихъ въ пустыняхъ. Они-то носятъ брачныя одежды. Ты увидишь, что они не согласятся взять порфиры, если будешь давать имъ. И это потому, что знаютъ красоту своей одежды. Если бы ты могъ отворить двери сердца ихъ и увидѣть душу ихъ и всю красоту внутреннюю;— ты упалъ бы на землю, не вынесъ бы сіянія красоты, свѣтлости тѣхъ одеждъ и блеска ихъ совѣсти. У святыхъ подвижниковъ нѣтъ никакой печали, но какъ бы на небесахъ устроивъ себѣ хижины, они также далеко обитаютъ отъ бѣдствій настоящей жизни и борются съ діаволомъ такъ легко, какъ будто играютъ. Они убѣгаютъ городовъ и общественныхъ собраній, потому что воюющему не годится сидѣть въ домѣ, но должно жить въ такомъ жилищѣ, которое легко оставить; они если нужно, оставляютъ его, какъ воины оставляютъ лагерь во время мира. Но пріятнѣе видѣть пустыню, усѣянную хижинами монашескими, нежели видѣть станъ воиновъ, раскидывающихъ въ полѣ шатры. Въ палаткахъ воиновъ Христовыхъ, мы не увидимъ ни растянутыхъ покрововъ, ни острыхъ копій, ни золотыхъ тканей покрывающихъ палатку царскую. Но если бы кто распростеръ на землѣ, которая обширнѣе и неизмѣримѣе нашей, многія небеса, тотъ представилъ бы подобное

(1) Бесѣда 68 на Евапг. Матѳея.

жилищамъ иноковъ. Ибо ихъ обитель ничѣмъ не хуже небесъ; потому, что къ нимъ сходятъ Ангелы, даже Самъ Господь Ангеловъ. Сіи подвижники, какъ воины, живутъ въ шатрахъ не съ копьями, не со щитами и бронями, — и однакожъ они совершаютъ такіе подвиги, какихъ тѣ и съ оружіемъ произвесть не могутъ. Они каждый день сражаются и побѣждаютъ всѣ возстающія на нихъ похоти. Однимъ хотѣніемъ они побѣждаютъ враговъ, которыми воины побѣждаются. Піянство и пресыщеніе побѣждено у нихъ питіемъ воды и лежитъ повержено и мертво. А это — многовидный и многоглавый звѣрь. Въ воинствѣ духовномъ каждый воинъ одерживаетъ побѣду. Кто самъ не нанесъ врагу смертоноснаго удара, того онъ не перестаетъ безпокоить всячески. Каждый изъ сихъ воиновъ воздвигаетъ такіе трофеи, какихъ не могутъ воздвигнуть воинства, собранныя со всѣхъ концевъ вселенной. Они отринули отъ себя все безпорядочное и безразсудное, — безумныя слова, неистовыя и отвратительныя болѣзни, киченіе, и все, чѣмъ вооружается противъ человѣка піянство. Они употребляютъ пищу не для пресыщенія и наслажденія, но для удовлетворенія естественной потребности. Нѣтъ между ними ни птицелововъ, ни рыболововъ. Они довольствуются хлѣбомъ и водою. Смятеніе, шумъ и безпокойство совершенно отъ нихъ изгнаны, и какъ въ жилищахъ ихъ, такъ и въ тѣлѣ великая тишина. И не только надъ сладострастіемъ одержали побѣду оные Святые мужи, но и надъ любостяжаніемъ, славолюбіемъ, завистію и вообще надъ всѣми болѣзнями душевными. Итакъ трапеза сихъ воиновъ не лучше ли трапезы воиновъ Царя земнаго? Трапеза мужей Святыхъ возводитъ на небо; ее приготовляетъ Христосъ; правила для нея даетъ любомудріе и цѣломудріе. Пустынножители не женятся, не посягаютъ имѣть много, не предаются изнѣженности; но кромѣ самыхъ неизбѣжныхъ нуждъ для существа тѣлеснаго, живутъ какъ безтѣлесные. Трапеза ихъ приготовляется праведными трудами; будучи свободна, не позволяетъ собесѣдникамъ

говорить ничего срамнаго; ищетъ пользы своихъ соучастниковъ, — не попускаетъ оскорбить Бога. Нѣтъ у иноковъ никакихъ возмущеній душевныхъ, нѣтъ ни болѣзней, ни гнѣва; все тихо, все мирно, вездѣ великая тишина, великое безмолвіе. Постелію инокамъ служитъ трава; многіе спятъ не имѣя крова, а небо служитъ имъ вмѣсто крова, и луна вмѣсто свѣтильника. У нихъ нѣтъ господина и раба; всѣ рабы и всѣ свободные. Они рабы другъ другу и владыки другъ надъ другомъ. Съ наступленіемъ вечера имъ не о чемъ сокрушаться, не нужно запирать дверь, бояться разбойниковъ. Разговоръ ихъ исполненъ такого же спокойствія. Они всегда разговариваютъ и любомудрствуютъ о будущемъ, и какъ бы не здѣшніе, какъ бы переселившіеся на небо и тамъ живущіе, всегда разсуждаютъ о небесномъ: о лонѣ Авраамовомъ, о вѣнцахъ Святыхъ, о ликованіи со Христомъ; а объ настоящемъ нѣтъ ни помина, ни слова. Они говорятъ о небесномъ царствѣ, о настоящей брани и козняхъ діавола, о великихъ подвигахъ совершенныхъ Святыми. — Хотите ли пойти въ градъ добродѣтели, въ селенія Святыхъ, т. е. въ горы и лѣса? Тамъ-то мы и увидимъ высоту смиренномудрія. Тамъ люди, блиставшіе прежде мірскими почестями, или славившіеся богатствомъ, теперь стѣсняютъ себя во всемъ: не имѣютъ ни хорошихъ одеждъ, ни удобныхъ жилищъ, ни прислуги и во всей жизни своей явственными чертами изображаютъ смиреніе. Все, что способствуетъ къ возбужденію гордости, удалено оттуда. Сами они разводятъ огонь, сами колютъ дрова, сами варятъ пищу, сами служатъ приходящимъ. Тамъ всѣ слуги, каждый омываетъ ноги странниковъ и одинъ предъ другимъ старается оказывать имъ услуги; не разбираютъ они, кто къ нимъ пришелъ, рабъ или свободный, но дѣлаютъ это для всѣхъ равно; нѣтъ тамъ ни большихъ, ни малыхъ. Хотя и есть тамъ нисшіе, но высшій не смотритъ на это, а почитаетъ себя ниже ихъ, и чрезъ то дѣлается большимъ. У всѣхъ одинъ столъ, какъ у пользующихся услугами, такъ и у служащихъ имъ; у

всѣхъ одинакая пища, одинакая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образъ жизни. Большій тамъ тотъ, кто предупреждаетъ другаго въ отправленіи самыхъ низкихъ работъ. Тамъ не говорятъ: это мое, это твое. Оттуда изгнаны слова сіи, служащія причиною безчисленнаго множества распрей. И чему дивиться, что у пустынниковъ одинъ образъ жизни, одинакая пища и одежда, когда у нихъ и душа одна, не по природѣ только, но и по любви, а любовь можетъ ли когда возгордиться сама предъ собою? Тамъ нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, ни славы, ни безчестія. Хотя и есть тамъ нисшіе и высшіе по добродѣтели, но никто не смотритъ на свое превосходство: нисшихъ тамъ не оскорбляютъ презрѣніемъ; ибо тамъ никто не уничижаетъ другихъ. А если бы ихъ кто унижалъ, они тѣмъ болѣе научаются переносить презрѣніе, поруганіе и уничиженіе и въ словахъ и въ дѣлахъ. Любятъ обращаться съ нищими и увѣчными, и за столомъ ихъ много такихъ гостей; а потому-то они и достойны неба. Одинъ врачуетъ раны недужнаго, другій водитъ слѣпаго, иной носитъ безногаго. Нѣтъ тамъ толпы льстецовъ и тунеядцевъ; тамъ даже не знаютъ, что такое лесть. У нихъ во всемъ равенство, и потому они весьма удобно преспѣваютъ въ добродѣтели. Всѣ усилія они употребляютъ на то, чтобы не имѣть первенства, но быть въ униженіи, и всячески стараются превзойти другъ друга въ томъ, чтобы не самимъ пользоваться честію, а воздавать оную другимъ. Впрочемъ, и самыя ихъ занятія приводятъ ихъ къ смиренію. Ибо, скажи мнѣ, кто занимаясь копаніемъ земли, поливаніемъ и насажденіемъ растеній, плетеніемъ корзинъ и вязаніемъ власяницъ, будетъ высоко думать о себѣ? Кто, живя въ бѣдности и борясь съ голодомъ, подвергается сему недугу? Какъ въ мірѣ трудно соблюсти скромность по причинѣ множества рукоплещущихъ и удивляющихся, такъ въ пустынѣ это весьма удобно. Отшельника занимаетъ собою только пустыня; онъ видитъ летающихъ птицъ, колеблемыя вѣяніемъ вѣтерка древа, потоки,

быстро текущіе по долинамъ. Итакъ, что можетъ возбудить къ гордости человѣка, живущаго среди такой пустыни? — Приди и учись у иноковъ. Это—свѣтильники сіяющіе по всей землѣ; стѣны, коими ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились въ пустыню, чтобы научить и тебя презирать суету мірскую. Они, какъ мужи крѣпкіе, могутъ наслаждаться тишиною и среди бури; а тебѣ, обуреваемому со всѣхъ сторонъ, нужно успокоиться и хотя мало отдохнуть отъ непрестаннаго прилива волнъ. Итакъ ходи къ нимъ чаще, дабы, очистившись ихъ молитвами и наставленіями отъ непрестанно приражающихся къ тебѣ скверны, ты могъ и настоящую жизнь провести сколько можно лучше и сподобиться будущихъ благъ. Придти въ пустыню — тоже самое, какъ если бы кто пришелъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру, или въ розовый цвѣтникъ. Какъ здѣсь получаютъ нѣкоторый блескъ и отъ золота и отъ розъ: такъ и приходящіе къ праведнымъ, получая пользу отъ блеска ихъ, убавляютъ нѣсколько отъ прежней гордости. Или какъ тотъ, кто взойдетъ на высокое мѣсто, хотя бы и очень малъ былъ, кажется большимъ; такъ и тѣ, восходя въ бесѣдѣ къ высокимъ помысламъ праведныхъ и сами кажутся такими же, пока съ ними пребываютъ.» «Въ мірѣ свирѣпствуетъ буря, а отшельники сидятъ въ пристани спокойно и въ великой безопасности, смотря какъ бы съ неба на кораблекрушенія, постигающія другихъ. Они и жизнь избрали достойную неба и живутъ не хуже Ангеловъ. Какъ между Ангелами нѣтъ того, чтобы одни благоденствовали, а другіе терпѣли крайнія бѣдствія, но всѣ одинаково наслаждаются миромъ, и радостію, и славою: такъ и здѣсь никто не жалуется на бѣдность, никто не превозносится богатствомъ; своекорыстіе изгнано отсюда; все у нихъ общее: и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительнаго въ этомъ, когда у нихъ и самая душа одна и таже? Всѣ они благородны — одинаковымъ благородствомъ, рабы — одинаковымъ рабствомъ, свободны — одинаковою свободою. Тамъ у

всѣхъ одно богатство — истинное богатство; одна слава — истинная слава, потому, что блага у нихъ не въ имепахъ, но въ дѣлахъ; одна радость, одно стремленіе, одна надежда у всѣхъ. Все у нихъ устроено какъ бы по какому правилу и мѣрѣ, и нѣтъ ни въ чемъ неправильности, но во всемъ порядокъ, стройность и гармонія, — самое точное согласіе и прочное основаніе для всегдашняго благодушія. Всѣ и дѣлаютъ и терпятъ все для того, чтобы имъ благодушествовать и радоваться. Только тамъ и можно это видѣть въ полномъ событіи, потому, что у нихъ не только презирается настоящее, удаленъ всякій поводъ къ несогласію и враждѣ и питаются свѣтлыя надежды на будущее, но случающіяся съ каждымъ изъ нихъ скорби и радости, почитаются общими для всѣхъ (1).

Святый Златоустъ въ особомъ поученіи раскрываетъ, что гораздо лучше быть истиннымъ монахомъ, нежели владѣть земнымъ царствомъ. «Избрать жизнь монашескую, бесѣдуетъ онъ въ семъ поученіи, посвятить себя на служеніе Богу для всѣхъ—легко и удобно. Тотъ, кто посвятилъ себя Богу и ведетъ уединенную жизнь, господствуетъ надъ гнѣвомъ, завистію, сребролюбіемъ и удовольствіемъ и другими болѣзнями, всегда назирая и заботясь, чтобы не подчинить души своей постыднымъ страстямъ, не поработить разума горькому тиранству, но всегда возвышаясь умомъ, поставляетъ страхъ Божій владыкою надъ страстями. Монахъ сражается съ демонами, одолѣваетъ ихъ, побѣждаетъ и увѣнчивается отъ Христа, поелику тотъ, кто вступаетъ въ борьбу подкрѣпленный Божественною помощію, огражденный небеснымъ оружіемъ, естественно долженъ одержать совершенную побѣду. Онъ воюетъ съ діаволомъ за благочестіе, за почитаніе Бога, желая освободить отъ заблужденій или города, или деревни. Монахъ

(1) Бесѣда 69, 70, 72 на Евангѣ. Матѳея.

бесѣдуетъ съ Пророками, украшаетъ умъ мудростію Павла, безпрестанно переходитъ отъ Моисея къ Исаіи, отъ Исаіи къ Іоанну, отъ Іоанна къ другому кому либо. — Ночью монахъ украшается служеніемъ Богу и молитвами, прежде пѣтлогласшенія, начинаетъ пѣніе, и съ нимъ сожительствуютъ Ангелы,— онъ бесѣдуетъ съ Богомъ, вкушаетъ блага небесныя. Пища его такъ легка, что не погружаетъ въ глубокій сонъ. И трапеза и одежда его умѣренны. Монахъ и бѣднымъ и богатымъ даетъ дары, онъ равно щедръ для обоихъ. Хотя цѣлый годъ носитъ одну одежду и охотнѣе пьетъ воду, нежели вино, но не проситъ для себя ни большой ни малой милости отъ богачей, но для бѣдныхъ онъ испрашиваетъ многихъ постоянныхъ милостей, полезныхъ какъ для дающихъ, такъ и для получающихъ. Такимъ образомъ онъ является общимъ врачемъ и для богатаго и для бѣднаго, — одного освобождая отъ грѣховъ добрымъ наставленіемъ, другаго избавляя отъ нужды. Онъ раздаетъ дары Духа, освобождаетъ молитвою души угнетенныя тиранствомъ демоновъ. Къ нимъ прибѣгаютъ и цари въ своихъ нуждахъ, прося ихъ молитвъ. Монахъ носитъ залогъ спасенія въ своей волѣ, въ своей ревности, въ своемъ расположеніи, по слову Писанія: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21). Смерть для него не страшна; ибо для того, кто презираетъ богатства, удовольствія и радости, не тяжело разлучиться съ этимъ міромъ. — Если подвергнется какому нибудь несчастію, то знаетъ, что по смерти получитъ безсмертную и вѣчную жизнь. Монахъ имѣетъ желателей его благъ, подражателей и учениковъ, старающихся быть подобными ему. По смерти своей монахъ восхищается на облакахъ на срѣтеніе Христа на воздусѣхъ, по примѣру Вождя и Установителя сей спасительной жизни и всѣхъ добродѣтелей (1).

---

(1) Chrys. tom. 1. pag. 145—148.

Такими же высокими чертами описывается жизнь древнихъ иноковъ въ исторіи Руфина. «Видѣлъ, пишетъ Руфинъ, истинно видѣлъ сокровище Христово, сокрытое въ человѣческихъ сосудахъ. Видѣлъ я въ Египтѣ отцевъ, живущихъ на землѣ и проводящихъ жизнь небесную, и новыхъ нѣкихъ пророковъ, воодушевленныхъ какъ добродѣтелями душевными, такъ и даромъ пророчества, о достоинствѣ коихъ свидѣтельствуетъ даръ знаменій и чудесъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему, тѣмъ, которые не желаютъ ничего земнаго, ничего плотскаго, не получить небесной силы? Нѣкоторые изъ нихъ такъ свободны отъ всякой мысли о нечестіи, что забываютъ, было ли въ мірѣ что нибудь злое. Таковъ миръ ихъ души, такова ихъ доброта, что истинно объ нихъ можно сказать: *миръ многъ любящимъ законъ Твои* (Псал. 118, 165). Они обитаютъ въ пустынѣ, разсѣянные и раздѣленные по келліямъ, но соединенные любовію. Для того раздѣляются жилищами, чтобы никакой звукъ, никакая встрѣча, никакой праздный разговоръ не возмущали наслаждающихся покоемъ безмолвія и священнымъ вниманіемъ ума. Собравши умъ, каждый въ своемъ мѣстѣ, ожидаютъ пришествія Христа, какъ благаго Отца; или какъ воины въ лагерѣ—присутствія Императора, или рабы—прихода господина, обѣщавшаго дать имъ свободу и дары. Всѣ они не заботятся о пищѣ или о одеждѣ и подобномъ. Ибо знаютъ, что *всѣхъ сихъ языцы ищутъ* (Мат. 6, 32). Они ищутъ правды и царствія Божія; и все сіе, по обѣщанію Спасителя, прилагается имъ.»

«Многіе изъ нихъ, если почувствуютъ нужду въ чемъ либо необходимомъ для тѣла, не къ людямъ прибѣгаютъ, но обратясь къ Богу и прося отъ Него какъ отъ Отца, получаютъ просимое. Ибо такова въ нихъ вѣра, что можетъ и горы переставлять. Посему, нѣкоторые изъ нихъ молитвами останавливали стремленіе волнъ рѣки, готовой затопить сосѣднія селенія, какъ по суху переходили по водѣ, укрощали лютыхъ звѣрей и совершали многія и безчисленныя чудеса, такъ что

нѣтъ сомнѣнія, что ихъ добродѣтелями стоитъ міръ. Особенно удивительно то, что хотя, обыкновенно, все превосходное рѣдко и трудно, — ихъ и по числу много, и по добродѣтелямъ они несравненны. Иные живутъ вблизи городовъ, другіе въ деревняхъ, многіе разсѣяны по пустынѣ какъ бы нѣкое небесное воинство, опоясанное на брань, стоящее въ лагерѣ, всегда стремящееся къ исполненію повелѣній царя; сражаясь оружіемъ молитвъ и покрываясь отъ нападеній врага щитомъ вѣры, старается пріобрѣсть себѣ небесное царство. Они украшены добрыми нравами, миромъ, тихи, покойны и связаны союзомъ любви, какъ бы нѣкимъ родствомъ. Они сильно состязуются въ соревнованіи о добродѣтели. Каждый старается быть снисходительнѣе, кротче, любвеобильнѣе, смиреннѣе и терпѣливѣе другаго. Если кто изъ нихъ былъ мудрѣе, то онъ такъ простъ со всѣми, что, по заповѣди, кажется меньшимъ всѣхъ и слугою всѣхъ» (1).

Историкъ V-го вѣка Созоменъ называетъ монашество самымъ полезнымъ дѣломъ, ниспедшимъ отъ Бога къ человѣкамъ. «Это любомудріе (такъ Созоменъ называетъ монашество) наслаждается только добромъ, и кто удерживается отъ зла, но не дѣлаетъ добра, того почитаетъ худымъ; ибо оно не тщеславится добродѣтелію, но подвизается, почитая людскую славу за ничто. Мужественно противостоя страстямъ души, оно не уступаетъ ни нуждамъ физическимъ, ни немощамъ тѣла. Стяжавъ силу Божественнаго ума, оно всегда созерцаетъ Создателя всяческихъ, ночью и днемъ чтитъ Его и умилостивляетъ молитвами и служеніемъ. Стремясь благочестно къ вѣрѣ чрезъ чистоту души и совершеніе добрыхъ дѣлъ, оно презираетъ очищенія, окропленія и тому подобное, ибо скверными почитаетъ только грѣхи. Будучи выше внѣшнихъ напастей и, такъ сказать, господствуя надъ всѣмъ, оно не отвлекается отъ сво-

(1) Rufini Hist. monach. Patrol. curs. compl. T. XXI. pag. 390.

его избранія ни окружающимъ жизнь безпорядкомъ, ни нуждою. Обижаемое, оно не ослабѣваетъ; терпящее зло—не мститъ, угнѣтаемое болѣзнію или недостаткомъ необходимаго—не упадаетъ въ духѣ; но тѣмъ болѣе и хвалится, что, цѣлую жизнь подвизаясь въ терпѣніи и кротости и требуя немногаго, становится, сколько возможно для человѣческой природы, ближе къ Богу. Смотря на настоящую жизнь какъ на переходъ къ лучшей, оно не удручается заботами о пріобрѣтеніи вещей и не простираетъ своего попеченія о настоящемъ далѣе краткихъ нуждъ, но всегда, предпочитая простыя и удобоискиваемыя потребности здѣсь, чаетъ блаженства тамъ и постоянно стремится къ тамошнему счастливому жребію. Всегда дыша благоугожденіемъ Богу, оно отвращается отъ безстыднаго сквернословія, и, что удалило изъ своей жизни на самомъ дѣлѣ, о томъ не терпитъ даже и звука. Ограничиваясь немногими естественными потребностями и принуждая тѣло довольствоваться малымъ, оно надъ похотію владычествуетъ воздержаніемъ, неправду наказываетъ правдою, ложь вразумляетъ истиною, и мѣрою всего ставитъ благочиніе. Жизнь свою проводитъ оно въ единомысліи и общеніи съ ближними, печется о друзьяхъ и чуждыхъ, дѣлитъ собственное съ нуждающимися, занимается тѣмъ, что полезно для всякаго, не возмущаетъ радующихся и утѣшаетъ скорбящихъ. Заботясь же о всѣхъ и направляя свое попеченіе къ существенному благу, оно здравыми разсужденіями и мудрыми внушеніями научаетъ слушателей чуждаться мести и злословія. Будучи свободно отъ вражды, насмѣшливости и гнѣва, бесѣдуя съ почтеніемъ и скромностію, оно врачуетъ собесѣдниковъ этимъ, какъ бы какимъ лекарствомъ. Какъ разумное, оно отрекается отъ всякаго неразумнаго движенія и совершенно властвуетъ надъ страстями души и тѣла» (1).

---

(1) Созом. Церк. Ист. Кн. 1. гл. 12.

Другой церковный историкъ, Сократъ, приводитъ изреченіе Евагрія: «надобно вѣрно разыскивать пути монаховъ подвизавшихся прежде насъ и по нимъ усовершать себя; ибо они сказали и сдѣлали много хорошаго.» Жизнь перваго пустынножителя и основателя иночества Антонія, передана намъ Святителемъ Александрійской церкви — Аѳанасіемъ. Современники и близкіе потомки со вниманіемъ записывали слова, изреченія и дѣла Святыхъ подвижниковъ. Руфинъ, Палладій, Кассіанъ, блаженный Іеронимъ, Іоаннъ Мосхъ, церковные историки: Сократъ, Созоменъ, Ѳеодоритъ и другіе, собирали свѣдѣнія о древнихъ подвижникахъ. Жизнь сихъ подвижниковъ разсказывали какъ славу и честь Святой Церкви, какъ назидательнѣйшій примѣръ для подражанія и возбужденія къ жизни благочестивой. По великому вліянію иноческаго сословія на судьбу Святой Церкви, исторія монашества сдѣлалась неотъемлемою частію Церковной Исторіи. Какъ непонятна была бы исторія Церкви въ первые три вѣка Христіанства безъ исторіи мучениковъ, такъ непонятна была бы исторія послѣдующихъ вѣковъ безъ исторіи монашества.

Если такъ велико значеніе исторіи монашества вообще, то для Русскаго иночества изображеніе жизни древнихъ подвижниковъ иночества имѣетъ особенную важность. Иноческая жизнь въ Россіи основана и утверждена иноками Восточными. Въ основаніе ея и въ руководство положены тѣ же самыя правила, которыми руководствовалось монашество на Востокѣ. Въ жизни Восточныхъ подвижниковъ Русское иночество всегда искало поучительныхъ примѣровъ для своей жизни; имъ стремилось подражать; ихъ душеспасительныя писанія всегда были источникомъ, въ которомъ почерпало Русское иночество наставленія для себя, пищу для своей души.

Правда, что жизнь каждаго знаменитаго подвижника извѣстна православному Русскому иночеству, и ихъ писанія у многихъ содержатся въ памяти. Посему, не новое что-либо предлагается въ семъ трудѣ, но только собирается во едино

то, что разсѣяно въ разныхъ сказаніяхъ, представляется постепенный ходъ и развитіе иноческой жизни на Востокѣ. Имѣя главною цѣлію назиданіе, Авторъ не оставлялъ безъ вниманія и требованій ученыхъ.

Происхожденіе жизни монашеской.

Монашество своимъ появленіемъ и происхожденіемъ обязано Христіанской религіи. Конечно, не безъ примѣра была дѣвственная жизнь и въ Ветхомъ Завѣтѣ. Изъ примѣра дочери Іеѳѳаевой мы видимъ, что дѣвы отказывались отъ брака и были посвящаемы на служеніе Скиніи. Пророки—Илія, Елисей и другіе вели жизнь безбрачную. Предъ пришествіемъ Христовымъ между Іудеями обитавшими въ Египтѣ, образовалось цѣлое общество Ѳерапевтовъ, проводившихъ жизнь безбрачную. Впрочемъ общее мнѣніе давало предпочтеніе супружеству предъ жизнію дѣвственною. При чаяніи рожденія обѣтованнаго Искупителя, безплодіе супруговъ Пророки представляли наказаніемъ Божіимъ (Исаіи 47, 9. Осіи 9, 12).

Христіанство при самомъ появленіи своемъ отдало предпочтеніе дѣвству предъ супружествомъ, славу рожденія обѣтованнаго Искупителя даровавши въ награду дѣвству, а не супружеству. Пресвятая Марія Богоотроковица съ трехъ лѣтъ посвященная Богу, и по чистѣйшей совершеннѣйшей любви къ цѣломудрію, избравшая дѣвственную жизнь, и по рождествѣ Бога Слова, пребывшая Дѣвою, представила Собою совершеннѣйшій образецъ дѣвства. Размышляя о дѣвствѣ Богоматери, какъ примѣрѣ для дѣвъ Христіанскихъ, Отцы Церкви любили повторять слова Псалмопѣвца: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ Ея, искреннія Ея приведутся Тебѣ; приведутся въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ царевъ* (Псал. 44, 15. 16).

Пророка и Предтечу, пришествія Христова Іоанна Крестителя, проводившаго дѣвственную жизнь въ пустыни, покры-

вавшагося кожаною одеждою и питавшагося суровою пищею, подвижники Христіанства считаютъ первообразомъ иноческой жизни. Дѣвственную жизнь освятилъ Своимъ примѣромъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Благовѣствуя на землѣ людямъ пути спасенія, Онъ, не обязуя къ дѣвству всѣхъ, указалъ на него, какъ на совершеннѣйшій образъ жизни: суть скопцы, иже скопиша себя царствія ради небеснаго. Но сей высшій родъ жизни Онъ представилъ въ удѣлъ только тѣмъ, которые отъ Творца природы и Духа благодати всеосвящающей получили даръ воздержанія и чистоты. *Не вси вмѣщаютъ словесе сего,* сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ о жизни безбрачной, *но имже дано есть* (Матѳ. 19, 11). Но хотя высота жизни, которую Самъ Господь назвалъ Ангельскою (Матѳ. 22, 30), не для всѣхъ доступна: тѣмъ не менѣе сподобившіеся сего дара обязываются быть вѣрными Божественному призванію. *Могій вмѣстити да вмѣститъ,* сказалъ Господь о дѣвственной жизни (Матѳ. 19, 12). Не обязывая никого къ совершенному отреченію отъ міра, Спаситель указываетъ на совершенную нестяжательность, какъ на дѣло высшаго совершенства: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ* (Матѳ. 19, 21). Желающимъ послѣдовать Ему, Онъ повелѣваетъ искать прежде всего царствія Божія и правды его (Лук. 12, 31), отвергнуться себя, взять крестъ свой и идти въ слѣдъ Его (Матѳ. 16, 24). Такимъ образомъ, не обязывая никого къ отреченію отъ связей семейныхъ и гражданскихъ, Спаситель указываетъ на дѣвство—на отреченіе отъ своей воли и имущества, на жизнь исключительно посвященную исканію царства небеснаго, какъ на высшую степень Христіанской жизни.

Другъ и наперстникъ Христовъ Іоаннъ Богословъ писалъ въ своемъ посланіи: *не любите міра, ни яже въ мірѣ, яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 15. 16). Сія заповѣдь обязательная для всѣхъ, болѣе достигается въ жизни иноческой. Иночество

стремится подавить похоть плоти—обѣтомъ цѣломудрія, похоть очесъ—обѣтомъ нестяжательности и гордость житейскую—обѣтомъ послушанія.

Созерцая славу горняго Іерусалима, Св. Іоаннъ Богословъ видѣлъ и особую честь, возданную дѣвству. И взглянулъ я, пишетъ онъ въ откровеніи, и се Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ Нимъ сто сорокъ четыре тысячи, у коихъ имя Отца Его написано на челахъ (гл. 14, 1). Онъ слышалъ пѣснь, которую пѣли предъ престоломъ; и никто не могъ научиться пѣсни сей, кромѣ сихъ ста сорока тысячь, искупленныхъ съ земли. Эти старцы суть дѣвственники, не познавшіе женъ. Они идутъ за Агнцемъ, куда бы Онъ ни пошелъ. Они куплены отъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу. И на устахъ ихъ нѣтъ лукавства; они непорочны предъ престоломъ Божіимъ (— ст. 2—5).

Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: *добро человѣку жены не прикасатися* (1 Коринѳ. 7, 1). Онъ желалъ, чтобы всѣ Христіане подобно ему соблюдали дѣвство: *хощу, да вси человѣцы будутъ якоже и азъ. Глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ* (ст. 7. 8). Онъ указывалъ на превосходство жизни безбрачной предъ супружескою какъ въ отношеніи къ тѣснымъ обстоятельствамъ времени (ст. 26), такъ и къ совершенству Христіанскому: *не оженивыйся печется о Господнихъ, какъ угодити Господеви: а женивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ. Раздѣлися жена и дѣва. Непослушая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ: а послушая печется о мірскихъ, како угодити мужу* (ст. 32—34). Впрочемъ Апостолъ заповѣдалъ, чтобы каждый въ выборѣ того или другаго состоянія сообразовался съ своимъ духовнымъ дарованіемъ. *Кійждо*, писалъ Апостолъ, *свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице* (ст. 7). Избраніе дѣвственной жизни онъ признаетъ добрымъ тогда, когда оно совершается по непринужденному

расположенію сердца, по свободной рѣшимости воли. *А иже стоитъ твердо сердцемъ*, пишетъ Апостолъ, *не имый нужды, власть же имать о своей воли, и разсудилъ есть въ сердцы своемъ, блюсти дѣву свою, добрѣ творитъ* (ст. 37). Потому, прибавляетъ Апостолъ, хорошо дѣлаетъ и тотъ, кто отдаетъ дочь свою за-мужъ и еще лучше дѣлаетъ тотъ, кто не отдаетъ ее (ст. 30).

При обиліи даровъ духовныхъ въ первенствующія времена Христіанства и общей ревности къ высокимъ подвигамъ, не могутъ не встрѣчаться примѣры дѣвственной подвижнической жизни. Многіе, родившись въ Христіанствѣ, съ юныхъ лѣтъ избирали жизнь дѣвственную, проводили все время въ постѣ и молитвахъ, раздавали имѣніе свое на дѣла Богоугодныя, нераздѣльно посвящая жизнь свою Господу, и такимъ образомъ были совершенными иноками прежде появленія иночества. Таковы были нѣкоторые изъ учениковъ Христовыхъ.

Св. Іаковъ братъ Господень, посвященный Богу отъ чрева матери, до конца жизни сохранилъ дѣвство, не вкушалъ ни вина, ни мяса, не намащалъ тѣла своего елеемъ; колѣна его отъ частыхъ преклоненій въ молитвахъ къ Богу за себя и за другихъ, покрыты были наростами (1). Всеобщее преданіе Церкви называетъ дѣвственникомъ возлюбленнаго ученика Христова Іоанна, усыновленнаго Преблагословенной Дѣвѣ Искупителемъ съ креста (2). Дѣвственникомъ называютъ Отцы Церкви и брата Іоаннова Іакова (3). Апостолъ Павелъ самъ даетъ свидѣтельство о своемъ дѣвствѣ (4). Его возлюбленные ученики—Тимоѳей и Титъ не налагали на себя брачныхъ узъ, чтобы всецѣло служить Богу (5); ученица Павла Ѳекла, раз-

(1) Evsev. Hist. Eccl. L. 2. c. 23. Hieron. adv. Jovianum.
(2) Hier. contra Vigilantium L. 1. c. 26.
(3) S. Epiph. adver. Haer. 58, 4. 78. Procli orat. 6.
(4) 1 Кор. 7.
(5) Hieron. ad. Tit. 2, 7. Antiochi Monachi. hom. 112.

дѣлявшая труды Апостольскаго служенія, была дѣвственницею (1). Дщери діаконовъ Іерусалимской Церкви, Филиппа и Николая, пребыли дѣвственницами (2).

Стремленіе къ дѣвственной жизни такъ было сильно въ первенствующія времена Христіанства, что нужно было ограничивать даже эту ревность и защищать святость брака. Изъ посланія Апостола Павла къ Коринѳянамъ (1 Кор. 7) можно заключить, что нѣкоторые почитали обязанностію не только всѣмъ безбрачнымъ оставаться въ такомъ состояніи, но и вступившимъ въ бракъ разлучаться (ст. 1). Чтобы исправить это заблужденіе, Св. Апостолъ научаетъ Коринѳянъ, что дѣвство не есть непремѣнная обязанность Христіанина, но произвольный подвигъ.

Можно думать, что подобныя мысли явились не у однихъ Коринѳянъ. Апостолъ Павелъ защищаетъ важность брака и въ посланіи къ Ефесеямъ (гл. 5, 22—33) и въ посланіи въ Тимоѳею (1 Тим. 4, 2. 3). Ученикъ Апостольскій, Св. Игнатій Богоносецъ также писалъ къ одному Пастырю: не возлагай никакого ига дѣвства, ибо не безопасно сіе стяжаніе и не легко сохранить его, когда бываетъ сіе по принужденію (3). Къ Св. Поликарпу, Епископу Смирнскому, онъ также писалъ: если кто можетъ пребывать въ чистотѣ, да пребываетъ, но безъ тщеславія. Если же кто хвалится, то погибъ; а если хочетъ быть уважаемъ болѣе нежели Епископъ, то совершенно погибъ (4). Въ правилахъ Апостольскихъ мы находимъ также постановленія, ограничивающія неумѣренную ревность о дѣвствѣ и подвижничествѣ (Пр. 5, 51). Но запрещая женатымъ клирикамъ удалять отъ себя женъ, правила

(1) Isidor. Pelus. L. 1. Epist. 87. Athanas. vita Synclit.
(2) Evsev. Hist. Eccl. L. 3. c. 29. 31.
(3) I. Damascini Parallila.
(4) Посланіе къ Поликарпу гл. 5.

Апостольскія не запрещаютъ ради подвижничества удаляться отъ брака, вкушенія мясъ и вина (Пр. 51).

Въ постановленіяхъ Апостольскихъ яснѣе излагается ученіе о дѣвствѣ: о дѣвствѣ повелѣнія мы не получили, но предоставляемъ его свободѣ желающихъ, какъ обѣтъ. Объ одномъ только напоминаемъ, чтобы не давали обѣта легкомысленнаго. Ибо Соломонъ говоритъ: *благо, еже не обѣщаватися, нежели обѣщавшуся не воздати* (Еккл. 5, 4). И такъ дѣва да будетъ чиста душею и тѣломъ, какъ храмъ Божій, какъ домъ Христовъ, какъ обиталище Духа Святаго. Давши обѣдъ надлежитъ творить дѣла достойныя обѣта, доказать, что обѣтъ сей есть истинный, данъ по ревности къ благочестію, а не въ укоризну браку (1).

Всѣ эти совѣты и предписанія о чемъ иномъ свидѣтельствуютъ, какъ не о томъ, что ревность къ дѣвственной жизни, стремленіе къ высшимъ подвигамъ такъ были сильны, что многіе считали подобную жизнь не дѣломъ произвола, но непремѣнною обязанностію всякаго Христіана? Климентъ Римскій дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что между Христіанами Коринѳскими было много подражателей дѣвственной жизни Апостола Павла (2). По свидѣтельству Блаженнаго Іеронима и Св. Епифанія, Климентъ писалъ окружныя посланія къ дѣвственницамъ и въ сихъ посланіяхъ изрекалъ все, что можно сказать о дѣвствѣ (3).

Изъ приведенныхъ нами словъ Св. Игнатія къ Поликарпу видно, что дѣвственники пользовались въ Церкви особымъ уваженіемъ (4). Св. Поликарпъ называетъ ихъ жертвенниками Божіими и въ своихъ наставленіяхъ ставитъ ихъ на ряду съ клиромъ церковнымъ (Посл. къ Филипп. 4). Въ постанов-

---

(1) Constit. Apost. L. IV. c. 14.
(2) Epist. 1. ad Corinth. c. 39.
(3) Hieron. L. 1. contra Iovianum. Epiph. Haeres. 30. c. 15.
(4) Кто хочетъ быть уважаемъ болѣе, нежели Епископъ.

леніяхъ Апостольскихъ предписывается, чтобы подвижники причащались Св. таинъ непосредственно послѣ клира (1).

Принимая на себя дѣвство по обѣту, посвящая жизнь свою исключительно на служеніе Богу, и составляя особый классъ въ обществѣ вѣрующихъ, подвижники первыхъ временъ Христіанства были тоже, чѣмъ были послѣ иноки (2).

Посему, не напрасно преданіе начало монашества возводитъ ко временамъ Апостольскимъ (3); Евсевій старается доказать, что Θерапевты, жившіе въ Египтѣ, около Мареотидскаго озера, были дѣвственники и дѣвственницы Христіанскіе, проводившіе всю жизнь свою въ постѣ, молитвахъ, вдали отъ общества людей (4).

Въ самомъ дѣлѣ, свидѣтельство Филона о Θерапевтахъ, какъ подвижникахъ Іудейскихъ, было первое и послѣднее. Весьма вѣроятно, что еще въ Апостольскій вѣкъ Θерапевты приняли Христіанство и ихъ подвижничество освятилось новой религіей.

Защитники Христіанства предъ язычниками указывали на дѣвственниковъ и дѣвственницъ, какъ на живой примѣръ святости Христіанской нравственности. Св. Іустинъ Мученикъ писалъ: весьма многіе у насъ того и другаго пола, сдѣлавшись учениками Христовыми еще въ дѣвствѣ, и достигши теперь шестидесяти или семидесяти лѣтъ, пребываютъ въ дѣвствѣ. И я готовъ указать такихъ людей повсюду (5). Аѳинагоръ также говоритъ: среди Христіанъ между мущинами и женщинами много можно найти такихъ, которые до глубокой старости пребыли безбрачны, находя въ семъ состояніи болѣе удобства угождать Богу (6). Минуцій Феликсъ говоритъ:

(1) Const. Apost. L. VIII. c. XIII. n. 76.

(2) Кромѣ названія аскетовъ, они назывались Ἐκλεκτῶν Ἐκλεκτοτέροι, ибо всѣ Христіане назывались Ἐκλέκτοι Clim. Alex. in hom. quis dives salvetur n. XXXVI. Epiph. exposit. fidei n. 22.

(3) Dion. Aceop. о земной Іерархіи.

(4) Hist. Eccl. L II. c. 17.

(5) Apologia major. § 18.

(6) Legatio pro Christ. § 33.

весьма многіе у насъ соблюдаютъ навсегда дѣвство, не тщеславясь тѣмъ предъ другими (1). Оригенъ писалъ: у Христіанъ можно найти людей, для которыхъ достаточно одного слова Божія, чтобы, отринувъ отъ сердца всякую похоть, служить Богу молитвами. Подвижницы Христіанскія соблюдаютъ совершенное дѣвство не для почестей людскихъ, не для наградъ и денегъ и не для пустой славы (2).

Посмотри на сестеръ нашихъ, писалъ Тертулліанъ къ женѣ своей, которыхъ имена у Господа; не взирая ни на красоту, ни на возрастъ, онѣ предпочитаютъ святую чистоту супружеству, хотятъ лучше быть невѣстами Божіими, для Бога прекрасными дѣвами. Съ Нимъ живутъ онѣ, съ Нимъ бесѣдуютъ, съ Нимъ обращаются день и ночь, приносятъ молитвы свои къ Господу, какъ вѣно; отъ Него удостоиваются милостей, когда ни захотятъ, какъ бы отъ супруга. Онѣ навсегда пріобрѣли себѣ благаго Господа, и на землѣ уже по безбрачію причисляются къ лику Ангельскому. Сколько такихъ, которые прямо послѣ крещенія, посвящаютъ плоть свою чистотѣ! Сколько такихъ, которые, по взаимному согласію, пресѣкаютъ супружескія отношенія—произвольные скопцы ради царства небеснаго (3)!

Во второй половинѣ 3-го вѣка Св. Меѳодій, Епископъ Тирскій прославлялъ дѣвство въ особомъ сочиненіи: пиръ десяти дѣвъ. Онъ представляетъ здѣсь собраніе дѣвъ у Ареты; онѣ разсуждаютъ о превосходствѣ дѣвства, раскрываютъ въ чемъ оно состоитъ и заключаютъ бесѣду молитвою къ Богу (4).

«Велико, выше природы, чудно и славно дѣвство! Это—питіе, которое источается не землею, но небомъ. Господу предоставлено было преподать сіе ученіе людямъ: поелику Онъ одинъ,

---

(1) Octavius c. 31.
(2) Contra Cels. 1, 7.
(3) Ad uxor. L. 1. 1. c. 4. 6.
(4) Combef. Biblioth. Patr. Pars. 1. p. 64 и дал.

пришедъ на землю, научилъ человѣка возноситься къ Богу; Архіерею и Главѣ Пророковъ и Ангеловъ прилично именоваться и главою дѣвственниковъ. Ветхозавѣтные не могли еще вмѣстить дѣвства. Сколько велико достоинство дѣвства, можно видѣть изъ того, что число дѣвственниковъ изначала опредѣлено ста сорока четырьмя тысячами (Апок. 14, 3. 4). Въ чемъ же состоитъ истинное дѣвство, посвященіе себя Богу? «Если уста мои, такъ говоритъ о семъ одна изъ дѣвъ, буду отверзать для изъясненія Писанія, или для того, чтобы православно и достоприлично воспѣвать Богу, и буду полагать дверь и храненіе устамъ, чтобы не говорить суетнаго: то чисты уста мои и посвящаются Богу. Если буду заграждать слухъ отъ злословія и поношеній и отверзать для Слова Божія: то и слухъ я посвятила Господу.... Если чиста я и сердцемъ, всѣ помышленія его посвящаю Господу, не помышляю ни о чемъ суетномъ, не живетъ въ немъ гордость и гнѣвъ, помышляю о законѣ Господнемъ день и ночь: то истинно совершаю обѣтъ великій, еже очиститися чистотою» (Числ. 6. 1) (1).

Не только тѣло должно соблюдать нерастлѣннымъ; нужно заботиться и о душѣ и украшать ее праведностію. А сіе достигается,—когда душа чисто внимаетъ Слову Божію, прилѣпляется къ Нему, и дотолѣ непрестаетъ приходить къ дверямъ мудрыхъ, доколѣ не достигнетъ Того, Кто есть самая Истина (2).

Указуя на славу небесную, ожидающую отрекшихся отъ міра, одна изъ дѣвственницъ говоритъ: вотъ наше таинственное торжество, прекрасныя дѣвственницы! Вотъ награда за чистый подвигъ цѣломудрія! Обручаюсь Слову и пріемлю въ даръ вѣчный вѣнецъ нетлѣнія и богатство отъ Отца; возложивъ вѣнецъ на главу, украшаюсь свѣтлыми и неувядаемыми цвѣтами

(1) Orat. 1.
(2) Orat. 5.

мудрости. Хожу со Христомъ, воздающимъ награду на небеси окрестъ безначальнаго и безсмертнаго Царя; становлюсь свѣщеносицею неприступныхъ свѣтовъ и воспѣваю новую пѣснь съ ликомъ Ангеловъ, возвѣщая новую благодать Церкви (1).

Свой пиръ дѣвы заключаютъ пѣснію къ Небесному Жениху: Забыла я родителей, возжелавъ Твоей благодати, Слове (Псал. 44. 11). Забыла лики свертницъ дѣвъ, забыла то, что мною хвалились бы мать и сродники. Ты сталъ для меня всѣмъ, Христе. Тебѣ посвящаю себя чистою и съ свѣтильникомъ свѣтоноснымъ срѣтаю Тебя, Женише!

Предтеча Твой, омывавшій въ струяхъ очистительныхъ множество земнородныхъ, беззаконно ведется мужемъ нечестивымъ на закланіе за чистоту. Окропляя же прахъ кровію Своею вопіетъ Тебѣ, Блаженный: Тебѣ посвящаю себя чистымъ и со свѣтильникомъ свѣтоноснымъ, срѣтаю Тебя, Женише! И матерь Твоя, Родительница Жизни, благодать нетлѣнная, непорочная, нося въ безсѣменной утробѣ нескверно зачатый плодъ, будучи Дѣвою, вопіяла, Блаженный: Тебѣ посвящаю Себя чистою и со свѣтильникомъ свѣтоноснымъ, срѣтаю Тебя, Женише!

Блаженный, безначальный, живущій въ чистыхъ селеніяхъ небесныхъ, все содержащій властію вѣчною! Се предстоимъ. Пріими и насъ, Отче съ Сыномъ Твоимъ, во врата жизни. Тебѣ посвящаю себя чистою и со свѣтильникомъ срѣтаю Тебя, Женише!

Такъ прославлялъ Св. Меѳодій дѣвство устами дѣвственницъ. Также прославлялъ дѣвство и Пастырь Карѳагенской Церкви Кипріанъ (2): «Обращаю слово мое къ дѣвственницамъ, о которыхъ тѣмъ болѣе забочусь, чѣмъ онѣ выше славою. Онѣ суть

(1) Orat. 6.

(2) Слово о благочиніи и одеждѣ дѣвственницъ.

цвѣты на древѣ Церкви, краса и благолѣпіе благодати, торжество природы, цѣломудренный и непорочный плодъ хвалы и чести, образъ Божій, сообразный святости Господа, лучшая часть стада Христова. Радуется о нихъ Церковь, и въ нихъ изобильно процвѣтаетъ славное плодоношеніе сей Матери, и чѣмъ болѣе увеличивается многочисленное сословіе дѣвственницъ, тѣмъ болѣе умножается радость матери ».

Но чѣмъ выше дѣвство, тѣмъ оно труднѣе, тѣмъ болѣе искушеній отъ плоти и міра для отрекшихся отъ похотей плоти и міра. Посему Св. Кипріанъ заботливо предостерегаетъ дѣвственницъ отъ всѣхъ соблазновъ; онъ внушаетъ имъ презирать украшенія въ одеждахъ, употреблять свое богатство на дѣла Богоугодныя, не выходить въ публичныя собранія, удаляться мірскихъ удовольствій. « Къ симъ-то дѣвамъ, продолжаетъ онъ, я говорю, ихъ увѣщеваю не столько по власти, сколько по сердечному къ нимъ расположенію, увѣщеваю, не потому, будто бы я меньшій и нижайшій изъ всѣхъ, забывая свою слабость, хотѣлъ присвоить себѣ какую-то рѣшительную власть надъ ихъ свободою, но потому, что я боюсь нападеній врага. И ненапрасно сіе опасеніе, петщетенъ страхъ; онъ ведетъ на путь спасенія и ведетъ къ сохраненію животворныхъ заповѣдей Господа, дабы дѣвы, которыя посвятили себя Христу, и, отказавшись отъ плотскихъ похотей, по плоти и по духу предали себя Богу, совершали надлежащимъ образомъ дѣло свое, за которое уготованы великія награды; дабы не думали уже украшать себя и не старались быть кому-либо угодными, кромѣ своего Господа, отъ Котораго ожидаютъ и награды за свое дѣвство. Если Христосъ отъ своихъ послѣдователей требуетъ воздержанія, дѣвству назначается царство небесное: то что дѣвамъ въ земныхъ нарядахъ и украшеніяхъ? Утѣшаясь тѣмъ, что ониыми можно понравиться людямъ, онѣ оскорбляютъ Бога. Воздержаніе и цѣломудріе состоитъ не въ одной непорочности плоти, но и въ скромности одеждъ и въ цѣломудріи украшеній, чтобы, по

Апостолу, непосягшая была свята и тѣломъ и духомъ. Дѣва не только должна быть дѣвою, но надобно, чтобы и разумѣли и понимали ее дѣвою, дабы никто видя ее, никто не сомнѣвался, что она дѣва. Непорочность должна быть во всемъ непорочна, и тѣлесная одежда не должна противорѣчить внутреннему совершенству. Неприлично дѣвственницамъ украшать свое лице, или величаться красотою тѣла: ибо нѣтъ для насъ никакой брани труднѣе, какъ брань съ плотію и тѣломъ, которое должны онѣ укрощать и побѣждать. Роскошная одежда и убранство дѣвственницы свидѣтельствуетъ о нечистотѣ ея сердца, возбуждаетъ и въ другихъ нечистыя мысли. Ты называешь себя богатою; но дѣвственницѣ неприлично величаться богатствомъ. Истинное богатство составляютъ блага духовныя. Симъ богатствомъ не можетъ обладать та, которая лучше желаетъ быть богатою для вѣка сего, нежели для Христа. Пусть почувствуютъ бѣдные и неимущіе, что ты богата. Давай взаимъ Богу изъ этого стяжанія, питай Христа; умоляй чрезъ молитву многихъ, чтобы пріобрѣсти тебѣ славу дѣвства и достигнуть награды отъ Господа. Чистыя дѣвы должны гнушаться одеждою безстыдныхъ, украшеніями распутныхъ, убранствомъ блудницъ ».

« Нѣкоторыя не стыдятся быть къ кругу дѣвицъ выходящихъ за-мужъ, и увлекаясь вольностію людей нецѣломудренныхъ вести нескромные разговоры, не стыдятся слушать то, что неблагопристойно, и смотрѣть на то, о чемъ не должно говорить. Какая нужда до брака той, которая не хочетъ вступать въ бракъ? И могутъ ли удовольствія и забавы имѣть мѣсто у тѣхъ, у которыхъ совсѣмъ другія занятія, другіе обѣты? »

« Тѣсенъ и узокъ путь ведущій къ славѣ. Убѣгайте широкихъ и пространныхъ путей: утѣхи тамъ гибельны, удовольствія смертоносны. Первый сторичный плодъ—есть плодъ мучениковъ, вторый шестидесятый — вашъ (Матѳ. 13, 8). Какъ мученикъ не думаетъ о плоти и мірѣ, не имѣетъ съ ними ни ма-

лѣйшаго общенія: такъ и въ васъ, которыя занимаете второе мѣсто по наградѣ славы, добродѣтель должна быть близка къ терпѣнію мученическому ».

« Помните, о дѣвы, помните, чѣмъ вы быть начали, и чѣмъ будете. Васъ ожидаетъ великая награда добродѣтели, величайшее воздаяніе непорочности. Хотите ли знать, какого бѣдствія нѣтъ и какое благо есть въ добродѣтели дѣвства? *Умножая умножу печали твоя, и воздыханія твоя: въ болѣзнехъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ*, говоритъ Богъ женѣ (Быт. 3, 16). Вы свободны отъ сего приговора; вы не боитесь свойственныхъ женамъ печалей и воздыханій; не мужья господствуютъ надъ вами: Господинъ и Глава ваша есть Христосъ; Онъ вашъ Женихъ, съ Коимъ вы сочетались однажды и навсегда. Вы уже начали быть тѣмъ, чѣмъ мы будемъ: вы уже имѣете въ семъ вѣкѣ славу воскресенія (Лук. 20, 34 — 36). Пребывая въ чистотѣ и дѣвствѣ, вы равняетесь Ангеламъ Божіимъ. Надобно только, чтобы дѣвство было постоянное и неврежденное. Надобно украшать себя не ожерельемъ или одеждами, но добрыми нравами. Дѣва должна взирать на Бога и на небо; и горѣ устремленные взоры не должна она опускать къ удовольствіямъ плоти и міра или обращать къ землѣ. Вы ищите лучшихъ обителей въ дому Отца Небеснаго. Ваше пакибытіе болѣе свято и истинно; ибо вы не имѣете плотскихъ пожеланій. Вы старшія, такъ заключаетъ свои наставленія Св. Кипріанъ, наставляйте младшихъ; вы младшія служите старшимъ, побуждайте равныхъ себѣ; возбуждайте другъ друга взаимными увѣщаніями, руководствуйте ревностію къ славѣ, подавая собою примѣры добродѣтели ».

Такъ въ словахъ Св. Кипріана высказывалось желаніе видѣть дѣвственницъ живущихъ обществами, въ совершенномъ удаленіи отъ міра, вмѣстѣ съ обѣтомъ чистоты исполняющихъ и обѣтъ вольной нищеты, въ послушаніи благочестивымъ ру-

ководительницамъ. Исполненіе сего желанія осуществилось въ иноческихъ женскихъ обителяхъ.

Во время Кипріана и рэнѣе, дѣвы большею частію, оставаясь въ домахъ родителей, сохраняли приличествующій обѣту образъ жизни, но иногда жили и въ особыхъ обществахъ. Обѣты ихъ освящались молитвами и Епископскимъ благословеніемъ (1). Потому они находились подъ особеннымъ надзоромъ и попеченіемъ Церкви. Многія изъ дѣвственницъ во время гоненія запечатлѣли своею кровію вѣрность Небесному Жениху. Во время гоненія Діоклетіана добровольныя дѣвственныя подвижницы (2), какъ ихъ называетъ Евсевій, подвергаемы были поруганію. Изъ двухъ дѣвственницъ, явившихъ мужеское терпѣніе въ Газѣ, одна —Валентина, попрала ногами жертвенникъ языческій и ниспровергла его вмѣстѣ съ огнемъ на него возложеннымъ (3). Въ Кесаріи предана была огню Еннаѳа, украшенная вѣнцемъ дѣвства. Въ Исторіи страданій Св. Ѳеодота Анкирскаго, описанныхъ очевидцемъ, упоминается семь дѣвственницъ. Приведенныя мучителемъ на поруганіе онѣ просили защиты у Господа Іисуса Христа: «доколѣ въ нашей власти было, молились онѣ, сохранять дѣвство непорочнымъ, Ты знаешь, какъ ревностно мы блюли его до сего дня»; и усердная молитва соблюла для нихъ нетлѣннымъ вѣнецъ дѣвства и приготовила новый вѣнецъ мученичества (4). Другая подвижница, Св. Іустина, для сохраненія дѣвства жертвуя красотою, просила покровительства у Пресвятой Дѣвы Богородицы, и спасла съ собою того, кто хотѣлъ обольстить ее (5).

---

(1) Прав. Кор. Соб. 6, 53. Дѣвы выходя изъ дому родительскаго поручались честнѣйшимъ дѣвамъ (Пр. 53). Дѣвы послѣ произнесенія обѣта вступившія въ бракъ, подвергались епитиміи двоебрачныхъ (Соб. Анк. пр. 19).

(2) ἀντιπαρθένας ἀσκητρίας Evs. de mart. Palaest. c. 5.

(3) Тамъ же с. 8, 9.

(4) Acta SS. Mm. Mart. 18 d.

(5) Твор. Григ. Бог. сл. 18.

Подвижники–дѣвственники болѣе свободные, чѣмъ дѣвы, въ избранiи подвиговъ и образа жизни отличались большою строгостiю самоотреченiя и умерщвленiя плоти. Они жили не только среди общества, но поселялись и въ отдѣльныхъ хижинахъ не вдалекѣ отъ города (1), а иногда удалялись и въ пустыни (2). Во время гоненiя Діоклетiанова они показали особенную твердость въ исповѣданiи Христа. Таковъ былъ подвижникъ Петръ въ Киликiи. Тщетно судiя и его окружающiе убѣждали его пожалѣть себя, пощадить свою юность, онъ все презрѣлъ, всему и самой жизни предпочитая упованiе на Бога. Таковъ былъ Памфилъ, мужъ, какъ говоритъ Евсевiй, прославившiйся съ юности устраненiемъ и презрѣнiемъ житейскаго, раздаянiемъ имущества бѣднымъ, пренебреженiемъ мiрскихъ надеждъ, жизнiю и подвигами свойственными любомудрiю. Изъ Египта подвижники приходили поддерживать и утѣшать мучениковъ Киликiйскихъ и сами безбоязненно принимали мученiе (3).

Такъ, съ самыхъ первыхъ временъ Христiанства до конца третьяго вѣка, мы видимъ непрерывный рядъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ, подвижниковъ и подвижницъ. Смутныя времена Церкви Христовой, преслѣдуемой язычниками не давали возможности образоваться житiю дѣвственному въ правильныя и благоустроенныя общества. Римское правительство преслѣдовало законами безбрачную жизнь (4), съ подозрѣнiемъ смотрѣло на всякiя вновь возникавшiя общества. Дѣвственники и дѣвственницы составляли особый чинъ въ Церкви Христовой, но это не было гласно, не выходило большею частiю изъ

---

(1) Athan. in vita s. Ant.

(2) Evs. Hist. Eccl. L. VI. c. 10. Hist. Eccl. Socr. L. IV, c. 23.

(3) Evs. de mart. Palaest c. 10, 11.

(4) Законъ противъ безбрачной жизни уничтоженъ только Константиномъ В. Evsev. de vita Constan. IV, 26, и первоначально ради дѣвственниковъ и дѣвственницъ Христiанскихъ, отрекавшихся отъ брака по религiознымъ побужденiямъ.

круга семейнаго, въ который не проникалъ надзоръ Римскаго Правительства. Основать отдѣльное общество вдали отъ городовъ въ уединеніи, дѣвственники не могли, когда законы Римскіе не всегда терпѣли ихъ и среди прочихъ жителей. Да и не было нужды подвижникамъ въ первые вѣка Христіанства удаляться отъ своего общества. Каждое семейство Христіанъ было семействомъ подвижниковъ, гдѣ единственною заботою было только исполненіе закона Христова; они избѣгали сношеній съ язычниками, не учавствовали въ ихъ развратныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ, при которыхъ нерѣдко проливалась кровь ихъ же братій по вѣрѣ; искать далеко поприща для подвиговъ—не было нужды. Подвиги самаго высшаго самоотверженія и самоумерщвленія представлялись такъ часто въ подвигѣ мученичества. И этотъ подвигъ не только совершившимъ его уготовлялъ вѣнецъ небесной правды, но служилъ подкрѣпленіемъ для другихъ и очень часто средствомъ обращенія для невѣрующихъ. Темница для Христіанина, пишетъ Тертулліанъ, была тоже, что пустыня для Пророковъ (1).

Но положеніе Церкви много измѣнилось тогда, какъ вѣра Христіанская была объявлена господствующею въ Имперіи. Получивъ полную свободу въ своей жизни и дѣйствіяхъ, отправляя государственныя должности, Христіане среди Имперіи, которой жизнь, законы, обычаи, нравы, увеселенія — все было проникнуто язычествомъ, при частыхъ сношеніяхъ съ самими язычниками, теряли первоначальную чистоту жизни. Когда надъ Христіанами постоянно висѣлъ мечь гонителей, принимали Христіанство только по истинному расположенію, а теперь не мало было примѣровъ, что однѣ земныя выгоды заставляли вступать въ общество Христіанъ. Посему нечего удивляться, что въ членахъ Церкви Христіанской уже не видно

(1) Hoc praestat carcer Christiano, quod eremus Prophetis. Tertull. ad Martyres. cap. II.

той нравственной чистоты, какою ознаменована первенствующая Церковь. « Я самъ также, какъ и вы, говорилъ Св. Іоаннъ Златоустъ современнымъ ему порицателямъ монашества, и даже болѣе, нежели вы желалъ бы, чтобы не было нужды убѣгать въ пустыни. Но поелику здѣсь все извращено, и самые города, не смотря на судилища и законы, полны нечестія и пороковъ, и только пустыня приноситъ богатые плоды любомудрія: то по всей справедливости слѣдовало бы порицать не тѣхъ, которые желающихъ избавляютъ отъ такой бури и смятенія, и вводятъ въ тихую пристань; но тѣхъ, которые каждый городъ сдѣлали до того недоступнымъ и неспособнымъ для любомудрія, что желающіе спасенія должны удаляться въ пустыню. Скажи мнѣ: если бы кто въ глубокую полночь взявши огонь поджегъ большой домъ, наполненный людьми, чтобы истребить спящихъ, кого бы мы стали обвинять, — того ли кто разбудилъ бы спящихъ и вывелъ ихъ изъ дома, — или того, кто произвелъ пожаръ и привелъ въ такую крайность, какъ находящихся въ домѣ, такъ и выведшаго ихъ изъ огня » (1).

Но *въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго воздвигнетъ во время на ней* (Сирах. 10, 4). И явленіе монашества есть одно изъ благодѣяній Божественнаго Промысла для Церкви, особенно благопотребныхъ, тогда какъ жизнь общественная не сообразовалась съ началами жизни Христіанской. Для всѣхъ Христіанъ открылся безопасный пріютъ для благочестивой жизни, огражденный отъ искушеній и соблазновъ міра; для ревнителей высшаго совершенства, указуемаго въ Евангеліи, обширное поприще для подвиговъ самоумерщвленія. Новый видъ добровольнаго мученичества въ отсѣченіи своей воли, въ истребленіи страстей и нечистыхъ помысловъ, въ постоянномъ очищеніи ума и сердца, въ ежедневномъ прино-

(1) Oper. Chrysosth. T. I, Advers oppugnat. vitae monast. n. 7.

шеніи себя Богу въ жертву чистую и живую. Сонмъ иноковъ былъ сонмъ мучениковъ, ежедневно умиравшихъ для Христа.

Иноческая жизнь, начавшаяся въ четвертомъ вѣкѣ, есть какъ-бы продолженіе подвига мученическаго. Что въ первые три вѣка совершили мученики, то въ четвертомъ столѣтіи довершили иноки, — эти новые мученики. Какъ страданіями и терпѣніемъ тѣхъ возбуждались вѣра и нравственность первенствующихъ Христіанъ, такъ строгими подвигами отшельниковъ возбуждались къ благочестивой жизни вѣрующіе. Какъ твердость мучениковъ сокрушила силу язычества, такъ примѣръ отшельниковъ разрушилъ остальные храмы. Какъ изъ радости, съ какою мученики шли на страданія, открывалась сила Христіанства, такъ изъ готовности, съ какою иноки отвергались всѣхъ удовольствій плоти и міра, отрывалась сила ученія Христова.

Для міра Христіанскаго иноки были тѣмъ же, чѣмъ были мученики въ первенствующія времена,—живымъ свидѣтельствомъ святости Христовой вѣры, образцемъ чистѣйшей нравственности, побужденіемъ и подкрѣпленіемъ для колеблющихся, орудіемъ обращенія для невѣрныхъ.

И какое чудное поразительное зрѣлище представляетъ это изумительное распространеніе монашества при его началѣ! Египетъ, гдѣ язычество искало себѣ главной опоры, гдѣ суевѣріе и идолопоклонство достигло высшей степени, — представилъ такой сонмъ иноковъ, что въ пустынѣ было не менѣе жителей, чѣмъ въ городахъ. Ревность къ иноческой жизни, какъ будто быстрый, сильный потокъ, доселѣ сдерживаемый въ своемъ теченіи разорвалъ преграду и стремится наводнить всю страну. Подобно плодотворному и обожаемому нѣкогда Нилу, монашество разлилось по всему Египту и дало ему плодоносіе не земныхъ, но небесныхъ плодовъ. «Не столь свѣтло небо, испещренное сонмомъ звѣздъ, бесѣдуетъ Св. Златоустъ, какъ пустыня Египетская являющая повсюду иноческія кущи. Кто знаетъ древній оный Египетъ богоборный, бѣснующійся, — раба какихъ нибудь животныхъ, страшившагося и

трепетавшаго предъ огородным лукомъ, тотъ вполнѣ увѣрится въ силѣ Христовой. Египетская пустыня лучше рая; тамъ увидимъ въ образѣ человѣческомъ безчисленные лики Ангеловъ, сонмы мучениковъ, собраніе дѣвъ; увидимъ, что все тирянство діавольское ниспровергнуто, а царство Христово сіяетъ; увидимъ, что Египетъ нѣкогда матерь и стихотворцевъ и мудрецовъ и волхвовъ, изобрѣтшій всѣ виды волхованія и передавшій оныя другимъ, теперь хвалится Крестомъ (1)». Гдѣ искать объясненія сего явленія неповторяемаго въ исторіи иночества? Видно, что стремленіе къ иноческой жизни давно зрѣло въ Египтѣ и только нуженъ былъ случай къ обнаруженію сего желанія. Можно находить объясненіе сего явленія въ особой силѣ слова Евангельскаго въ Египтѣ. «Нигдѣ, говоритъ Евсевій, слова Евангельскаго ученія, ни надъ кѣмъ не явили столько своей силы, какъ въ Египтѣ (2)». Много способствовалъ степенный, всегда полный мысли о будущей жизни, характеръ Египтянъ. « Меланхолическій и торжественный видъ природы Египта, пишетъ благочестивый Русскій путешественникъ, вѣчно-ясное небо, строгій характеръ пирамидальнаго зодчества, ужасное разрушеніе зданій гигантскихъ, превышающихъ силы человѣка, столько великаго, столько славнаго въ прахѣ, и наконецъ куда ни взглянемъ, вездѣ поразительное исполненіе пророчествъ, — все это невольно приводитъ къ жизни созерцательной человѣка мыслительнаго » (3).

Наконецъ весьма много значилъ примѣръ дивной жизни первыхъ подвижниковъ и основателей иночества, каковы были Антоній и Пахомій, Аммонъ, два Макарія и другіе, изложеніемъ жизни которыхъ мы и должны начать исторію монашества. Ихъ постоянство, терпѣніе, добродѣтели, чудеса ими совершаемыя увеличили стремленіе къ иноческой жизни.

(1) Homil. in Math. VII.
(2) Demonstr. Evang. p. 227.
(3) Путешествіе по Египту Норова, Ч. II, стр. 350.

ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА

НА ВОСТОКѢ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

АНТОНІЙ ВЕЛИКІЙ, ОСНОВАТЕЛЬ ИНОЧЕСКАГО ОТШЕЛЬНИЧЕСКАГО ЖИТІЯ; ПАХОМІЙ ВЕЛИКІЙ, УЧРЕДИТЕЛЬ ОБЩЕЖИТІЯ ИНОЧЕСКАГО; ЖЕНСКІЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ ВЪ ЕГИПТѢ.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНІЙ ВЕЛИКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ МОНАШЕСТВА (1).

Преподобный Антоній родился въ среднемъ Египтѣ, въ селеніи Кома, близъ Гераклеополя великаго (2) въ 251 г., отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей. Желая сохранить въ чистотѣ сердце сына своего, родители Антонія не позволяли ему никуда отлучаться изъ дому, кромѣ Церкви. Потому Антоній не получилъ ученаго образованія. Но, по словамъ Аѳанасія, онъ дома внималъ чтенію, и душеспасительнымъ чтеніемъ

---

(1) Жизнь Преподобнаго Антонія описана Св. Аѳанасіемъ Александрійскимъ. Св Аѳанасій нетолько былъ современникомъ Антонія, но не мало времени жилъ при немъ, какъ самъ пишетъ. О томъ, что сіе житіе дѣйствительно принадлежитъ Аѳанасію, свидѣтельствуетъ Святый Григорій Назіанзинъ въ похвальномъ словѣ Аѳанасію, Святый Златоустъ въ 8-й бесѣдѣ на Евангеліе Матѳея и блаженный Іеронимъ. Кромѣ Аѳанасія, объ Антоніѣ говоритъ Палладій (Лавс. гл. 23—26), Сократъ (Церк. Истор. кн. 4, гл. 23). Многія изреченія его и разсказы объ немъ собраны въ достоп. сказаніяхъ о подвижничествѣ Отцевъ М. 1843 г. стр. 3 — 12. Церк. Ист. Созом. кн. I, гл. 13. Руфинъ Hist. monach. (2) Sozom. H. E. L. I. c. 13. Гераклеополь нынѣ Ahnas находится въ Среднемъ Египтѣ.

укрѣплялъ въ себѣ любовь къ благочестію и страхъ Божій. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался сиротою, лишившись отца и матери, и долженъ былъ принять на себя попеченіе о малолѣтней сестрѣ. Но заботы домашнія не ослабили въ душѣ Антонія ревности къ благочестію. Онъ находилъ всегда свободное время для того, чтобы присутствовать при Богослуженіи въ храмѣ. Однажды идя въ храмъ, онъ размышлялъ о томъ, какъ Апостолы оставивъ все, послѣдовали за Спасителемъ, какъ первые Христіане полагали къ ногамъ Апостоловъ все, что имѣли. Съ такими мыслями онъ вошелъ въ храмъ и услышалъ слова Евангелія: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси* (Матѳ. 19, 21). Антоній въ сихъ словахъ слышалъ голосъ съ неба, относившійся къ нему. Возвратясь домой, онъ немедленно продалъ свое имущество и раздалъ его нищимъ, оставивъ для содержанія сестры небольшую часть. Но услышавъ въ другой разъ въ церкви слова Спасителя: *не пецытеся на утрей* (Матѳ. 6, 34), Антоній раздалъ нищимъ и оставшееся у него, и поручивъ сестру свою знакомымъ и благочестивымъ дѣвамъ, самъ рѣшился вдали отъ міра подвизаться для единаго Бога.

Такъ совершилось призваніе Антонія къ иноческой жизни— призваніе непосредственное, Божественное. « Ибо, говорилъ Авва Пафнутій, первое побужденіе къ обращенію принялъ онъ отъ Самаго Бога, услышавъ слова Евангелія о самоотверженіи (Лук. 14, 26) и объ отреченіи отъ имущества (Матѳ. 19, 21); въ величайшемъ сокрушеніи сердца онъ принялъ сіе наставленіе такъ, какъ бы оно относилось единственно къ нему, и тотчасъ оставивъ все, послѣдовалъ Христу безъ посредства убѣжденія и ученія человѣческаго (1)». Подобно другимъ подвижникамъ, Антоній поселился сначала вблизи селенія

(1) Кассіана собесѣд. съ Аввою Пафнутіемъ о трехъ отреченіяхъ.

и отдался подъ руководство одного благочестиваго подвижника — старца, съ юности проводившаго уединенную жизнь. Онъ посѣщалъ и другихъ отшельниковъ, какъ умная пчела, по словамъ Аѳанасія, унося съ собою драгоцѣннѣйшую пищу— то, что находилъ лучшаго и совершеннѣйшаго въ ихъ образѣ жизни. Потомъ онъ поселился одинъ подалѣе отъ селенія, заключившись въ гробницѣ, какъ живой мертвецъ. Пищею его былъ хлѣбъ съ солію, а питіемъ вода, и то онъ вкушалъ однажды въ день по захожденіи солнца, а иногда черезъ два дни и даже черезъ четыре дня; одеждой его была грубая власяница, ложемъ сухой тростникъ, а иногда и голая земля. Пропитаніе себѣ добывалъ Антоній рукодѣльемъ, которое бралъ у него благочестивый мірянинъ и въ замѣнъ того приносилъ пищу. «Извѣдавъ, говоритъ Созоменъ объ Антоніѣ, что благая жизнь отъ привычки дѣлается пріятною, хотя въ первый разъ бываетъ и трудна, онъ придумывалъ способы подвижничества все строже и строже, съ каждымъ днемъ становился воздержнѣе, и, какъ бы всегда начиная, придавалъ живую силу рвенію. Тѣлесныя удовольствія обуздывалъ трудами, противъ страстей души вооружался Богомудрою рѣшимостію (1)».

Много искушеній перенесъ Антоній въ первые годы своей подвижнической жизни. Часто въ душѣ его возникала мысль о трудности и суровости отшельнической жизни, и о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя соединены съ богатствомъ и славою мірскою. Иногда возникали нечистыя пожеланія плоти и въ нощныхъ видѣніяхъ являлись искусительные образы. Но пламенною любовію къ Богу, строгимъ постомъ и бдѣніемъ онъ очищалъ свое сердце и въ началѣ отражалъ прилоги врага. Чѣмъ мужественнѣе былъ Антоній въ постигавшихъ его искушеніяхъ, тѣмъ болѣе усиливались противъ него нападенія врага спасе-

(1) Церк. Ист. Кн. 1, гл. 13.

нія. « Сколько разъ, такъ разсказывалъ самъ Антоній своей братіи для назиданія, сколько разъ грозные демоны въ видѣ скорпіоновъ, лютыхъ звѣрей и змѣй окружали меня и наполняли жилище мое, точно готовые на брань воины, а я пѣлъ: сіи на колесницѣхъ и сіи на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся, и тотчасъ они, по милосердію Божію, обращались въ бѣгство. Однажды они въ яркомъ свѣтѣ явились ко мнѣ и сказали: мы пришли, Антоній, сообщить тебѣ свѣтъ нашъ. А я закрылъ глаза, такъ какъ гнушался смотрѣть на свѣтъ діавольскій, помолился и немедленно исчезъ свѣтъ лукавый. Потомъ когда они пѣли передо мной Псалмы и разсуждали между собою о Писаніи: *азъ яко глухъ не слышахъ*. И когда они потрясали мою храмину, я спокойно возсылалъ молитвы къ Господу. Часто злые духи производили шумъ около меня, часто скаканія, часто свистъ; я пѣлъ Псалмы, а ихъ крики обращались въ стоны и рыданія. Повѣрьте, чада мои, тому, что скажу вамъ. Однажды я видѣлъ діавола въ образѣ высочайшаго человѣка, который, дерзнувъ назвать себя Провидѣніемъ и Силою Божественною, сказалъ мнѣ: чего хочетъ отъ меня Антоній? Я плюнулъ ему въ лице, устремился на Богохульца, и тотчасъ этотъ великанъ исчезъ. Когда я постился, онъ представалъ мнѣ съ хлѣбами и такъ склонялъ меня къ принятію пищи: и ты человѣкъ и также обложенъ немощію, вкуси сей пищи и отдохни немного отъ трудовъ, чтобы не сдѣлаться больнымъ. Я узналъ въ семъ соблазнительный образъ змія, и когда прибѣгнулъ къ защитѣ Христовой, онъ исчезъ изъ окна, какъ дымъ. Нерѣдко покушался онъ прельщать меня златомъ, которое для того и приносилъ, чтобы или обольстить мои глаза, или осквернить мои руки. Не умолчу и о томъ, что часто демоны поражали ударами мое тѣло, а я пѣлъ: *никтоже разлучитъ отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ* (1)». Эти

(1) Vit. Ant. S Ath. n 31, 40.

слова Антонія знакомятъ насъ съ многоразличными искушеніями, которымъ подвергался онъ, съ тою тяжкою борьбою, какую онъ вытерпѣлъ.

Однажды приносившій Антонію пищу нашелъ его почти мертвымъ отъ множества ранъ, нанесенныхъ ему рукою врага. Онъ взялъ Антонія изъ гробницы и перенесъ въ домъ одной благочестивой вдовы. Всѣ знавшіе Антонія думали, что онъ умеръ. Пришедъ въ себя, ночью онъ попросилъ брата опять отнесть въ его гробницу, и тамъ не имѣя силъ стать на молитву, онъ лежа призывалъ Господа на помощь. Во время молитвы Господь Своимъ явленіемъ утѣшилъ подвижника, и онъ почувствовалъ себя здоровымъ. «Гдѣ ты былъ, благій Іисусе, воззвалъ къ Явившемуся Антоній? Почто въ началѣ не пришелъ Ты прекратить мои страданія? «Антоній! Я былъ здѣсь, сказалъ Господь, и ждалъ, доколѣ не увижу Твой подвигъ; добрѣ ты подвизался, Я всегда буду твоимъ помощникомъ и содѣлаю имя твое славнымъ повсюду».

Проведши около пятнадцати лѣтъ подвижнической жизни вблизи селенія, утвердившись въ духовной жизни долгимъ рядомъ искушеній, Антоній, давно жаждавшій совершеннаго уединенія, гдѣ бы никто и ничто не нарушало его безмолвія, началъ склонять своего старца — наставника, удалиться съ нимъ въ пустыню. Но преклонныя лѣта сего подвижника и необычайность для того времени намѣренія Антонія, заставили отказаться отъ сего предложенія. Антоній, имѣя отъ роду тридцать пять лѣтъ (1), въ 285 году, оставивъ обитаемыя мѣста, перешелъ Нилъ и на восточномъ берегу его (2), въ запустѣвшемъ укрѣпленіи (3) избралъ себѣ мѣсто для жительства.

---

(1) Такъ говоритъ Святый Аѳанасій.

(2) Гераклеополь находился на западномъ берегу Нила; монастырь Антонія, по древнему раздѣленію, въ Аѳродитопольскомъ округѣ на восточномъ берегу Нила. Description de l'Egypte faite pendant l'expédition de l'armée Française. T. IV. 1821. p. 420.

(3) παρεμβολὴ означаетъ укрѣпленный лагерь. Такого рода лагерей не

Такъ описываетъ это пустынное жилище Антонія одинъ изъ современныхъ намъ Русскихъ путешественниковъ : « Приближаясь по Нилу къ живописной горѣ Джебелуль-Тейръ, мы искали вдоль отвѣсныхъ скалъ мѣста для приступа, — но напрасно. Копты насъ увидали и знаками рукъ показывали на сѣверной мысъ горы. Послѣ дальняго обхода мы пристали къ низменнымъ скаламъ. Подымаясь на берегъ, я замѣтилъ нѣсколько полуобтесанныхъ гранитныхъ камней. Достигнувъ до высоты горы, я увидалъ живописныя и обширныя каменоломни. Я началъ обходить линію каменоломень, но, не видя имъ конца, принужденъ былъ отъ усталости возвратиться ; онѣ представляютъ самые живописные виды. Черезъ полчаса ѣзды отъ каменоломень, по безжизненнымъ скаламъ, достигли мы наконецъ монастыря. Мы спустились на нѣсколько ступеней въ глубину пещеры, изсѣченной въ скалѣ, гдѣ, какъ сказываютъ, жилъ Антоній и тутъ теперь устроена подземная Церковь, имѣющая около 20-ти аршинъ квадратнаго пространства. Какой видъ открывается съ береговыхъ скалъ на края страшной пропасти ! Нилъ между двумя лентами яркой зелени луговъ и пальмовыхъ рощей, изливается по неизмѣримому пространству въ обѣ стороны. Съ запада горизонтъ исчезалъ въ необъятной пустынѣ Ливійскихъ песковъ, а съ востока отъ самаго монастыря хребты безжизненныхъ горъ съ песочными насыпями тянутся къ берегамъ Чернаго моря. Кругомъ монастыря мертвенность неизобразимая — здѣсь нѣтъ ни одного растенія, ни одного источника, монахи достаютъ воду дальнимъ обходомъ съ Нила, или спускаясь съ большею опасностію съ отвѣсныхъ скалъ (1).

Здѣсь вдали отъ всѣхъ людей, безъ наставника и сотруд-

мало было въ Египтѣ въ прежнее время, особенно по берегамъ Нила ; въ нихъ жили войска, которыя должны были охранять Египетъ. Letronne Recueil. Tom. I. p. 10, 11.

(1) Путешествіе по Египту и Нубіи Норова. Ч. II, стр. 344 — 349.

пика Антоній прожилъ около двадцати лѣтъ. Чего не вытерпѣлъ онъ въ продолженіи этого времени? «Поистинѣ, говоритъ Святый Аѳанасій, достойно удивленія, что одинъ человѣкъ, живя въ дикой пустынѣ, не боялся ни ежедневныхъ нападеній діавола, ни свирѣпости безчисленныхъ звѣрей, ни вреда отъ пресмыкающихся животныхъ (1)». Часто приходилось ему терпѣть голодъ, жажду, холодъ и зной. Чѣмъ онъ былъ свободнѣе отъ внѣшнихъ соблазновъ, тѣмъ болѣе духовная борьба его сосредоточивалась внутри — въ области помысловъ. «Кто живетъ въ пустынѣ, говоритъ самъ Антоній, тотъ свободенъ отъ трехъ искушеній: отъ искушенія слуха, языка и взора: одно только у него искушеніе—въ сердцѣ (2)». Уединенная жизнь не спасаетъ совсѣмъ и отъ искушеній плота. «Есть въ тѣлѣ, говоритъ Антоній, движеніе естественное прирожденное ему, но оно не дѣйствуетъ, когда душа не хочетъ. Есть и другое движеніе, происходящее отъ питанія и разгорячения тѣла пищею и питіемъ. Въ подвижникахъ бываетъ еще иное движеніе, которое происходитъ отъ коварства и зависти демоновъ (3)». Иногда сомнѣнія колебали его душу, — сознавая чистоту своихъ стремленій и представляя множество скорбей и искушеній, которымъ подвергался, Антоній вопрошалъ Бога: Господи! для чего одни умираютъ въ молодости, а другіе живутъ до глубокой старости? для чего одни бѣдны, а другіе богаты? для чего нечестивые богаты, а благочестивые бѣдны? Но Господь не оставлялъ вѣрнаго раба Своего. Онъ услышалъ голосъ: Антоній себѣ внимай! А то—суды Божіи, и тебѣ нѣтъ пользы испытывать ихъ (4). Но искушенія иногда до того доводили подвижника, что онъ впадалъ въ уныніе и обуреваемый помыслами недоумѣвалъ, что дѣлать

(1) Vit. Ant. n. 51.
(2) Достоп. сказ. о подвижн. Отц. стр. 5.
(3) Достопамят. сказ. о подвижн. Отц. стр. 9.
(4) Тамъ же стр. 3.

ему, дабы спастись. Господи! взывалъ онъ, я хочу спастися, и помыслы не даютъ мнѣ. Что мнѣ дѣлать въ своей скорби? Какъ спастися? Произнесши сію молитву, Антоній пошелъ по пустыни, и вотъ видитъ кого-то похожаго на себя, который сидѣлъ и работалъ, потомъ всталъ изъ-за работы и молился; послѣ опять сѣлъ и вилъ веревку; далѣе опять всталъ на молитву. Это былъ Ангелъ Господень, посланный для наставленія и подкрѣпленія Антонія. И Ангелъ сказалъ ему вслухъ: и ты дѣлай такъ — и спасешься. Услышавъ сіе, Антоній обрадовался и ободрился. Сталъ такъ дѣлать, и спасался (1). Упражняясь днемъ въ рукодѣліи, ночи Антоній любилъ проводить въ молитвахъ. Солнце, говаривалъ онъ при восхожденіи его, зачѣмъ ты хочешь развлечь мои мысли своими лучами, тогда какъ ты должно бы восходить для того, чтобы подкрѣпить меня сіяніемъ истиннаго свѣта (2).

Въ теченіи двадцати лѣтъ подвижничества, уединеніе Антонія только на краткое время было нарушаемо усердными посѣтителями. Заградивши входъ въ свою пещеру, онъ только чрезъ малое отверстіе бесѣдовалъ съ приходившими. Но настало время, когда онъ долженъ былъ сдѣлаться отцемъ и руководителемъ для другихъ. Нельзя не остановиться съ благоговѣйнымъ вниманіемъ при созерцаніи тѣхъ путей, которыми Промыслъ приготовлялъ Антонія въ наставника и руководителя иночествующихъ. Предъизбранный и призванный Самимъ Богомъ въ наставника иноковъ, Антоній прежде прошелъ всѣ степени духовной жизни, чтобы могъ образоваться изъ него превосходный руководитель душъ. Сначала онъ поступилъ подъ руководство старца, въ качествѣ ученика, чтобы научиться быть учителемъ. Долгое время жилъ онъ въ неизвѣстности для того, чтобы имѣть возможность безопасно образовывать и усо-

(1) Достопамятн. сказ. о подвижн. Отц. стр. 3. 1.
(2) Cassian Coll. 9. c. 10.

вершать себя. Онъ испытывалъ искушенія, чтобы знать, какъ помочь другимъ—бороться съ ними. Тридцать пять лѣтъ подвизался онъ непрестанно молясь, борясь, умерщвляя себя, чтобы научить насъ никогда не торопиться налагать бремя на другихъ и показать, что великое дѣло служенія спасенію душъ требуетъ приготовленія дѣятельнымъ упражненіемъ въ добродѣтеляхъ и уединеніемъ, — безъ чего легко сдѣлаться жертвою неблагоразумной и самонадѣянной ревности.

Усильныя просьбы многихъ ревнителей благочестія, желавшихъ подъ руководствомъ Антонія подвизаться для Бога, заставили его оставить свое затворничество. «Можно ли описать, говоритъ Аѳанасій, съ какою радостію народъ узрѣлъ лице, цвѣтущее къ удивленію всѣхъ, свѣжестію и красотою? Толпами сталъ стекаться къ нему народъ, когда онъ открылъ къ себѣ доступъ. Чудодѣйственной силой вѣры онъ врачевалъ, а словомъ своимъ утѣшалъ печальныхъ, училъ неразумныхъ, укрощалъ гнѣвливыхъ, внушалъ всѣмъ любовь ко Іисусу предпочитать всему. Онъ представлялъ величіе будущихъ благъ, безконечное милосердіе Божіе, не пощадившее для спасенія насъ Своего Единороднаго Сына. Слово Антонія солію растворенное, столь сильно дѣйствовало на сердца приходившихъ къ нему въ пустыню, что многіе изъ нихъ, презрѣвъ жизнь мірскую, тутъ же рѣшались проходить вмѣстѣ съ Антоніемъ пустыническую жизнь». Антоній открылъ къ себѣ доступъ въ то время, когда въ Египтѣ, какъ и въ другихъ странахъ Востока, свирѣпствовало жестокое гоненіе Діоклитіана. Какъ ни любилъ Антоній свою пустыню, но участіе къ страданіямъ гонимыхъ за святую вѣру превозмогло его любовь къ уединенію. Поспѣшимъ, говорилъ онъ, къ славному торжеству нашихъ братій, дабы или съ ними сподобиться мученическаго вѣнца, или по крайней мѣрѣ посмотрѣть на ихъ побѣду. Онъ пришелъ въ Александрію. Не имѣя доступа къ темницамъ заключенныхъ, онъ предъ судищемъ своими увѣщаніями подкрѣплялъ исповѣдниковъ вѣры въ мужествѣ и твердости, ука-

зывая имъ на будущее блаженство. Своими словами онъ проливалъ отраду въ сердца ихъ и въ предсмертныя минуты ихъ жизни. Онъ самъ разсказывалъ послѣ Исидору пресвитеру, странноприимцу Александрійской Церкви о мученичествѣ блаженной Потамины, какъ сладострастный господинъ предалъ ее въ руки мучителя, чтобы страхомъ мученій склонить къ удовлетворенію своего нечистаго пожеланія. Мужественная дѣва лучше желала сгорѣть съ смолою вскипяченною, нежели лишиться невинности, вмѣстѣ умоляла лучше медленно опускать ее въ котелъ, нежели обнаживъ, ввергнуть въ него вдругъ (1). Судія, удивляясь неустрашимости Антонія и бывшихъ съ нимъ, далъ повелѣніе, чтобы никто изъ монаховъ не являлся на судилище, и совсѣмъ не жилъ въ самомъ городѣ. Многіе изъ монаховъ удалились изъ города. Но безтрепетный Антоній на другой день всталъ на возвышенномъ мѣстѣ, прямо предъ глазами Судіи, когда онъ въ сопровожденіи воиновъ шелъ на судилище. «Антоній, говоритъ Аѳанасій, желалъ и самъ мученичества, но Господь сохранилъ сего мужа для нашего и общаго для всѣхъ блага (2)».

Возвратясь въ свою пустыню, Антоній около себя собралъ сонмъ другаго рода мучениковъ — мучениковъ подвижничества. Постоянно возраставшее число учениковъ Антонія дошло до того, что безлюдная доселѣ пустыня походила какъ бы на городъ, гдѣ пребывали правда и благочестіе. Одни изъ пустынниковъ жили вмѣстѣ, и такимъ образомъ составляли общину; другіе разсѣялись по пещерамъ, и жили отшельниками. Но всѣ они были подъ руководствомъ великаго Антонія, который не переставалъ одушевлять ихъ ревность своею бдительностію, увѣщаніями и примѣромъ. Святый Аѳанасій не иначе, какъ съ восторгомъ удивленія говоритъ о монастыряхъ Антонія. «На

(1) Палл. Лавс. гл. 3.
(2) Vit. Ant. n. 46.

горахъ, пишетъ онъ, были монастыри, которые, какъ храмы, наполненные Божественными ликами, были наполнены людьми, жизнь которыхъ проходила въ пѣніи Псалмовъ, въ чтеніи, молитвахъ, постѣ и бдѣніи, — людьми, которые всю надежду полагали въ благахъ будущихъ, которые жили въ единеніи и удивительной любви, и трудились своими руками не столько для прокормленія себя, сколько для пропитанія бѣдныхъ, такъ что это была какъ бы обширная страна, совершенно отдѣльная отъ міра, счастливые обитатели которой не имѣли другой цѣли, кромѣ той, чтобы подвизаться въ правдѣ и благочестіи. Они не знали ропота и пререкословія, они не знали желанія дѣлать зло другимъ, они только соревновали, чтобы предварить другъ друга въ добродѣтеляхъ. Всякой смотря на нихъ, могъ сказать: коль добри домы твои Іакове и кущи твоя Израилю, яко дубравы осѣняющія и яко садіе при рѣкахъ и яко кущи, яже водрузи Господь». Такъ описываетъ Аѳанасій первые монастыри Святаго Антонія.

Антоній не давалъ внѣшнихъ правилъ для жизни иноческой, онъ заботился главнымъ образомъ о внушеніи живаго благочестія своимъ ученикамъ. Когда братія стала просить у Антонія устава для жизни, онъ предложилъ имъ поученіе, замѣчательное по простотѣ и глубокой опытности.

«Для познанія всѣхъ правилъ жизни, сказалъ Антоній, достаточно Священнаго Писанія. Но великую пользу принесетъ и то, если братія будутъ соутѣшаться взаимными поученіями. Посему вы мнѣ, какъ отцу, говорите, что знаете, а я вамъ, какъ дѣтямъ, повѣдаю многолѣтніе опыты. Да будетъ первымъ и общимъ для всѣхъ правиломъ не ослабѣвать въ предпринятыхъ подвигахъ, но постоянно, какъ бы начиная, пріумножать доброе стяжаніе; ибо настоящая жизнь очень кратковременна въ сравненіи съ вѣчностію. Въ здѣшней жизни между людьми обмѣнъ бываетъ равный. Но будущая жизнь обѣщается намъ за дешевую цѣну. За восемдесятъ, много за сто лѣтъ жизни обѣщается царство безконечное, блаженство

вѣчное. Итакъ, чада, не предавайтесь унынію или тщеславію; ибо *недостойны страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. 8, 18). Мы не найдемъ во всемъ мірѣ ничего такого, что бы могло сравниться съ обителями небесными. Посему, отказавшись отъ земныхъ благъ, никто не долженъ превозноситься какъ будто многимъ пожертвовалъ... Какъ вѣрные рабы, мы должны постоянно трудиться, послѣдуя повелѣніямъ Божественнымъ, помня, что Правосудный мздовоздаятель въ чемъ кого обрящетъ, въ томъ и будетъ судить. Чтобы не пасть намъ отъ безпечности, будемъ чаще воспоминать слова Апостола: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). Когда встаете отъ сна, думайте, что вы не доживете до вечера; отходя ко сну, помышляйте, что вы, можетъ быть, не увидите разсвѣта дня. Постоянно памятуйте о измѣнчивости и непостоянствѣ всего на землѣ. Если каждый день будемъ готовиться къ смерти,—предохранимъ себя отъ грѣха. Не бойтесь трудности добродѣтели. Добродѣтель не далеко отъ васъ и не внѣ васъ. Господь сказалъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть.* Добродѣтель, находящаяся въ насъ требуетъ только произволенія человѣческаго. Не оскверняй только человѣкъ того, что даровала тебѣ Божественная благодать. Бѣгайте гнѣва; ибо гнѣвъ, правды мужа не содѣловаетъ» (Іак. 1, 20).

«Не страшитесь и нападеній діавола. Его сила сокрушена пришествіемъ Христовымъ. Будемъ благонадежны, какъ получившіе спасеніе, и да помышляемъ всегда, что когда съ нами Господь, то враги никакого зла не сдѣлаютъ намъ. Они приспособляютъ свои мечтанія къ нашимъ помысламъ: если найдутъ насъ въ страхѣ и смущеніи, то нападаютъ подобно ворамъ, на мѣсто оставленное безъ стражи, и тогда-то, что мы сами помышляемъ, еще болѣе увеличиваютъ; видя, что мы ужасаемся, еще болѣе увеличиваютъ ужасъ своими мечтаніями и грозами, и бѣдная душа мучится отъ сего. Но если найдутъ, что мы радуемся о Господѣ, помышляемъ о бла-

гахъ будущихъ и о Господнемъ, если разсуждаемъ сами съ собою, что все въ рукѣ Господней и что демоны не имѣютъ силы надъ Христіаниномъ, если, говорю, увидятъ такимъ образомъ укрѣпленную душу, то со стыдомъ отступаютъ. Такъ врагъ нашелъ укрѣпленнаго Іова и отступилъ отъ него, а а Іуду заставъ безъ сихъ укрѣпленій, сдѣлалъ своимъ плѣнникомъ. Итакъ, если хотимъ презирать врага, да помышляемъ непрестанно о Господнемъ, и да будетъ душа всегда радоваться во упованіи: тогда страшилища демонскія будутъ намъ казаться дымомъ, и мы увидимъ враговъ скорѣе убѣгающихъ, нежели преслѣдующихъ... Когда будетъ тебѣ какое нибудь видѣніе, воздержи внезапный страхъ свой. И каково бы видѣніе ни было, напередъ вопроси спокойно: кто ты и откуда? Если это явленіе Святыхъ, то они откроются тебѣ и обратятъ страхъ твой въ радость; если же явленіе діавольское, то оно тотчасъ ослабѣетъ, встрѣтивъ твердость духа: ибо и это есть знакъ неустрашимости душевной, чтобъ вопросить: кто ты и откуда? Такъ вопросилъ Іисусъ Навинъ и узналъ явившагося (Нав. 5, 13). Явленіе Святыхъ Ангеловъ такъ тихо и смирно, что наполняетъ душу радостію, восторгомъ и упованіемъ; ибо съ ними Господь, источникъ радости. Тогда умъ нашъ не бываетъ возмущенъ, но спокоенъ и свѣтелъ, будучи освѣщаемъ Ангельскимъ свѣтомъ; тогда душа горя желаніемъ небесныхъ благъ, хочетъ совершенно соединиться съ небожителями, дабы съ ними летѣть на небо. Они такъ милостивы, что если кто, по слабости человѣческаго естества, устрашится необычайнаго ихъ свѣта, тотчасъ изгоняютъ такой страхъ изъ сердца. Но отъ явленія злыхъ духовъ раждается ужасъ въ душѣ, смущеніе мыслей, скука, страшное представленіе смерти, похоть плоти, холодность и отвращеніе отъ жизни добродѣтельной. Ограждайтесь знаменіемъ креста, и прелесть врага исчезнетъ. Однажды я увидѣлъ, говорилъ въ другое время Антоній, всѣ сѣти врага распростертые по землѣ, и со вздохомъ сказалъ: кто же избѣгнетъ

ихъ? Но услышалъ голосъ говорящій мнѣ: смиренномудріе».

«Но, возлюбленные, заповѣдую вамъ паче всего заботиться о томъ, чтобы жить благочестиво, а не о томъ, чтобы творить знаменія. *О семъ не радуйтесь*, сказалъ Господь ученикамъ своимъ, *яко духи вамъ повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (Лук. 10, 20). Имена въ книгѣ живота пишутся за добродѣтели и подвиги, а изгнаніе демоновъ есть даръ Божій. Посему тѣмъ, кои хвалятся чудесами и скажутъ: *не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли и совершали чудеса*, Господь скажетъ: *Аминь глаголю вамъ: не вѣмъ васъ; отъидите отъ Мене дѣлающіе беззаконіе* (1)». Это наставленіе Антонія свидѣтельствуетъ, что внутренній миръ уже обиталъ въ душѣ его. Послѣ многихъ искушеній онъ научился уже побѣждать врага, и нестрашны были Антонію козни діавола. Для братіи эти слова опытнаго въ духовной жизни отца, служили самымъ лучшимъ вразумленіемъ.

До насъ дошло двадцать поученій Антонія къ монахамъ (2). Кратки и просты были поученія, которыя предлагалъ Антоній братіи. «Прежде всего, такъ училъ Антоній братію, мы должны вѣровать въ Господа нашего Іисуса Христа, должны почитать Его, повиноваться Ему и не уподоблять никакой твари, будетъ ли она на небѣ вверху, или на землѣ внизу. Будемъ, братія, ходить въ страхѣ Божіи. Нѣтъ ничего превосходнѣе страха Божія, страха Господа нашего Іисуса Христа. Страхъ Господень руководитъ къ великой славѣ и благодати, и тотъ,

(1) Vit. Ant. n. 44.

(2) Они переведены съ Арабскаго языка на Латинскій Моронитомъ Авраамомъ Эхиленскимъ и первый разъ изданы въ Парижѣ въ 1646 г. Подлинность сихъ словъ подтверждается всеобщимъ преданіемъ Восточныхъ монаховъ, принадлежавшихъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ — Мелхитовъ, Іаковитовъ, Несторіанъ, Коптовъ, Ефіоповъ и Маронитовъ.

кто боится Бога, благоугоденъ Ему. Кто имѣетъ страхъ Господень, тотъ имѣетъ сокровище духовныхъ благъ, тотъ свободенъ отъ вѣчныхъ наказаній, уготованныхъ грѣшникамъ. Страхъ Господень изгоняетъ изъ души всякое коварство и всякой грѣхъ. Напротивъ, кто не боится Бога, тотъ владаетъ въ многія беззаконія. Находясь въ человѣкѣ, страхъ Господень сохраняетъ и оберегаетъ его, доколѣ онъ не оставитъ сего тѣла и не содѣлается наслѣдникомъ небесныхъ благъ ».

« Священное Писаніе говоритъ: *лучше мужъ долготерпивъ, паче крѣпкаго* (Прит. 16, 32). Птакъ будемъ долготерпѣливы, поелику въ долготерпѣливомъ Богъ обитаетъ ».

« Будьте незлобивы. Незлобіе источникъ жизни вѣчной. Незлобивый подобенъ Богу; онъ жилище Святаго Духа. Кто незлобивъ, тотъ получаетъ славу и честь въ семъ и будущемъ вѣкѣ, и имя его въ родъ и родъ. А коварство погубляетъ душу, оскверняетъ тѣло, причиняетъ много зла и порождаетъ порочныя мысли. Коварный угождаетъ діаволу и его сообщникамъ. Съ коварнымъ человѣкомъ не сообщайся и даже не прикасайся къ нему, но удаляйся отъ него какъ отъ гніющаго трупа. Лучше жить въ пустынѣ съ звѣрями, нежели съ коварнымъ человѣкомъ. Онъ дружественно разговариваетъ съ тобою, но какъ скоро ты сдѣлалъ что непріятное для него, онъ неожиданно погубитъ тебя ».

« Старайтесь быть смиренными и удаляйтесь гордости, свойственной діаволамъ. Гордость презрѣнна предъ Богомъ, Ангелами и Святыми Его. По причинѣ гордости небеса поколебались, основанія земли потряслись, бездны возмутились, и Ангелы лишились славы своей и сдѣлались діаволами. По причинѣ гордости адъ получилъ свое бытіе, и вѣчныя наказанія уготованы. Отъ гордости все возмутилось и пришло въ безпорядокъ. Гордость нечиста предъ Богомъ, но смиреніе и сокрушеніе сердца благоугодно Богу. Само милосердіе Божіе смирило себя даже до смерти, смерти же крестныя. Убѣ-

гайте', братія мои, и тщеславія, ибо отъ него многіе погибли. Оно побуждаетъ человѣка предпринимать многоразличные труды, посты, молитвы и ночныя бдѣнія; заставляетъ подавать милостыню предъ людьми, и за все сіе въ будущей жизни награждаетъ только стыдомъ и безчестіемъ. Подвижникъ, которымъ обладаетъ тщеславіе, прилагая труды къ трудамъ, подобенъ человѣку, который для утоленія своей жажды, наливаетъ воду въ просверленый сосудъ.

« Не всѣ могутъ нести тяжкое бремя дѣвства, посему оно предоставлено свободѣ желающихъ. Дѣвство есть печать совершенства, подобіе Ангеламъ, духовная и святая жертва. Оно есть знакъ, указывающій путь къ совершенству, есть вѣнецъ, сплетенный изъ цвѣтовъ добродѣтели, есть благоухающая роза, оживляющая всѣхъ находящихся близъ ея, есть великій даръ Божій, залогъ будущаго наслѣдія въ царствіи небесномъ. Кто презираетъ дѣвство, тотъ презираетъ Бога и Ангеловъ. Лукавый врагъ не смѣетъ приступать къ тому, кто свято хранитъ дѣвство. Но хранящій дѣвство не долженъ хвалиться онымъ. Ибо храненіе его есть дѣйствіе благодати Божіей. Будемъ предохранять себя отъ всякой нечистоты и стараться о чистотѣ даже до смерти. Не будемъ смотрѣть на красоту женъ: ибо отъ нихъ произошла смерть въ мірѣ. Будемъ истреблять всякое нечистое желаніе: ибо оно многихъ погубило. Не будемъ рабами низкихъ и постыдныхъ страстей и порочныхъ желаній, которыя нечисты предъ Богомъ. Возлюбимъ чистоту, ибо ея плодъ есть свѣтъ и истина. Она составляетъ славу Ангеловъ. Для сохраненія чистоты должно ослаблять свое тѣло, но ослаблять мудро и благоразумно, чтобы вмѣстѣ ослабить и погасить въ себѣ чувственныя желанія; потому что сіе ослабленіе усовершаетъ въ насъ добродѣтель цѣломудрія. Вмѣстѣ съ умерщвленіемъ и порабощеніемъ тѣла умертвятся и плотскія страсти. Кто старается быть чистымъ во всѣхъ членахъ тѣла своего, кто истинно благочестивъ и удаляется того, что оскверняетъ тѣло,

тотъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Давидомъ: *вся кости моя рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ* (Пс. 34, 10)? Такой человѣкъ обуздываетъ всѣ чувства свои, не позвляетъ имъ господствовать надъ самимъ собою и возлагаетъ на нихъ иго Господне (1)».

«Будемъ обуздывать языкъ, чтобы не произносить худаго слова. Худое слово вреднѣе всякаго яда. Рану причиненную ядомъ можно исцѣлить, но худаго слова, когда оно произнесено, возвратить нельзя. Языкъ клеветника или ропотника посѣваетъ зло между ближними и разрушаетъ многія весьма полезныя общества. Языкъ клеветника подобенъ жалу змѣи, опаснѣе огня. Какъ убійца мечемъ умерщвляетъ тѣло: такъ клеветникъ словами убиваетъ душу. Посему, дѣти возлюбленные, удаляйтесь клеветника. Клеветникъ, и тотъ кто слушаетъ его, получатъ одинаковое осужденіе. Удаляйтесь, братія, и двуязычнаго человѣка; дружество съ нимъ—дружество со смертію. Онъ заключаетъ союзъ со смертію и приготовляетъ себѣ погибель во адѣ. Онъ погубляетъ души другихъ и вездѣ сѣетъ зло. Молитва, милостыня и постъ такого человѣка непріятны Богу. Блаженъ тотъ человѣкъ, который хранитъ свой языкъ, который предохраняетъ себя и отъ малыхъ грѣховъ. Любите молчаніе, ибо молчаливый человѣкъ близокъ къ Богу и Ангеламъ. Кто обуздываетъ языкъ свой изъ опасенія нарушить какую либо заповѣдь Господню, того Богъ помилуетъ въ послѣдній день суда».

«Если неопытный человѣкъ спроситъ васъ о томъ, что можетъ принести пользу душѣ его, отвѣчайте ему. Если же видите, что отвѣтъ вашъ не будетъ назидателенъ, то уподобляйтесь глухимъ, какъ бы вы ничего не слыхали, — и нѣмымъ, какъ бы вы никогда не говорили».

---

(1) Пис. 17-е.

Дѣти! паче всего старайтесь пріобрѣсти вниманіе, и пріобрѣтши не оставляйте его. Кто пріобрѣлъ духовное вниманіе ко всему, у того умъ сдѣлался здравъ, страсти не могутъ получить власти надъ нимъ. Если имѣющій вниманіе и впадетъ въ грѣхъ, то бдѣніе и вниманіе тотчасъ обратятъ его къ добродѣтели. Имѣющій вниманіе дѣлается мѣстомъ упокоенія для Святаго Духа, счастливо оканчиваетъ поприще жизни сей и удостоивается войти въ обитель Святыхъ (1).

Одобряя уединеніе и нестяжательность, Антоній не одобрялъ праздной жизни, но особенно совѣтовалъ предаваться трудамъ тѣлеснымъ. «Я думаю, сказалъ Антонію одинъ подвижникъ, что лучше можно достигнуть совершенства, живя среди міра, нежели живя въ пустынѣ. Гдѣ ты живешь? спросилъ его Антоній. Подлѣ своихъ родителей, отвѣчалъ онъ, и получая отъ нихъ пропитаніе, я свободенъ отъ всякихъ житейскихъ заботъ, и занимаюсь только молитвою и душеспасительнымъ чтеніемъ. Но сынъ мой, возразилъ ему Антоній, когда съ родителями твоими случается какая либо скорбь, не скорбишь ли ты? Да, отвѣчалъ подвижникъ, все, что случается съ ними добраго или худаго, трогаетъ меня. Такъ вотъ, замѣтилъ Антоній, первое неудобство этой жизни, расположеніе твоей души должно мѣняться сообразно съ обстоятельствами твоихъ родителей и постоянно привязано къ землѣ. Другое неудобство то, что родные, снабжая тебя всѣмъ нужнымъ, лишаютъ тебя награды за трудъ и добрыхъ плодовъ труда тѣлеснаго. Поэтому-то мы предпочитаемъ бѣдность всѣмъ богатствамъ, и лучше любимъ въ потѣ лица выработывать нужное для пропитанія, нежели зависѣть отъ помощи ближнихъ. Ты думаешь, развѣ мы не стали бы слѣдовать твоему примѣру, если бы Апостолы и великіе древніе мужи не учили насъ своимъ при-

(1) Извлечено изъ 20 словъ Антонія къ монахамъ. Христ. чт. ч. 20, стр. 295 — 326.

мѣромъ, какое состояніе лучше? Что добраго, если такой сильный и здоровый человѣкъ, какъ ты, будетъ жить трудами другихъ? Сіе второе неудобство жизни праздной заставило не одного меня, но и другихъ трудиться для своего содержанія (1)».

«Монахъ, говорилъ Антоній, который, отдохнувъ послѣ трудовъ, не принимается немедленно за трудъ, хотя бы и могъ это дѣлать, не получитъ награды трудившихся въ терпѣніи (2)».

Всю сущность иноческихъ обязанностей онъ высказалъ въ краткомъ наставленіи:

«Всегда имѣйте страхъ Божій предъ очами; помните Того, Кто мертвитъ и живитъ (1 Цар. 2, 6). Возненавидьте міръ и все, что въ немъ; возненавидьте всякое плотское успокоеніе, отрекитесь сей жизни, дабы жить для Бога. Помните то, что вы обѣщали Богу; ибо Онъ взыщетъ сего въ день суда. Алкайте, жаждайте, наготуйте, бодрствуйте, плачьте, рыдайте, воздыхайте въ сердцѣ своемъ; испытывайте себя, достойны ли вы Бога. Презирайте плоть, чтобы спасти всѣмъ души свои (3)».

«Какъ угодить Богу?—спросилъ нѣкто Антонія. Куда бы ты ни пошелъ, отвѣчалъ Антоній, всегда имѣй Бога предъ очами твоими; что бы ты не дѣлалъ, имѣй на это свидѣтельство въ Священномъ Писаніи, и въ какомъ бы ты мѣстѣ ни жилъ, не уходи скоро оттуда. Соблюдай сіи три заповѣди, и спасешься (4)». Пребываніе въ келліи, Антоній признавалъ очень важнымъ дѣломъ для инока. «Какъ рыбы, говорилъ онъ, оставаясь долго на сушѣ умираютъ, такъ и монахи, находясь долго внѣ келліи, или пребывая съ мірскими людьми,

---

(1) Cass. Coll. 2, 4. с. 10, 12.
(2) Vita PP. L. 7. с. 26. n. 4.
(3) Достоп. сказ. о подвиж. Отцевъ стр. 11.
(4) Тамъ же стр. 4.

теряютъ любовь къ безмолвію. Посему, какъ рыба рвется въ море, такъ и мы должны спѣшить въ келлію, дабы, оставаясь внѣ оной, не забыть о внутреннемъ бдѣніи. Уединеніе освобождаетъ отъ трехъ искушеній, отъ искушенія слуха, языка и взора» (1). Но и пребывая въ келліи, монаху лучше всего руководствоваться совѣтами людей опытныхъ. «Монахъ, если можно, говорилъ Антоній, долженъ откровенно сказывать старцамъ, сколько онъ дѣлаетъ шаговъ, или сколько пьетъ капель воды въ своей келліи, чтобы какъ нибудь не погрѣшить и въ этомъ. Я знаю монаховъ, которые послѣ многихъ трудовъ пали, потому что понадѣялись на свои дѣла и презрѣли заповѣдь Того, Кто сказалъ: *вопроси отца твоего и возвѣститъ тебѣ* (Втор. 32, 7) (2)».

Отъ монаха требовалъ Антоній полной нестяжательности. Одинъ братъ, отказавшись отъ міра и раздавъ свое имѣніе нищимъ, оставилъ нѣсколько денегъ для собственнаго употребленія и пришелъ къ Антонію. Узнавъ о семъ, Антоній сказалъ ему: если ты хочешь быть монахомъ, то поди въ такое-то село, купи мяса, обложи имъ нагое тѣло твое, и такъ приди сюда. Когда братъ это сдѣлалъ, то собаки и птицы терзали тѣло его. По возвращеніи къ Антонію старецъ спросилъ его, исполнилъ ли его совѣтъ? Братъ показалъ ему израненное тѣло свое. Преподобный Антоній сказалъ ему: такъ нападаютъ демоны и терзаютъ тѣхъ, которые отрекшись міра, хотятъ имѣть деньги (3).

Опытный подвижникъ Антоній зналъ, что усиленные подвиги иногда не безопасны бываютъ для души. «Есть люди, говорилъ онъ, которые изнурили тѣло свое подвижничествомъ, — и однакожъ удалились отъ Бога, ибо не имѣли разсудитель-

---

(1) Достоп. сказ. о подвижн. Отцевъ стр. 4.
(2) Тамъ же стр. 12.
(3) Достоп. сказ. о подвижн. Отцевъ стр. 8.

ности (1). Потому въ обращеніи съ инoками онъ позволялъ и послабленіе. Одинъ звѣроловъ увидѣвъ, что Антоній шутилъ съ братіею, соблазнился. Старецъ подозвавъ его, сказалъ: положи стрѣлу на лукъ твой и натяни ее. Онъ сдѣлалъ такъ. Старецъ говоритъ ему: еще натяни. Тотъ натянулъ еще. Еще тяни, сказалъ Антоній. Если я чрезъ мѣру натяну лукъ, то онъ переломится, сказалъ охотникъ. Такъ, сказалъ ему Антоній, и въ дѣлѣ Божіемъ, если мы сверхъ мѣры будемъ напрягать силы братіи, то онѣ скоро разстроются. Посему необходимо иногда давать хотя нѣкоторое послабленіе братіи (2).

Желаніе быть совершенными во всемъ при началѣ подвижничества затрудняло многихъ изъ братіи. Посему Антоній далъ мудрое правило: кузнецъ, взявъ кусокъ желѣза, наперед смотритъ, что ему дѣлать, косу, мечъ или топоръ. Такъ и мы наперед должны помышлять, къ какой намъ приступить добродѣтели, чтобы не напрасно трудиться (3).

«Имѣйте твердую вѣру въ Господа Іисуса; берегите умъ отъ худыхъ мыслей, тѣло отъ нечистыхъ пожеланій, не увлекайтесь пресыщеніемъ тѣла. Презирайте суетную славу. Молитесь какъ можно чаще, пойте Псалмы по утру, по вечеру и въ полдень и чаще имѣйте въ рукахъ Священное Писаніе. Вспоминайте о подвигахъ совершенныхъ Святыми, чтобы воспоминаніемъ объ ихъ примѣрѣ, побуждать душу свою къ добродѣтели и удерживать отъ пороковъ». Антоній часто повторялъ ученикамъ своимъ: Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ (Еф. 4, 26) объясняя такъ сіи слова, что не въ одномъ гнѣвѣ, но и во всѣхъ прегрѣшеніяхъ да не зайдетъ солнце, чтобы ни ночью луна, ни днемъ солнце не были свидѣтелями нашихъ прегрѣшеній. Онъ указывалъ своимъ ученикамъ какъ

(1) Тамъ же стр. 4.
(2) Достоп. сказ. о подвижн. Отцевъ стр. 5.
(3) Тамъ же стр. 12.

на весьма полезное средство, чтобы они давали себѣ отчетъ, что сдѣлали днемъ и ночью, находятъ ли въ себѣ какой проступокъ, или перестали грѣшить. Если найдутъ, что они не подпали никакому заблужденію, то продолжали бы подвизаться тѣмъ ревностнѣе и не дерзали презирать другихъ, или присвоять себѣ правду, помня слова Божественнаго Учителя: *тьмже прежде времени ничтоже судите:* — Господу вѣдущему тайная принадлежитъ судъ. Многіе пути людямъ кажутся правыми, но послѣдняя ихъ зрятъ на дно адово (Прит. 14, 12). Часто мы не можемъ знать своихъ грѣховъ, часто мы не такъ понимаемъ свои поступки. Иной судъ всевидящаго Бога, который судитъ не по внѣшнему виду, но по тайнымъ помышленіямъ. Нужно сравнивать себя съ собою и нести тяготы другъ друга. Отдавъ судъ Спасителю, будемъ испытывать свою совѣсть и себя самихъ. Весьма полезно, чтобы каждый или самъ замѣчалъ, что онъ дѣлаетъ, или всѣ свои мысли открывалъ бы братіи. Не вдругъ рѣшится на грѣхъ тотъ, кто долженъ сказать другому все, что онъ согрѣшилъ; одинъ стыдъ, что сдѣлаются грѣхи его извѣстными, будетъ удерживать его. Никакой грѣшникъ не рѣшится грѣшить въ глазахъ другихъ, но старается прикрыть свои грѣхи. Открывая другимъ свои грѣхи, мы становимъ себя какъ бы предъ очами всѣхъ. Еще лучше, если мы будемъ записывать свои грѣхи и послѣ показывать ихъ въ собраніи. Тогда самыя письмена будутъ заставлять насъ краснѣть (1).

Попечительный о благѣ братіи, ввѣрившейся его руководству, Антоній былъ любвеобиленъ ко всѣмъ. « Антоній хотя жилъ и состарѣлся въ пустыни, говоритъ Аѳанасій, однако не пріобрѣлъ здѣсь какой либо дикости или грубости, но всегда былъ ласковъ и обходителенъ. Самое лице его имѣло необыкновенную пріятность и привлекательность. Если кто, не

(1) Vita Ant. S. Athan.

видавъ его прежде, приходилъ къ нему въ пустыню, то во множествѣ иноковъ, безъ всякаго указанія подходилъ къ Антонію. Въ его лицѣ отражалась чистота души и обитавшая въ немъ благодать Святаго Духа (1)». Нуждался ли кто въ совѣтѣ, онъ не отказывалъ. Приходилъ ли бѣдный къ нему, онъ отдавалъ послѣдній кусокъ хлѣба, который заработывалъ своими трудами.

Онъ оставлялъ свою любимую пустыню и ходилъ въ шумный городъ, чтобы передъ властями городскими ходатайствовать за притѣсняемыхъ. Каждый считалъ за честь видѣть и слышать Антонія, и потому его ходатайство было благоуспѣшно. Но едва исполнитъ онъ въ городѣ дѣло, какъ тотчасъ же и спѣшилъ назадъ въ пустыню (2).

Его не тяготило служеніе нуждамъ другихъ, но ему тяжело было это многолюдство, это стеченіе къ нему народа, эта всеобщая молва, возбуждаемая не одною жизнію, но чудесами совершаемыми имъ, хотя онъ и старался самымъ чудесамъ своимъ дать видъ событій естественныхъ. Такъ начальникъ воинскій Мартиніанъ привелъ къ нему дочь бѣсноватую и просилъ его молиться объ исцѣленіи. Что ты просишь моей помощи, сказалъ ему Антоній, когда я такой же немощный человѣкъ, какъ и ты? Если вѣруешь во Христа, Которому служу, иди и по вѣрѣ твоей моли Бога, и онъ исцѣлитъ дочь твою. Мартиніанъ повѣрилъ слову Святаго, и призвавъ Господа Іисуса на помощь, нашелъ дочь свою здоровою. Опасаясь, чтобы даръ чудесъ не надмилъ его сердца или не заставилъ другихъ думать объ немъ много, онъ желалъ скрыться отъ молвы людской; и проведши столько лѣтъ въ уединеніи, онъ жаждалъ его опять.

---

(1) Ibidem. n. 73.
(2) Созом. Цер. Ист. Кн. 1, гл. 13.

Взявши съ собою немного хлѣба, Антоній пошелъ на берегъ рѣки дождаться лодки, чтобы отправиться въ Θиваиду. Куда ты хочешь бѣжать, былъ ему голосъ небесный? Въ верхнюю Θиваиду, отвѣчалъ Антоній. Но тотъ же голосъ возразилъ ему: поплывешь ли ты вверхъ въ Θиваиду, или внизъ въ Буколію (1), тебѣ не будетъ покоя ни тамъ, ни здѣсь. Иди во внутреннюю пустыню. Такъ называлась лежавшая далѣе на востокъ къ Чермному морю пустыня, куда и удалился Антоній, послѣдуя за проходившими странниками (2). Послѣ трехдневнаго путешествія нашелъ онъ дикую высокую гору, почти въ тысячу шаговъ. Съ вершины горы открывался обширный видъ. На востокъ высились горы Хоривъ и Синай, простиралась пустыня до Чермнаго моря; на югѣ виднѣлись хребты горъ Θиваидскихъ, на сѣверѣ были безплодныя равнины, на западѣ за песчаной полосой плодоносная равнина Египта. При подошвѣ горы вытекалъ ключь воды, часть ея исчезала въ песчаной пустынѣ, другая образовала небольшой ручей, около котораго по обоимъ берегамъ расли пальмы, придававшія много красоты этому мѣсту, и внизу устроилъ себѣ келлію небольшую, чтобы можно было только лечь (3). Съ той поры жизнь его дѣлилась между новымъ пріютомъ его уединенія, которое отдѣлялось отъ жилища человѣческаго неудобопроходимою пустынею, гдѣ немногіе удостоивались видѣть его, и между оставленнымъ имъ монастыремъ Писперомъ на берегу Нила (4), гдѣ являлся по временамъ для назиданія и пользы братіи и приходившихъ къ нему изъ ближнихъ и дальнихъ странъ. Онъ посѣщалъ монастырь иногда чрезъ десять, иногда

---

(1) Буколіей называлось взморье при впаденіи Нила на Востокъ отъ Александріи.

(2) Пустыня Антонія была не далеко отъ Клизмы (Лугъ Духовный Моска гл. 132).

(3) Vita S. Hilar. c. 26.

(4) Такъ называется первый монастырь Антоніевъ. Палл. Лавс. гл. 23.

чрезъ двадцать дней, иногда чрезъ пять, какъ Богъ, замѣчаетъ Кроній, положитъ ему на сердце для пользы приходящихъ въ монастырь. Разсказъ Кронія знакомитъ насъ и съ тѣмъ, какъ принималъ Антоній приходящихъ. Приходя въ монастырь, Антоній спрашивалъ ученика своего Макарія, котораго онъ оставилъ начальникомъ монастыря: братъ Макарій! не пришли ли сюда какія братія? Макарій отвѣчалъ: пришли. Египтяне или Іерусалимляне? Антоній прежде приказалъ Макарію, когда увидитъ, что пришли въ монастырь люди не совсѣмъ усердные, то говорилъ бы, что Египтяне, а когда придутъ люди благочестивые и умные, то называлъ бы ихъ Іерусалимлянами. Для Египтянъ онъ приказывалъ приготовить сочиво, накормить ихъ и, сотворивъ молитву, отпускалъ ихъ. А съ Іерусалимлянами проводилъ долгое время въ бесѣдѣ о спасеніи души.

Былъ въ Александріи монахъ Евлогій; получивши въ училищахъ Александрійскихъ образованіе, онъ, ревнуя о спасеніи, роздалъ свое имѣніе нищимъ, оставивъ себѣ небольшую часть, ибо не могъ работать. Не желая вступить въ общежитіе и страшась трудности отшельнической жизни, онъ взялъ на торжищѣ увѣчнаго, у котораго не было ни рукъ, ни ногъ, и далъ обѣтъ до самой смерти покоить его, чтобы заслужить милость Божію. Пятнадцать лѣтъ Евлогій ходилъ за нимъ, какъ за отцемъ съ любовію, омывалъ его, мазалъ масломъ, носилъ его на рукахъ, берегъ больше, чѣмъ онъ заслуживалъ и покоилъ, сколько требовала его болѣзнь. Но вдругъ увѣчный сдѣлался капризенъ. Ему сталъ противенъ Евлогій, всѣ его ласки и угожденія; скудна казалась и пища. Связанный обѣтомъ, Евлогій не зналъ что дѣлать и просилъ совѣта у нѣкоторыхъ подвижниковъ. Они сказали: Великій (такъ звали Антонія въ Египтѣ) живъ еще, иди къ нему, что онъ тебѣ скажетъ, то и сдѣлай; чрезъ него Богъ будетъ тебѣ говорить.

Прибылъ Евлогій съ увѣчнымъ въ Писперскій монастырь и

въ тотъ же день вечеромъ, одѣтый кожаной одеждою, пришелъ сюда Антоній. Узнавъ отъ Макарія, что есть пришедшіе въ монастырь, онъ спросилъ: Египтяне или Іерусалимляне? И тѣ и другіе, отвѣчалъ Макарій.

Антоній принялъ всѣхъ. Было уже поздно, когда Антоній сталъ звать: Евлогій, Евлогій, Евлогій! Евлогій не отвѣчалъ, думая, что такъ зовутъ кого-либо другаго. Тебѣ говорю Евлогій, продолжалъ Антоній, который пришелъ изъ Александріи. Антоній говорилъ по Египетски, а Кроній былъ переводчикомъ. Тогда Евлогій сказалъ: что тебѣ угодно? «Зачѣмъ ты сюда пришелъ?» Евлогій отвѣчалъ: тотъ, кто открылъ тебѣ мое имя, откроетъ и дѣло, по которому я пришелъ. «Знаю, зачѣмъ ты пришелъ, сказалъ Антоній, но разскажи, чтобы знали и братія.

Евлогій разсказавъ о своихъ отношеніяхъ къ увѣчному, прибавилъ: я рѣшился бросить его, ибо онъ самъ принуждаетъ меня. Дай мнѣ совѣтъ, какъ поступить.

Великій Антоній съ великой строгостію сказалъ: Евлогій! ты хочешь бросить его? Но Сотворившій его не броситъ его. Ты бросишь его, а Богъ воздвигнетъ лучшаго, нежели ты, и поднимеетъ его. Устрашился Евлогій. Антоній обратясь къ увѣчному, сказалъ: ты увѣчный, недостойный ни неба, ни земли, перестанешь ли возставать на Бога и раздражать брата? Не Христа ли ради онъ посвятилъ себя тебѣ на служеніе? Какъ же ты дерзаешь говорить такъ противъ Христа? Давъ такое наставленіе обоимъ, Антоній занялся бесѣдой со всѣми братіями о нуждахъ каждаго изъ нихъ. Потомъ опять обратился къ Евлогію и увѣчному: перестаньте враждовать дѣти, сказалъ онъ имъ: ступайте съ миромъ и не разлучайтесь другъ съ другомъ; бросьте всѣ огорченія, которыя демонъ посѣялъ между вами, и съ чистой любовію возвратитесь въ келлію, въ которой жили вы столько времени вмѣстѣ; Богъ уже посылаетъ за вами. Это искушеніе наведено на васъ сатаною; онъ знаетъ, что вы оба уже при концѣ поприща, и скоро

удостоитесь вѣнцевъ отъ Христа, — онъ за тебя, ты за него. Если Ангелъ пришедши за вами, не найдетъ васъ обоихъ на одномъ мѣстѣ, вы лишитесь вѣнцевъ ».

Обличенные примирились, и съ любовію поселились вмѣстѣ. Не прошло и сорока дней, какъ скончался Евлогій; чрезъ три дня за нимъ послѣдовалъ и увѣчный (1).

Бесѣда Антонія съ Евлогіемъ достаточно знакомитъ насъ съ характеромъ бесѣдъ Антонія съ приходившими къ нему за совѣтами. Но для насъ драгоцѣнна всякая черта, ближе знакомящая съ этимъ великимъ мужемъ, и потому мы передадимъ и другія его бесѣды.

Пришли однажды старцы къ Антонію, и въ числѣ ихъ Іосифъ. Антоній, желая испытать ихъ, предложилъ имъ изреченіе изъ Писанія, и началъ спрашивать каждаго, начиная съ младшаго, что значитъ это изреченіе? Каждый говорилъ, какъ разумѣлъ. Но Антоній каждому отвѣчалъ: нѣтъ, не узналъ. Послѣ всѣхъ онъ говорилъ Аввѣ Іосифу: ты что скажешь о семъ предметѣ? Не знаю, отвѣчалъ Іосифъ. Антоній сказалъ: Іосифъ попалъ на путь, когда сказалъ: не знаю.

Нѣкоторые братья предложили ему слова изъ книги Левитъ. Антоній пошелъ въ пустыню, и за нимъ тайно послѣдовалъ Аммонъ, знавшій его обыкновеніе. Отошелъ далеко Антоній, сталъ на молитву и громкимъ голосомъ воззвалъ: Боже! пошли Моусея изъяснить мнѣ слова сіи. И Аммонъ слышалъ, что голосъ сталъ говорить съ нимъ, а силы словъ не понялъ.

Пришли еще братія къ Антонію, и просили дать наставленіе какъ спастись? Антоній отвѣчалъ: вы слышали Писаніе, и его довольно для васъ. Но мы и отъ тебя хочемъ услышать что нибудь, отвѣчали они. Исполняйте заповѣдь Евангелія: *аще тя кто ударитъ въ десную ланиту, обрати*

(1) Пала. Лавс. гл. 23.

ему и другую (Матѳ. 5, 30). Но мы не можемъ сего сдѣлать, сказали они. « Ежели не можете подставить другой, то по крайней мѣрѣ переносите ударъ въ одну. И этого не можемъ, сказали они. « Если и этого не можете, продолжалъ Антоній, по крайней мѣрѣ не платите ударомъ за ударъ. Братія сказали: и сего не можемъ. Тогда оборотясь къ ученику, Антоній сказалъ: приготовь имъ сочива, они больны. Если вы одного не можете, другаго не хотите, то что я вамъ сдѣлаю? Нужно молиться. Братія хвалили Антонію одного монаха. Когда пришелъ этотъ монахъ, Антоній захотѣлъ испытать, перенесетъ ли онъ оскорбленіе, и увидѣвъ, что не переноситъ, сказалъ ему: ты похожъ на село, которое спереди красиво, а сзади разграблено разбойниками.

Одинъ братъ просилъ Антонія помолиться о себѣ. Антоній отвѣчалъ: ни я, ни Богъ не сжалится надъ тобою, если ты не будешь заботиться самъ о себѣ и молиться Богу.

Въ одной обители оклеветали брата въ блудодѣяніи. Онъ пришелъ къ Антонію. Пришли и братія изъ обители и стали укорять его, зачѣмъ онъ согрѣшилъ; братъ утверждалъ, что онъ не дѣлалъ этого. Былъ тутъ Пафнутій Кефалъ. Онъ сказалъ притчу: на берегу рѣки видѣлъ я одного человѣка, который увязъ по колѣна въ грязи. Нѣкоторые пришли ему помочь, и по самую шею погрузили его. Тогда Антоній, указывая на Пафнутія, сказалъ: вотъ истинно такой человѣкъ, который можетъ врачевать и спасать души. Оклеветанный братъ принятъ былъ съ честію въ обитель.

Въ обители Аввы Иліи съ однимъ братомъ случилось искушеніе. Его выгнали оттуда, — и онъ пошелъ въ гору къ Антонію. Антоній, продержавъ его нѣсколько времени у себя, послалъ въ обитель. Братія опять прогнали его. Не хотятъ, отче, принять меня, сказалъ онъ, воротившись къ Антонію. Поди скажи имъ отъ меня: буря застигла корабль на морѣ; онъ потерялъ грузъ свой, и съ трудомъ самъ спасся. А вы

хотите потопить и то, что спаслось у берега. Услышавъ слова Антонія, братія приняли инока. Такъ былъ снисходителенъ Антоній къ немощамъ.

Спасеніе ближняго для него было выше всего. Отъ ближняго, говорилъ онъ, зависитъ наша жизнь и смерть. Ибо если мы пріобрѣтаемъ брата, то пріобрѣтаемъ Бога; а если соблазняемъ брата, то грѣшимъ противъ Христа.

Не одни неопытные подвижники искали наставленій Антонія, къ нему приходили за совѣтами и Макарій Великій и Макарій Александрійскій и Пименъ и Памво, сами прославившіеся великимъ подвижничествомъ. Что мнѣ дѣлать? спросилъ Памво Антонія. Не надѣйся на свою праведность, отвѣчалъ ему Антоній; не жалѣй о томъ, что прошло, и обуздывай языкъ и чрево.

Пимену онъ сказалъ: великій подвигъ для человѣка раскаяніе во грѣхахъ своихъ предъ Богомъ, и ожиданіе искушеній до послѣдняго издыханія. Никто безъ искушеній не можетъ войти въ царство небесное.

Макарію Александрійскому онъ сказалъ: на тебѣ почилъ Духъ Божій, и ты будешь наслѣдникомъ моихъ добродѣтелей.

Основатель иночества въ Палестинѣ Иларіонъ, былъ однимъ изъ его любимыхъ учениковъ. Онъ звалъ его своимъ сыномъ.

Къ Антонію ходилъ Аммонъ, сначала скитскій подвижникъ, а потомъ Епископъ. Ты успѣешь въ страхѣ Божіемъ, говорилъ ему Антоній. Потомъ вывелъ его изъ келліи, и указавъ ему камень, сказалъ: брани этотъ камень и бей его. Аммоній сдѣлалъ это. Что камень ничего тебѣ не сказалъ, спрашиваетъ его Антоній? Ничего, отвѣчалъ Аммонъ. Въ сію мѣру придешь и ты, сказалъ ему Антоній. Аммонъ, дѣйствительно, сдѣлавшись Епископомъ, отличался особою снисходительностію къ немощамъ ближнихъ» (1).

---

(1) Дост. сказ. о подв. стр. 35 — 38.

Подъ его руководствомъ подвизался и другой Епископъ Пафнутій, славный уже какъ исповѣдникъ во времена гоненій, мужественно потомъ подвизавшійся за православную вѣру на соборѣ Никейскомъ и за свят. Аѳанасія на соборѣ Тирскомъ (1).

Антоній не былъ лично знакомъ съ Великимъ Пахоміемъ. «Объ отцѣ вашемъ, говорилъ онъ ученику Пахомія Закхею, много разъ слышалъ, что онъ живетъ по писаніямъ и, истинно, часто желалъ видѣть его тѣлесно, но видно былъ недостоинъ того. Въ царствіи небесномъ, по благодати Божіей, увидимъ другъ друга (2)». Но какъ видно сношенія между обителями были, и Антоній посылалъ даже посланія къ инокамъ Тавенскимъ.

Серапіонъ, начальникъ монастырей Арсиноитскихъ былъ другъ Антонія, часто навѣщалъ его и пользовался письменно его совѣтами.

Аммонъ Нитрійскій не только самъ посѣщалъ Антонія, но удостоился посѣщенія и отъ Антонія, и по его благословенію въ Нитрійской пустынѣ основалъ келліи для иноковъ.

Привлеченные славою Антонія, приходили къ нему для бесѣды и мудрецы языческіе. Незнакомый съ ученостію мудрецовъ Египетскихъ, Преподобный Антоній, просвѣщенный свыше, нерѣдко изумлялъ мудрецовъ своею высокою мудростію. Не разъ самонадѣянные мудрецы, думавшіе видѣть въ Антоніѣ необразованнаго невѣжду, выходили отъ него посрамленные необыкновенными его отвѣтами и сильными сужденіями. «Антоній, пишетъ Созоменъ, былъ пріятенъ для собесѣдниковъ и мягокъ въ разговорѣ, хотя бы разговоръ былъ даже спорный; ибо какъ-то мудро свойственными ему одному оборотами и умѣньемъ укрощалъ возраставшее любопрѣніе, бесѣдѣ давалъ тонъ

(1) Vita Ant. n. 30.
(2) Vit. Pach. n. 77.

умѣренный, а собесѣдниковъ, отклоняя отъ горячности, умѣлъ приводить въ мирное состояніе». Однажды пришли къ нему два языческихъ философа, съ намѣреніемъ запутать его своими софизмами. Антоній по внѣшнему виду угадалъ въ нихъ философовъ. Не дожидаясь ихъ вопросовъ, онъ самъ спросилъ ихъ: «зачѣмъ вы—мудрецы пришли ко мнѣ—невѣждѣ?» «Какъ невѣждѣ?» возразили философы. «Мы много слышали о твоей премудрости». «Послушайте, прервалъ рѣчь ихъ Антоній, если вы пришли къ невѣждѣ въ намѣреніи посмѣяться надъ нимъ; то это не стоило такого труда; если же къ мудрецу, какимъ вы меня называете, то прошу васъ подражать мнѣ: мудрость добро, а добру какъ не подражать? Если бы я къ вамъ пришелъ, то съ васъ бы взялъ примѣръ. Но поелику вы пришли ко мнѣ, то будьте мудры подобно мнѣ, будьте Христіанами. Философы, удивленные остротою ума Антонія, удалились молча.

Въ другой разъ пришли къ нему Діалектики. Между прочимъ разговоромъ, они упрекнули его въ томъ, что у него нѣтъ книгъ. Моя книга—природа вещей, отвѣчалъ Антоній,—она всегда готова, какъ скоро мнѣ захочется читать слово Божіе. Скажите вы мнѣ, что прежде было — разумъ или письмена? Конечно разумъ, отвѣчали діалектики; потому что нѣкто другой былъ изобрѣтателемъ и творцемъ письменъ. Стало быть, сказалъ Антоній, у кого есть неповрежденный разумъ, тому не нужны и письмена.

Еще пришли къ нему мужи образованные по всѣмъ правиламъ мірской философіи, уважаемые всѣми за свою глубокую ученость. Распрашивая Преподобнаго Антонія объ основаніяхъ вѣры во Христа, и вооружаясь хитрыми софизмами противъ искреннихъ словъ праведника, они между прочимъ дали волю своимъ насмѣшкамъ надъ ученіемъ о крестѣ. Тронутый старецъ умолкъ на короткое время, потомъ, изъявивъ свою глубокую скорбь объ ихъ ожесточеніи, онъ такъ началъ говорить:

«Скажите мнѣ бѣдные мудрецы, что честнѣе, почитать ли крестъ Христовъ или мерзости боговъ, коимъ вы поклоняетесь? Скажите мнѣ мудрецы, не лучше ли проповѣдывать непремѣняемость и присносущность Слова Божія, пріявшаго тѣло человѣческое для спасенія нашего, для обоженія природы нашей, нежели Божество уподоблять безсловеснымъ, и кланяться потомъ четвероногимъ, пресмыкающимся животнымъ и идоламъ? А таковы всѣ предметы поклоненія вашего, мудрецы. Какъ вы можете порицать Христіанъ за то, что они исповѣдуютъ Іисуса Христа явившимся истиннымъ человѣкомъ, когда вы, низводя бѣдную душу съ неба, заставляете её витать въ тѣлахъ не только человѣческихъ, но даже и скотскихъ?»

«Что же касается до креста, то скажите мнѣ, не лучше ли терпѣть и не страшиться никакого рода смерти, которую готовитъ намъ нечестіе, нежели разсказывать намъ басни объ Озирисѣ и Изидѣ, о коварствахъ Тифона, — о бѣгствѣ и пожираніи дѣтей Сатурна и объ отцеубійствахъ? Все это, какъ видите, ваша премудрость! Притомъ, для чего вы, понося крестъ, молчите о воскресеніи? Для чего, упоминая о смерти крестной, не говорите о прозрѣніи слѣпыхъ, объ исцѣленіи бѣсноватыхъ, объ очищеніи прокаженныхъ, о хожденіи по морю, о воскресеніи мертвыхъ и о другихъ чудесахъ, доказывающихъ Божество Іисуса Христа. Тѣ, кои говорили о крестѣ, писали и о всемъ этомъ. Вы, кажется, нечисто-сердечно читали наши Писанія. Но будьте внимательнѣе, — и вы увидите, что дѣла Іисуса Христа показываютъ въ Немъ Бога, пришедшаго спасти человѣка».

«Теперь раскройте передо мною ваши сказанія. Чѣмъ вы извините ваше почитаніе безсловесныхъ? Слышалъ я, что вы стараетесь все это прикрыть иносказаніемъ; но и въ такомъ случаѣ, вы не почитаете Бога, а служите твари вмѣсто Творца. Какъ бы ни былъ прекраснъ міръ, вы только должны удивляться ему, а не боготворить его, чести Зиждителя

не отдавать созданію, такъ какъ вмѣсто Зодчаго не отдаютъ чести зданію, не приписываютъ побѣдной почести воину, вмѣсто вождя».

Пристыженные философы смотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи. Преподобный Антоній видѣлъ ихъ замѣшательство и продолжалъ:

«Все это такъ представляется даже съ перваго взгляда. Но вы діалектики, не любите ни чему вѣрить безъ доказательствъ, и обладая искусствомъ славопрѣнія, хотите, чтобы и мы по убѣжденію доказательствъ почитали Бога. Скажите же мнѣ: познаніе вещей и преимущественно познаніе Бога, чѣмъ лучше и вѣрнѣе достигается — умозаключеніями или силою вѣры? И опять, что̀ древнѣе вѣра или убѣжденіе доказательствъ? Разумѣется вѣра, сказали философы, которая одна только доставляетъ познаніе твердое». Такъ, прибавилъ Антоній, потому что вѣра происходитъ отъ внутренняго расположенія души не такъ, какъ ваша діалектика — изобрѣтеніе человѣческое. Значитъ въ комъ дѣйствуетъ живая вѣра, для того излишни, даже совсѣмъ ненужны ваши доказательства. Мы вѣрою понимаемъ то, до чего вы должны доходить вашими умозаключеніями; даже часто, что мы понимаемъ, того вы и выразить не можете. Чтожъ послѣ сего ваши софистическія доказательства предъ вѣрою? Мы Христіане обладаемъ тайнами мудрости не отъ изученія еллинскихъ хитростей, но силою вѣры, данной намъ Богомъ чрезъ Іисуса Христа. Что сказанное мною справедливо, это видно изъ того, что мы, не учившись вашимъ наукамъ, знаемъ Бога, какъ Творца и Промыслителя. Что вѣра наша сильна, видно изъ того, что утвержденные ею во Христа, всюду распространяемся; а вы, вооруженные вашимъ софистическимъ многословіемъ, уменьшаетесь и исчезаете съ вашими идолами. Вы вашими умозаключеніями и софизмами еще не обратили ни одного Христіанина къ язычеству; а мы успѣли побѣдить ваши нелѣпыя су-

евѣрія и какъ? — только проповѣдуя вѣру во Христа, только заставляя признавать Его Богомъ и Сыномъ Божіимъ. Вы краснорѣчіемъ своимъ не положили препоны Христіанству; а мы, именуя только Христа распятаго, прогнали вашихъ демоновъ, которыхъ вы чтите, какъ боговъ. Гдѣ только знаменіе креста, тамъ безсильна магія, тамъ не дѣйствительно чародѣйство ».

« Гдѣ теперь, отвѣчайте мнѣ, ваши прорицалища? Гдѣ чары Египетскія? Гдѣ вымыслы волхвовъ? Не тогда ли все это обезсилѣло, исчезло, когда явился крестъ Христовъ? Что же теперь достойнѣе посмѣянія, крестъ ли или обезсиленное, ниспровергнутое имъ? Когда Богопознаніе было святообразнѣе? Когда явилось цѣломудріе? Когда смерть такъ была презираема, какъ не по появленіи креста Христова? Никто конечно не станетъ говорить противъ сего, видя мучениковъ съ радостію идущихъ на смерть за Христа, видя дѣвъ, сохраняющихъ себя въ чистотѣ и цѣломудріи. Довольно сихъ свидѣтельствъ для утвержденія того, что Христова вѣра учитъ истинному Богопочтенію. Но вы и послѣ сего не вѣрите, а требуете на все доказательствъ?... Въ это время привели къ Преподобному Антонію одержимыхъ бѣсами; приказавъ представить ихъ къ себѣ, онъ сказалъ философамъ: исцѣлите ихъ, можетъ быть, они послушаются вашихъ умозаключеній, вашего искусства и магіи; можетъ быть они убоятся призыванія вашихъ боговъ. Если же не можете, то перестаньте спорить, и зрите силу креста Христова ». Сказавъ сіе, Преподобный Антоній три раза осѣнилъ страждущихъ знаменіемъ Святаго креста; и въ ту же минуту они исцѣлѣли, — пришли въ себя, и начали славить Бога. Изумленные и устрашенные философы остались неподвижны. « Не удивляйтесь, сказалъ имъ Антоній, это не своею силою мы дѣлаемъ, а Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Увѣруйте, и вы познаете, что сила наша не искусство словъ, а вѣра, дѣйствую-

щая любовію ». Софисты ушли , признавшись , что они много получили пользы отъ бесѣды старца (1).

Исцѣленіе бѣсноватыхъ , совершенное Антоніемъ въ присутствіи философовъ, не было единственнымъ свидѣтельствомъ обитавшаго въ немъ дара чудотворенія. Какъ къ обыкновенному врачу приводятъ больныхъ для полученія помощи , такъ къ Антонію приводили ихъ для полученія сверхъ–естественнаго исцѣленія (2). «Безчисленны чудеса , явленныя міру Антоніемъ , говоритъ Аѳанасій». Онъ имѣлъ и даръ прозорливости , но избѣгая молвы людской старался сокрыть его (3). Впрочемъ нерѣдко опыты прозорливости его открывались и предъ всѣми (4).

Слава Антонія , говоритъ Созоменъ , такъ была велика въ пустыняхъ Египетскихъ , что Царь Константинъ назвалъ его своимъ другомъ , почтилъ посланіями , и убѣждалъ писать къ себѣ о нуждахъ (5). Аѳанасій пишетъ также , что Императоръ Константинъ , и дѣти его Констансъ и Констанцій письменно просили Антонія , какъ отца , утѣшить ихъ взаимнымъ посланіемъ. Долго Антоній , избѣгая славы мірской , не хотѣлъ исполнить сей просьбы. Потомъ собравъ братію своего монастыря , сказалъ : Мірскіе Цари пишутъ къ намъ письма. Христіанамъ нечего удивляться тутъ. Ибо хотя въ мірѣ различны состоянія , но для всѣхъ одинакова участь рожденія и смерти. То достойно всякаго удивленія , что Самъ Богъ написалъ законъ людямъ , и чрезъ Сына Своего обогатилъ Своимъ ученіемъ Церковь. Что инокамъ до посланій Царскихъ ? Какъ принять мнѣ сіи посланія , на которыя я не умѣю отвѣчать обычными привѣтствіями ? По просьбѣ братіи , пред–

---

(1) Vita Ant. n. 72 — 80.
(2) Vita Ant. n. 61. 63. 64.
(3) Дост. сказанія о подв. Отцевъ стр. 11.
(4) Тамъ же стр. 5 , 6. Vita Ant. n. 59.
(5) Созом. Церк. Истор. кн. I , гл. V.

ставившей Антонію, что молчаніе его огорчитъ Царей, рѣшился писать къ нимъ. Сначала Антоній хвалитъ ихъ благочестіе, потомъ даетъ совѣтъ, не превозноситься тѣмъ, что они Цари, не забывать, что они и при Царскомъ достоинствѣ, подобные другимъ люди, и будутъ судимы отъ Христа. Наконецъ внушаетъ имъ быть правосудными и милосердыми къ подданнымъ, прилагать попеченіе о бѣдныхъ, и помнить о томъ, что единъ есть Царь надъ всѣми и всѣхъ вѣковъ — Іисусъ Христосъ. Посланіе Антонія, какъ говоритъ Аѳанасій, съ великою радостію было принято при Дворѣ.

Какъ ни былъ славимъ Антоній, но никогда, пишетъ Аѳанасій, слава не омрачала его смиренія; смиренно наклонялъ онъ свою голову предъ Епископами и пресвитерами. Діаконовъ, приходившихъ къ нему за наставленіями, назидалъ своимъ словомъ и вмѣстѣ просилъ молиться за себя (1).

Антоній не любилъ разсказывать и о своихъ подвигахъ. Для назиданія братіи разсказывая объ искушеніяхъ, бывшихъ съ нимъ, онъ и тогда сказалъ: мнѣ бы хотѣлось кончить рѣчь свою, и прейти молчаніемъ то, что случилось со мною; но дабы вы не подумали, что говорю несбыточное, посему, хотя и безразсудно дѣлаю, но знаетъ Сердцевѣдецъ, что не въ похвалу себѣ, а для вашей пользы дѣлаю, раскажу вамъ изъ моей жизни немногое изъ многаго....

Понятно, что тогда, какъ появилось лжеученіе Аріанъ, для православныхъ чтителей Бога-Слова важно было имѣть защитникомъ своей вѣры Антонія. Полный любви къ Господу Іисусу, Которому предалъ всю свою жизнь и въ вѣрѣ въ Божественныя заслуги Котораго положилъ для себя всѣ упованія настоящаго и грядущаго вѣка, Антоній болѣе всего отвращалъ Аріанъ. Онъ запрещалъ своимъ ученикамъ входить въ какое либо общеніе съ ними; бесѣды съ ними называлъ

(1) Vita Ant. n. 67.

пагубными для души, слова ихъ гибельнѣе яда змѣинаго. «Въ наше время, писалъ онъ къ своимъ ученикамъ, явился въ Александріи Арій и вымыслилъ нечестивое ученіе о Единородномъ. Безначальному онъ положилъ начало, Безконечнаго и Неограниченнаго онъ сдѣлалъ конечнымъ и ограниченнымъ. Мы знаемъ, что если человѣкъ сдѣлаетъ грѣхъ противъ другаго человѣка, можно умолить Бога за него и испросить ему прощеніе. Но если человѣкъ согрѣшитъ противъ Бога, то кто умолитъ Бога за него? Арій сдѣлалъ великое беззаконіе. Грѣхъ его непростителенъ и осужденіе неизбѣжно (1)». «Сердце сихъ людей, писалъ Антоній въ другомъ письмѣ объ Аріанахъ, въ сердцѣ змія, или лучше сказать; змій обитаетъ въ ихъ чревѣ и сердцѣ (2)». Разъ Аріане пришли къ нему въ гору; онъ велѣлъ прогнать ихъ. Самъ Антоній старался не входить въ словопреніе съ ними. Но Аріане сами вызвали его на открытое обличеніе ихъ ереси. Они распустили слухъ, будто Антоній согласенъ съ ихъ образомъ мыслей, надѣясь однимъ именемъ его увлечь многихъ въ заблужденіе. Эта клевета и усильныя просьбы Аѳанасія Архіепископа Александрійскаго вызвали ревностнаго поборника благочестія изъ пустыни въ Александрію. Здѣсь предъ всѣмъ народомъ осудилъ онъ лжеученіе Аріанъ, и называлъ ихъ предтечами Антихриста. «Сынъ Божій, говорилъ Антоній, — не есть тварь и не изъ несущихъ, но присносущное Слово и Мудрость существа Отчаго. Не имѣйте никакаго общенія съ Аріанами: ибо кое общеніе свѣту ко тьмѣ (3)? Если соблюдаете благочестіе, то вы Христіане, а тѣ, именующіе Сына Божія, и Слово сущее отъ Отца тварію, ни чѣмъ не различаются отъ язычниковъ, потому, что служатъ твари, паче создавшаго Бога. Повѣрьте мнѣ, продолжалъ Антоній, самыя стихіи міра негодуютъ, и вся тварь

(1) Письмо Авт. къ Мон. 4-е. Христ. чт. гл. 22 стр. 165.
(2) Письмо 17-е. Христ. чт. гл. 33, 22.
(3) 2 Кор. 6, 14.

воздыхаетъ о безумiи арiанскомъ, видя сравненнымъ съ собою своего Господа, чрезъ Котораго все сотворено ». Появленiе Антонiя восьмидесятилѣтняго старца и его слова произвели глубокое впечатлѣнiе въ Александрiи. Православные радовались, слыша, что Арiанская ересь проклята столь великимъ мужемъ. Силу своего свидѣтельства Антоній подкрѣпилъ множествомъ чудотворенiй. «Сколь многiе, пишетъ Аѳанасій, тогда освободились отъ одержанiя злыми духами! Сколь многiе получили исцѣленiе! Всѣ жители города стеклись смотрѣть на Антонiя. Даже язычники и самые жрецы ихъ стремились къ храму, посмотрѣть на человѣка Божiя (такъ называли Антонiя)». Три раза посѣтилъ Антоній келлiю знаменитаго слѣпца Дидима, ревностнаго защитника, и преклонялъ въ ней свои колѣна для молитвы (1). Въ немногiе дни его пребыванiя въ Александрiи, число обратившихся въ христiанство язычниковъ, превышало количество обращенныхъ въ продолженiи цѣлаго года. Аѳанасій торжественно проводилъ великаго пустынника изъ города (2).

Вскорѣ послѣ пребыванiя Антонiя въ Александрiи, Аѳанасій былъ удаленъ съ своего престола. И тогда Антоній, изъ глубины пустыни своей обратился къ Константину письмомъ, съ просьбою о возвращенiи Александрiи Святителя Божiя Аѳанасiя. И хотя не имѣлъ въ семъ успѣха, но по крайней мѣрѣ Императоръ произнесъ осужденiе Арiя уже умершаго (3).

«Кратко сказать, такъ заключаетъ Св. Аѳанасій обзоръ жизни Антонiя, — Христосъ явилъ въ немъ благаго врача для Египта. Кто при Антонiѣ не измѣнилъ печали на радость? Кто не перемѣнилъ гнѣва на миръ? Кто при видѣ его не умѣрялъ скорбь сиротства? Кто, забывъ горесть бѣдности его утѣсняющей, не презрѣлъ и изобилiя богатствъ, и не порадовался о

(1) Палл. Лавс. гл. 4.
(2) Vita Ant. 69. 70.
(3) Созом. Церк. Ист. Кн. 2. гл. 31.

своей бѣдности? Какой монахъ, утомленный подвигами, не получилъ вновь бодрости отъ его наставленій? Какой юноша, обуреваемый нечистыми страстями, отъ его увѣщаній не сдѣлался любителемъ цѣломудрія? Кто утѣсняемый діаволомъ, выходилъ отъ него безъ врачеванія? Кто разсѣваемый помыслами вражескими, омрачаемый бурею, не возвращался съ яснымъ умомъ? Онъ зналъ, кто какимъ недугомъ страдаетъ, и въ опытахъ своей жизни пріобрѣлъ распознаніе духовъ, и сообразно съ болѣзнями, прилагалъ врачество. Отъ того послѣ его наставленій, разсѣявались всѣ козни діавола. Многія обрученныя дѣвы; увидавъ его, сходя почти съ брачнаго ложа, повергались въ объятія матери Церкви. Многіе, оставивъ богатство и почести, пожелали итти его путемъ. И что много говорить? Со всего свѣта стекались къ нему люди посмотрѣть на мужа, такъ побѣдоноснаго противъ враговъ. И ни для кого не былъ безплоденъ этотъ путь — за трудъ всякій получалъ прекрасное вознагражденіе. Когда скончался Антоній, какъ будто всѣ осиротѣли, лишившись Отца».

Антоній могъ по крайней мѣрѣ свободно возносить въ своей горѣ молитвы къ Богу о мирѣ Церкви. Пустынная жизнь Антонія осталась сокрытою и для насъ. Можно указать только немногія черты ея, открывающіяся изъ повѣсти о Павлѣ простомъ. Павелъ былъ поселянинъ; возвращаясь однажды съ поля, онъ засталъ свою жену, отличавшуюся красотою, въ преступной связи; онъ поклялся, что не будетъ болѣе жить съ нею. Возьми ты ее, сказалъ онъ обольстителю, а самъ пошелъ въ монастырь. Обошедъ восемь монастырей, онъ пришелъ во внутреннюю пустыню къ Антонію и стучится въ дверь. «Что тебѣ нужно? спрашиваетъ его Антоній. Хочу быть монахомъ, отвѣчалъ Павелъ. Не можешь, сказалъ Антоній, тебѣ уже шестьдесятъ лѣтъ; ступай лучше опять въ свое селеніе, работай, и живи въ трудахъ, благодаря Бога; ты не можешь перенести скорбей пустыни. Я буду все дѣлать отвѣчалъ Павелъ, чему ты научишь меня. Я сказалъ тебѣ,

продолжалъ Антоній, что ты старъ и не можешь быть монахомъ; ступай отсюда. Если же тебѣ хочется быть монахомъ, то поди въ общежительный монастырь, гдѣ много братій, которые могутъ снисходить къ немощамъ твоимъ. — А я здѣсь живу одинъ, ѣмъ черезъ пять дней, и то не досыта». Антоній заперъ двери, и три дня не выходилъ. А Павелъ все стоялъ у дверей и не отходилъ. На четвертый день, отворилъ дверь Антоній, и, увидѣвъ Павла, сказалъ: «отойди отсюда, старикъ; нельзя тебѣ здѣсь остаться». «Не въ какомъ мѣстѣ я умру, какъ только здѣсь», сказалъ Павелъ. Посмотрѣвъ, что у него нѣтъ ничего съѣстнаго, ни хлѣба, ни воды, и опасаясь, чтобы не привыкши поститься, онъ не умеръ отъ голода, Антоній ввелъ его въ свою пещеру, и сказалъ: «можешь спастись, если будешь послушенъ, и станешь дѣлать все, что я велю». «Все буду дѣлать», отвѣчалъ Павелъ; и началъ Антоній въ слѣдующіе дни вести такую суровую жизнь, какой не велъ и въ молодыхъ лѣтахъ. Искушая Павла, онъ велѣлъ ему стать на зноѣ, и молиться до тѣхъ поръ, когда не принесетъ ему работы. Цѣлый день, палимый зноемъ, простоялъ Павелъ, не двинувшись съ мѣста. Потомъ намочивъ пальмовыхъ деревъ, велѣлъ ему плести веревку, какъ плелъ самъ (1). До девятаго часа плелъ Павелъ, и съ трудомъ сплелъ веревку въ пятнадцать лактей длиною. Посмотрѣвъ на веревку, Антоній сказалъ: дурно сплелъ, расплети и начни снова. Павелъ сталъ опять плести, ни сколько не огорчась. Между тѣмъ, уже четыре дня Павелъ ничего не ѣлъ. При захожденіи солнца, Антоній сказалъ: не съѣсть ли намъ, отецъ, кусокъ хлѣба? Какъ тебѣ угодно, Авва, отвѣчалъ Павелъ. Положили на столъ четыре хлѣбца (2),

(1) Когда посѣщалъ Антонія Макарій Египетскій, то они плели корзинки изъ пальмовыхъ прутьевъ.

(2) Перейдя во внутреннюю пустыню, Антоній нѣсколько времени бралъ хлѣбъ изъ монастыря, но потомъ ему не захотѣлось ѣсть чужой хлѣбъ, и онъ взявши орудія, воздѣлывалъ землю подлѣ своей горы. Vita Ant. n. 67.

каждый унцій по шести. Антоній началъ пѣть псаломъ, пропѣвъ его двѣнадцать разъ, молился послѣ каждаго. Вмѣстѣ съ Антоніемъ молился и Павелъ; наступилъ вечеръ, Павелъ еще не ѣлъ. Антоній сказалъ ему: вставай, помолись, и ложись спать. Въ полночь Антоній разбудилъ его на молитву и продолжалъ молитвы до девятаго часа дня. Поздно вечеромъ, Павелъ съѣлъ одинъ хлѣбецъ, и не сталъ болѣе, потому что не ѣлъ Антоній. Вставъ изъ за стола, Антоній прочиталъ двѣнадцать молитвъ, и пропѣлъ 12 псалмовъ. Уснувъ немного, они встали съ полуночи, и пѣли псалмы до самаго дня. Потомъ Антоній послалъ Павла обойти пустыню, приказавъ придти чрезъ три дня. Павелъ исполнялъ все, что приказывалъ Антоній, при всѣхъ испытаніяхъ не показывалъ и вида нетерпѣливости. Видя терпѣніе и смиреніе Павла, Антоній сказалъ ему: «во имя Господа Іисуса, ты уже сталъ монахомъ»; и на разстояніи трехъ или четырехъ поприщъ отъ себя выстроилъ ему келлію. И отсылая жить туда, сказалъ: «вотъ ты сталъ уже монахомъ; живи теперь одинъ, чтобы испытать искушеніе и отъ демоновъ». За свое смиреніе Павелъ скоро удостоился дара чудотворенія. Однажды привели къ Антонію бѣсноватаго. Антоній привелъ его къ Павлу и сказалъ: Авва Павелъ! изгони демона изъ этого человѣка, дабы онъ здравымъ возвратился въ домъ свой и славилъ Бога. Павелъ призвалъ бѣсноватаго и сказалъ: «Авва Антоній повелѣваетъ тебѣ выдти изъ сего человѣка, чтобы онъ выздоровѣвъ, славилъ Бога. Бѣсъ не повиновался. Выдь, говорилъ Павелъ, или я пойду и скажу Христу, и тогда горе тебѣ. Бѣсъ не выходилъ. Въ самый полдень, при нестерпимомъ жарѣ, Павелъ вышелъ изъ келліи, и сталъ подъ открытымъ небомъ на камень, и молился такъ: Іисусе Христе, Распятый при Понтійскомъ Пилатѣ, Ты видишь, я не сойду съ камня, не буду ни ѣсть, ни пить до смерти, если Ты не изгонишь бѣса изъ сего человѣка». Не успѣлъ Павелъ кончить своей молитвы,

какъ бѣсъ оставилъ больнаго (1). Таковъ былъ ученикъ Антонія.

Кромѣ дара чудотворенія, Павелъ владѣлъ и даромъ прозорливости. «Богъ даровалъ ему такую благодать, говоритъ древній историкъ, что онъ въ каждомъ видѣлъ, какова его душа, такъ, какъ мы другъ у друга лица. Однажды Онъ пришелъ въ Писперъ для посѣщенія братіи. Братія пошли въ Церковь для совершенія обычной службы. Смотря на всѣхъ входящихъ въ Церковь, онъ видѣлъ души ихъ свѣтлыми и радостными. Но одинъ братъ входитъ весь омраченный, окруженный демонами. Горько заплакалъ Павелъ, сѣлъ у Церкви, и ударяя себя въ грудь, рыдалъ объ омраченномъ. Напрасно хотѣли узнать отъ него о причинѣ. До конца службы онъ не могъ престать отъ слезъ. При выходѣ изъ службы онъ видитъ, что тотъ же братъ, уже очищенный и просвѣтленный, выходитъ изъ Церкви. Павелъ вскрикнулъ отъ радости, побѣжалъ на лѣстницу и громко воззвалъ: о неизреченное Божіе человѣколюбіе и благость! Онъ вынудилъ у брата признаніе, какъ слова Пророка Исаіи (1, 10—15) пробудили чувство покаянія, и онъ слезами омылъ свои грѣхи (2). Указывая на примѣръ Павла безропотнымъ послушаніемъ, въ короткое время достигшаго высокаго совершенства, Преподобный Антоній говорилъ: «Если кто хочетъ скоро достигнуть совершенства, не долженъ быть самъ себѣ учителемъ, ни повиноваться своей волѣ, хотя бы правымъ казалось свое желаніе, но, по заповѣди Спасителя, каждый прежде всего долженъ отречься себя самаго, отказаться отъ своей воли. Самъ Спаситель говоритъ о себѣ: *не пріидохъ творити волю Мою, но волю Пославшаго Мя* (Матѳ. гл. 16). Какъ же мы избѣжимъ суда, если будемъ исполнять свою волю?»

Мы видѣли, что Антоній, принявъ къ себѣ Павла, устро-

(1) Палл. Лавс. гл. 26. Созом. Церк. Ист. Т. I. гл. 13.
(2) Достоп. сказ. о подвижн. Отц. стр. 239.

плъ ему келлію, въ четырехъ верстахъ отъ своей; онъ охранялъ его, по замѣчанію Руфина, отъ посѣтителей (1). Самъ онъ, кромѣ келліи, у подошвы горы устроилъ себѣ еще двѣ келліи на самой вершинѣ горы, гдѣ и скрывался отъ приходящихъ (2).

Антоній пошелъ въ своей пустынѣ ближе къ Чермному морю и другаго любителя уединенія.

Антонію было уже девяносто лѣтъ отъ роду, и семьдесятъ лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ оставивъ міръ, проводилъ отшельническую жизнь. Сидя въ своей пещерѣ, онъ подумалъ однажды: «кромѣ меня нѣтъ другаго отшельника въ сей пустыни». Но въ ту же ночь во снѣ было ему откровеніе, что въ отдаленнѣйшемъ краю сей пустыни, есть другой отшельникъ, совершеннѣйшій его. Опираясь на свой посохъ, Антоній тотчасъ отправился въ путь. «Вѣрую моему Богу, сказалъ онъ, что Онъ покажетъ мнѣ раба Своего, котораго явилъ ночью». Цѣлый день онъ шелъ по пустыни, не видя ея предѣла, и встрѣчая одни только слѣды дикихъ звѣрей. Другой день уже склонялся къ вечеру, а Антоній не находилъ искомаго. На третій день рано по утру, въ часъ утренней молитвы, Антоній примѣтилъ гіену, быстро бѣгущую къ ближней пещерѣ (3). Онъ пошелъ за звѣремъ, и скоро достигъ пещеры, внутри которой увидѣлъ свѣтъ. Желая войти въ пещеру, Антоній въ темнотѣ поскользнулся на камень, и произвелъ шумъ, вдругъ пещера заключилась. Но Антоній, повергшись на землю у порога, часовъ до шести, или болѣе умолялъ отворить пещеру. «Откуда ты, спросилъ голосъ изъ-

(1) Histor. Mon. c. XXXI.

(2) Ibid.

(3) Пещера Павла на горѣ Холзимъ, въ прямую линію отъ горы Антонія отстоитъ не болѣе какъ на четыре версты, но она отдѣлена столь высокою и крутою стѣною, что обходъ вокругъ нее очень продолжителенъ. Путеш. по Египту Норова Ч. II. стр. 334.

внутри, и зачѣмъ пришелъ сюда? Знаю, отвѣчалъ Антоній, что я недостоинъ твоего лицезрѣнія; но если ты принимаешь звѣрей дикихъ, то неужели отвергнешь человѣка? Я искалъ, и нашелъ. Умру здѣсь у дверей твоихъ, и ты принужденъ будешь погребать мое тѣло». «Никто однакоже, сказалъ голосъ, не проситъ съ угрозами». Пещера открылась, и два ветхіе старца, изъ которыхъ одному было уже слишкомъ девяносто лѣтъ отъ роду, а другому столько же отъ удаленія въ пустыню, обнялись, какъ давно знакомые. Антоній, сказалъ Павелъ (1). Павелъ, отвѣчалъ Антоній. Богъ открылъ имъ взаимныя имена. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, старцы сѣли у источника. «Зачѣмъ ты, спросилъ Павелъ, предпринималъ такой трудъ, чтобы увидѣть старика ветхаго и полуистлѣвшаго, который въ твоихъ глазахъ скоро обратится въ прахъ? — Помолчавъ немного, онъ спросилъ, что теперь дѣлается съ родомъ человѣческимъ? Возвышаются ли новыя зданія въ старыхъ городахъ? Какъ управляется міръ? Осталось ли еще идолопоклонство? Во время разговора подлетѣлъ воронъ, и положилъ предъ старцами хлѣбъ. Господь нашъ устрояетъ намъ трапезу, сказалъ Павелъ; — поистинѣ щедръ и милостивъ Онъ. Вотъ уже семьдесятъ четыре года, какъ я получаю половину хлѣба; а нынѣ, ради твоего пришествія, Христосъ удвоилъ дачу своимъ воинамъ». Благо-

---

(1) Житіе Павла Ѳивейскаго и встрѣча Преподобнаго съ нимъ Антонія, описаны вѣроятно со словъ самаго Антонія, кѣмъ-либо изъ ближайшихъ его учениковъ. Авторъ пишетъ: когда же Антонію пришла мысль, какъ онъ *самъ разсказывалъ мнѣ*. Это житіе, переведенное съ очень древней Греческой Баварской рукописи на Латинскій языкъ, помѣщено in vita Sanct. T. I. Ianu. 10. p. 603.

Въ сочиненіяхъ блаженнаго Іеронима, есть также жизнь Св. Павла Ѳивейскаго. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ самъ свидѣтельствуетъ, что писалъ жизнь Св. Павла Ѳивейскаго. Я послалъ тебѣ, писалъ онъ Павлу подвижнику Кондарійскому, — другаго тебя, — старцу Павлу старѣйшаго Павла (Epist. 21. срав. liber. de illustrib. Eccles. scriptoribus. c. 135. chronic. ad an. 19 Constantin). То и другое житіе Павла Ѳивейскаго согласны между собою по содержанію.

даря Бога, старцы сѣли вкушать хлѣбъ у источника. Здѣсь Павелъ разсказалъ Антонію свою жизнь.

Павелъ родился (1) въ Египтѣ въ Нижней Ѳиваидѣ, отъ родителей Христіанъ, которые дали ему тщательное воспитаніе. Онъ учился всѣмъ Египетскимъ и Греческимъ наукамъ, какія только славились тогда. Отъ природы тихій и миролюбивый по характеру, Павелъ съ юности имѣлъ склонность къ Богомудрымъ размышленіямъ, и его сердце горѣло любовію къ Богу. У Павла была сестра, которую родители еще при своей жизни выдали въ замужество. Зять былъ человѣкъ жестокій, суровый, и до крайности корыстолюбивый. Когда Павелъ на шестнадцатомъ году возраста, лишившись родителей, сдѣлался наслѣдникомъ огромнаго состоянія, зять рѣшился погубить его, чтобы воспользоваться имѣніемъ.

Когда Павлу было около 22-хъ лѣтъ отъ роду, открылось жестокое Декіево и Валеріаново гоненіе на Христіанъ (249). Проникнувъ намѣреніе своего зятя, — предать Павла гонителямъ и овладѣть его имѣніемъ, Павелъ, добровольно оставивъ все зятю, удалился въ пустыню.

Переходя съ мѣста на мѣсто, и отыскивая удобнѣйшаго пріюта, онъ подошелъ къ каменной горѣ, и недалеко отъ подошвы ея нашелъ пещеру, заслоненную камнемъ. Выдвинувъ камень, блаженный юноша увидѣлъ внутри обширный ходъ, открытый верхъ котораго осѣненъ былъ длинными и густыми вѣтвями финиковаго дерева, и вблизи протекалъ источникъ съ весьма чистою водою. Это уединенное и отъ всего міра сокрытое мѣсто, такъ полюбилось Св. Павлу, что онъ рѣшился поселиться здѣсь навсегда. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ блаженный Іеронимъ, къ чему привела необходимость,

---

(1) Годъ рожденія Павла Ѳиваейскаго можно опредѣлить по житію его. Когда Антоній пришелъ къ Павлу, онъ уже 91 годъ былъ въ пустынѣ, въ которую удалился 22-хъ лѣтъ. Слѣдовательно ему было 113 лѣтъ. Антоній, родившійся въ 251 году, пришелъ къ нему 90 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно Павелъ родился около 228 года.

то теперь утвердила собственная воля.—«Поселившись въ пустыни, святый Подвижникъ безвыходно прожилъ въ ней около девяносто одного года, ни кѣмъ невидимый, и ни кому невѣдомый, кромѣ одного Бога. Дни и ночи проводилъ онъ въ чистой пламенной молитвѣ; питался плодами своей пальмы, одѣвался ея листьями.

Окончивъ повѣсть о своей жизни, блаженный Павелъ сказалъ Великому Антонію: «послику наступило время моего успенія, то ты посланъ отъ Бога, чтобы покрыть тѣло мое землею». Со слезами Антоній умолялъ Павла не оставлять его, и взять съ собою. Но Павелъ сказалъ: «тебѣ еще надобно жить для пользы братіи твоей. Иди въ свой монастырь и для облаченія моего тѣла принеси одежду, которую подарилъ тебѣ Аѳанасій Епископъ». Антоній молча проливалъ слезы, лобзалъ очи и руки Павла, и потомъ пошелъ въ обратный путь.

Подходя къ своей обители, Антоній встрѣченъ былъ двумя изъ учениковъ своихъ. «Отче нашъ, спрашивали они, гдѣ такъ долго ты былъ? Горе мнѣ грѣшному, говорилъ со слезами старецъ,—я монахъ только по имени, я видѣлъ Илію, видѣлъ Іоанна въ пустынѣ; поистинѣ я видѣлъ Павла въ раю»: И тотчасъ, взявъ одежду, снова отправился въ путь. На другой день около третьяго часу, онъ видитъ сонмы Ангеловъ, лики Пророковъ и Апостоловъ, и между ними блаженнаго Павла, восходящаго на небо, и блистающаго необыкновеннымъ свѣтомъ. Падши на лице свое, посыпая перстію главу, плача и сѣтуя, Святый Антоній взывалъ: «Павелъ, зачѣмъ ты меня покинулъ? почему не далъ мнѣ послѣдняго цѣлованія?» Съ возможною для его лѣтъ скоростію, онъ поспѣшилъ къ пещерѣ Павловой,—и видитъ, что блаженный стоитъ на колѣнахъ, глава и руки подняты къ небу. Антоній думалъ, что Павелъ еще живъ и молится. По наконецъ, уразумѣвши, что молится одно тѣло Павла, а душа его на небѣ, Антоній съ великими слезами облачилъ тѣло блаженнаго, и вынесъ оное изъ пещеры для погребенія, вос-

пѣвая псалмы и духовныя пѣсни. Долго печалился онъ, что на землѣ каменистой и изсушенной зноемъ, не можетъ вырыть могилы. Но тутъ увидѣлъ онъ, что два льва идутъ изъ пустыни. Они вырыли могилу, и въ ней похоронилъ Антоній Павла. Антоній взявъ съ собою пальмовую одежду Павла, удалился въ свою обитель. Въ самые торжественные праздники: Пасху, Пятидесятницу, онъ облачался въ эту одежду. «Если бы Богъ позволилъ и мнѣ выбирать, говоритъ блаженный Іеронимъ, то я скорѣе бы избралъ рубище Павла съ его заслугами, нежели порфиру Царей съ ихъ царствами».

Сколько могло доставить Антонію утѣшенія свиданіе съ великимъ пустынникомъ Павломъ, столько возмущало его душу состояніе Православной Церкви, гонимой Аріанами.

Однажды сидя на своей горѣ съ братіями за рукодѣліемъ, вдругъ Антоній объятъ былъ Духомъ и восхищенъ въ видѣніи; пришедъ въ себя, старецъ затрепеталъ, преклонилъ колѣна, преклонили колѣна по его прошенію и братія, и долго молился. Когда всталъ онъ съ молитвы, слезы ручьемъ текли изъ глазъ его. Устрашенные ученики просили его разсказать: что съ нимъ? Антоній немало отказывался отвѣчать. Потомъ со слезами сталъ говорить: «Дѣти мои, лучше бы умереть прежде, нежели сбудется то, что я видѣлъ. Грядетъ гнѣвъ Божій на Церковь Христову; вѣра православная подвергнется великому гоненію и Церковь Христова предана будетъ въ руки людей, которые подобны безсловеснымъ. Я видѣлъ трапезу Господню, окруженную множествомъ воловъ, которые все ниспровергаютъ, и слышалъ голосъ съ неба: такъ будетъ осквернена мой храмъ. Но не отчаявайтесь, дѣти мои, продолжалъ вдохновенный старецъ, какъ Господь прогнѣвался, такъ Онъ же паки исцѣлитъ, и Церковь скоро воспріиметъ прежнюю красоту. Увидите изгнанныхъ возстановленными: только не оскверняйте себя общеніемъ съ Аріанами (1)».

(1) Vita Ant. n. 87.

Скоро исполнилось пророчественное видѣніе Антонія. Аріанинъ Григорій, съ помощію Филарія овладѣлъ престоломъ Церкви Александрійской, и поругался надъ святынею Православныхъ. — Ревностный Антоній думалъ вразумить Григорія посланіемъ, въ которомъ писалъ: «вижу гнѣвъ Божій, грядущій на тебя, перестань преслѣдовать Христіанъ, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ, угрожающій тебѣ близкою погибелію»; но нечестивый Аріанинъ глумился надъ письмомъ Святаго старца, и за это, по предреченію Антонія, постигъ его судъ Божій (1). Едва ли не обращался Антоній съ просьбою о прекращеніи гоненій на православныхъ и къ Императору Констанцію. По крайней мѣрѣ сохранилось извѣстіе, что Антоній получилъ отъ Императора Констанція письменное приглашеніе, чтобы онъ пришелъ въ Константинополь. Антоній размышлялъ, что ему дѣлать; потомъ спросилъ своего ученика Павла: должно ли мнѣ идти? Павелъ отвѣчалъ: если пойдешь—будешь Антоній; а если не пойдешь,—будешь Авва Антоній (2).

Имѣя болѣе девяноста лѣтъ отъ роду, Антоній принялъ къ себѣ двухъ учениковъ (3), для услуженія его старости.

Не имѣя уже силъ часто навѣщать свой монастырь, онъ назидалъ иноковъ посланіями (4). Его посланія дышатъ духомъ Апостольской любви, и заботливости о спасеніи его чадъ.

---

(1) Hist. arian p. 532. vita Ant. n 82.

(2) Достоп. сказ. о подвижн. Отцевъ, стр. 11. concion. T. I, p. 5.

(3) Св. Аѳанасій не называетъ сихъ учениковъ по имени, а говоритъ, что они пятнадцать лѣтъ служили ему и погребли его. Блаженный Іеронимъ въ жизни Св. Павла Ѳивейскаго, говоритъ, что онъ слышалъ разсказъ объ немъ отъ учениковъ Антонія: Амаѳы и Макарія, изъ коихъ первый хоронилъ его. Палладій приводитъ слова Кронія объ Макаріѣ и Амаѳѣ говорившаго, что сіи два ученика, похоронили Антонія. Когда Иларіонъ посѣтилъ гору Антонія, спустя три года послѣ его смерти, то нашелъ двухъ учениковъ Антонія, Исаака и Пелузіана, повидимому бывшихъ прежде съ Антоніемъ.

(4) До насъ дошло 20 писемъ Антонія къ монахамъ. Онъ писалъ ихъ на Египетскомъ языкѣ, на которомъ они и доселѣ сохраняются въ нѣкоторыхъ Египетскихъ монастыряхъ. Еще въ IV вѣкѣ съ Египетскаго онѣ переведены

« Возлюбленные мои, такъ писалъ Антоній, я непрестанно днемъ и ночью воспоминаю о васъ въ молитвахъ своихъ, и прошу Господа нашего, чтобы Онъ укрѣпилъ вѣру вашу, — умножилъ добродѣтели ваши, утвердилъ мудрость вашу и навыкъ отличать истину отъ лжи, и даровалъ вамъ духовнаго мужества, еще болѣе, чѣмъ вы имѣете. Я непрестанно молюсь о васъ, потому что я родилъ васъ во Христѣ, и вы сдѣлались моими сынами. Такъ и Апостолъ Павелъ, родивши духовно Тимоѳея, написалъ къ нему: *непрестанно имамъ о тебѣ память въ молитвахъ моихъ день и нощь: желая видѣти тя, поминая слезы твоя да радости исполнюсь* (2 Тим. 1, 3. 4.) И я, возлюбленные мои, любя васъ за правоту сердца вашего, поступаю касательно васъ такъ же, какъ Павелъ касательно Тимоѳея: я вспоминаю о васъ, молюсь о васъ, желаю видѣть васъ. Все сіе я дѣлаю потому, что помню труды ваши, стенаніе ваше, скорбь вашего сердца, великое терпѣніе, и кротость вашу, и всѣ ваши подвиги благочестія, которыми вы постоянно и мудро занимаетесь ».

« Дѣти мои, я прошу Господа, чтобы онъ облегчилъ путь мой къ вамъ, чтобы опять мнѣ придти и видѣть васъ. Я знаю, что и вы желаете меня видѣть также, какъ и я васъ. Вы знаете, что на землѣ ничто не можетъ сравниться съ любовію родителей къ дѣтямъ, и дѣтей къ родителямъ: и

на Греческій языкъ, въ VIII вѣкѣ на Арабскій, въ XVII вѣкѣ Маронитомъ Авраамомъ Ехелленскимъ переведены съ Арабскаго на Латинскій, и изданы въ 1641 году въ Парижѣ. Изъ содержанія писемъ видно, что они писаны были Антоніемъ въ старости. О подлинности первыхъ семи писемъ свидѣтельствуетъ Іеронимъ (Catalog. de vir. illustr. cap. 88), который называетъ ихъ имѣющими духъ Апостольскій, и лучшимъ изъ нихъ называетъ шестое письмо къ монахамъ Арсинойскимъ. Фотій въ своей библіотекѣ (cod. 198) приводитъ свидѣтельство древняго Греческаго Писателя, который приписываетъ сіи письма Антонію. Подлинность прочихъ тридцати писемъ, видна изъ сходства слога и духа ихъ съ первыми письмами Антонія (Combef. Recens. auctor. Bibl. concian. T. I. p. 5).

тѣ и другіе, всегда желаютъ видѣть другъ друга. Не гораздо ли большую любовь имѣютъ другъ къ другу отцы и дѣти духовные? Поелику отцы духовные, болѣе знаютъ, нежели отцы плотскіе; то первые, всегда со страхомъ Божіимъ и любовію къ Богу желаютъ видѣть дѣтей своихъ. Притомъ извѣстно, что любовь родителей къ дѣтямъ сильнѣе любви дѣтей къ родителямъ (2 Кор. 6, 11. 12). И моя любовь къ вамъ, дѣти, сильнѣе вашей любви ко мнѣ; потому что вы дѣти мои. Итакъ будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобы Онъ позволилъ намъ видѣть другъ друга. Я увѣренъ, что пришествіе мое къ вамъ, доставитъ намъ великую радость и веселіе, какъ и Апостолъ нѣкогда говорилъ о семъ же къ Римлянамъ: *желаю видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное, къ утвержденію вашему. Сіе же есть соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею* (Римл. 1, 11. 12) (1)». Такою любовію полонъ былъ старецъ къ своимъ дѣтямъ инокамъ. Въ другое время, не могши самъ придти, посылаетъ для утѣшенія ихъ своего ученика. «Надѣясь, что Богъ благоволитъ мнѣ еще въ тѣлѣ видѣть васъ, и принесть къ вамъ радость, за ту радость, которую вы доставляете мнѣ, я послалъ къ вамъ возлюбленнаго сына моего. Господь видя, что я люблю васъ, какъ отецъ дѣтей своихъ, въ отсутствіе мое Самъ будетъ для васъ утѣшеніемъ и радостію, Самъ дастъ вамъ духовную силу и миръ въ вашемъ уединеніи (2)».

«Благословенные дѣти мои, я желаю, чтобы вы постояннымъ и сердечнымъ исполненіемъ дѣлъ Господнихъ, соотвѣтствовали моимъ молитвамъ о васъ, и моей великой любви къ вамъ (Пис. 15)». То онъ утѣшается ихъ духовнымъ совершенствомъ. «Поелику вы избрали Божественное, то я люблю васъ всѣмъ духомъ моимъ. Вы имѣете въ себѣ Бога, и стоите на

(1) Письмо 14-е. Христ. чт. 1829 г. ч. 34. стр. 41 — 44.
(2) Письмо 15-е, тамъ же, стр. 48.

высокомъ степени совершенства ». То молитъ Бога о высшемъ совершенствѣ. « Я всегда молю Бога о васъ, чтобы въ вашихъ сердцахъ умножалась любовь къ Богу, и открылись къ вамъ великія таинства Божіи, чтобы вы достигли той мѣры совершенства, на которой вы можете знать непзчислимыя и безконечныя богатства царства Божія. Я знаю, что немногіе изъ иноковъ и дѣвъ достигли сего степени совершенства, таковые будутъ судить въ послѣдній день суда (письмо 13-е). Я молюсь непрестанно Богу о васъ, чтобы вы были вмѣстѣ со мною тамъ, гдѣ я буду; потому, что вы дѣти мои и во всемъ послушны мнѣ (письмо 14-е). Возлюбленные мои, вы будете составлять мнѣ радость, если будете помнить о моемъ ничтожествѣ (письмо 14-е). Прошу васъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа, исполняйте ревностно обязанности свои къ Богу. Если умѣете вы отличать истинну отъ лжи, то можете видѣть, что сіе мое прошеніе проистекаетъ изъ истинной духовной любви къ вамъ. Но сей-то духовной любви къ вамъ, я желалъ бы называть васъ не плотскими и земными именами вашими, но именами духовными, которыя безъ сомнѣнія вы получили отъ Бога. Ибо каждый изъ насъ, кромѣ земнаго имени, долженъ имѣть отъ Бога имя духовное».

«Богъ Единъ, посему и человѣкъ долженъ служить Ему въ единствѣ и въ полнотѣ духа своего. Если даже и многіе люди соединяются для служенія Богу, они должны имѣть одинъ духъ и одно сердце». Изъ сего-то любвеобильнаго сердца истекали тѣ мудрыя наставленія, которыя мы находимъ въ письмахъ Антонія (1).

Чтобы познакомиться съ духомъ и содержаніемъ писемъ Преподобнаго Антонія, представимъ въ извлеченіи его наставленія. Любопытно видѣть, какъ этотъ великій отшельникъ судилъ о достоинствѣ уединенія.

---

(1) Извлеченіе изъ писаній Антонія предложимъ мы ниже.

«Желающій быть благочестивымъ (1), пишетъ Антоній, долженъ удаляться мірскаго шума, чтобы и по тѣлу, и по сердцу и по уму быть свободнымъ отъ той суеты, которая обыкновенно находится между людьми. Когда мы живемъ въ мірѣ между людьми, врагъ нашъ нападаетъ на насъ и съ внутренними и внѣшними оружіями; въ орудіе своей ненависти къ намъ, онъ употребляетъ противъ насъ и самыхъ людей. Господь нашъ показалъ въ себѣ образецъ сего уединенія, когда одинъ взошелъ на гору помолиться. Въ уединеніи въ пустынѣ Онъ побѣдилъ діавола, который искушалъ его. Онъ могъ побѣдить, живя и между людьми: но побѣдилъ въ уединеніи, чтобы показать намъ, что мы въ уединеніи удобнѣе можемъ побѣждать духовнаго врага своего, и достигать совершенства. Господь нашъ не открывалъ также славы своей ученикамъ предъ людьми, но удаливъ ихъ отъ

---

(1) Кромѣ 20 писемъ и 20 поученій Антонія Великаго, дошло до насъ еще: 1) *Слово о суетѣ міра и воскресеніи мертвыхъ*. Оно найдено въ древней Латинской рукописи Алда Минуція, и въ первый разъ напечатано Жерардомъ Воссіемъ въ Маіѣ мѣсяцѣ 1604 г. въ собраніи сочиненій разныхъ Святыхъ Отцевъ, и изданномъ въ одной книгѣ съ сочиненіями Св. Григорія Чудотворца. 2) Антонію Великому приписываются еще наставленія для нравственности человѣковъ и доброй жизни во 170 главахъ. Іоаннъ Маврокордато, издавшій ихъ въ 1782 г. на Греческомъ языкѣ въ добротолюбіи подтверждаетъ ихъ подлинность свидѣтельствомъ Петра Дамаскина, жившаго въ половинѣ VIII вѣка, по Каве, Удино, Фабрицій и другіе считаютъ ихъ произведеніемъ Антонія Мелиссы, жившаго около половины VII в. (Fabr. Bibl. tom. 9. p. 262). Въ самомъ дѣлѣ эти наставленія не имѣютъ той простоты, которая дышетъ въ подлинныхъ писаніяхъ Антонія Великаго. 3) Духовныя наставленія дѣтямъ своимъ монахамъ. Эти духовныя наставленія, едва ли принадлежатъ Антонію Великому. Между прочимъ здѣсь пишется: «обращай вниманіе на одежду свою, и вспоминай тѣ слезы покаянія, которыми ты орошалъ ее, когда облекся въ нее». Здѣсь видно уже указаніе на обрядъ постриженія и облаченія въ иноческую одежду, чего при Антоніѣ Великомъ не было. 4) Правила духовнымъ дѣтямъ своимъ монахамъ. Сіи правила встрѣчаются еще у Венедикта Аніанскаго, жившаго около 800 г. въ собраніи правилъ инокамъ и на Арабскомъ языкѣ. 5) Отвѣты на нѣкоторые вопросы, предложенные братіей. Всѣ сіи писанія Антонія напечатаны въ 1788 г. въ Библіотекѣ древнихъ Отцевъ, изданной Голландомъ въ Венеціи.

людей, взошелъ съ ними на гору, и тамъ показалъ имъ свою славу. И Іоаннъ Креститель жилъ въ пустынѣ до явленія своего Израилю. Верховный Апостолъ Петръ показываетъ намъ также пользу уединенія. Когда онъ былъ въ уединеніи, то видѣлъ отверстое небо, спускающуюся къ нему скатерть, и слышалъ гласъ Божій (Дѣян. 10, 11. 17). Равнымъ образомъ и Пророкъ Іезекіиль, когда видѣлъ животныхъ, изъ которыхъ каждое, для означенія славы Божіей имѣло четыре лица, былъ не въ городѣ, или селеніи какомъ-либо, но въ полѣ, потому что Богъ велѣлъ ему выдти туда, и тамъ показалъ ему славу свою. Словомъ, Божественныя видѣнія и явленія Святымъ случались всегда на горахъ и пустыняхъ. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ такъ говоритъ о сихъ Святыхъ людяхъ и ихъ благочестивомъ образѣ жизни: *ихже не бѣ достоинъ весь міръ*, они *въ пустыняхъ скитались и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ* (Евр. 11, 38). Пророкъ Іеремія, зная, что уединеніе пріятно Богу, такъ говоритъ объ ономъ: *Благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей, сядетъ на единъ и умолкнетъ* (Плач. Іер. 3, 27. 28). Сей же Пророкъ, видя, что порочныя дѣла людей препятствуютъ благочестивымъ людямъ свободно служить Богу, такъ говоритъ: *кто дастъ мнѣ въ пустыни виталище послѣднее, и оставлю люди моя и отъиду отъ нихъ* (Іер. 9, 2). Пророкъ Давидъ говоритъ Богу объ уединеніи: *Ты, Господи, единаго на упованіи вселилъ мя еси* (Псал. 4, 10). И Пророкъ Илія отъ Ангеловъ получалъ духовную пищу не посреди многочисленнаго народа, не въ городѣ, или селеніи какомъ нибудь, но въ пустынѣ. Всѣ необыкновенныя произшествія, случившіяся со Святыми въ пустыняхъ, описаны и преданы намъ для нашего наставленія, чтобы и мы подражали имъ и любили уединеніе, которое приближаетъ насъ къ Господу, дѣлаетъ насъ совершенными, и доставляетъ намъ духовное утѣшеніе. Тѣ люди, которые уединяются и любятъ смиреніе

всѣмъ сердцемъ своимъ и всею силою своею, получаютъ болѣе славы и уваженія, нежели живущіе въ городахъ и селеніяхъ. И такъ, старайтесь утвердиться въ уединеніи. Оно сдѣлаетъ насъ достойными видѣть Бога, видѣть Его духовнымъ образомъ по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Слова Вѣчнаго, оживотворяющаго души наши и тѣла наши» (1). Антоній указываетъ на три вида призыванія къ жизни подвижнической. «Троякимъ образомъ люди призываются къ отреченію отъ міра. Одни, — услышавъ слово спасенія, не медля ни мало послѣдуютъ призыванію Божію, и стараются сообразовать жизнь свою съ ученіемъ Евангельскимъ. Другіе возбуждаются къ жизни благочестивой страхомъ мученія въ будущей жизни за грѣхи, и желаніемъ вѣчнаго блаженства, уготованнаго праведнымъ. Иные бѣдствіями и болѣзнями просыпаются отъ грѣховнаго усыпленія». Какъ же совершается и проходится этотъ путь самоотверженія, на который вступаетъ подвижникъ? «Сей тяжкій путь, учитъ Антоній, проходится успѣшно только при помощи Божіей. Духъ святый, въ началѣ обыкновенно дѣлаетъ для удалившихся отъ міра легкими всѣ духовные подвиги, чтобы раскаяніе во грѣхахъ не было для него трудно и непріятно. Онъ показываетъ ему путь къ благочестію, болѣе и болѣе усиливаетъ въ немъ духъ покаянія, укрѣпляетъ его въ добродѣтеляхъ, научаетъ обуздывать свое тѣло, и очищать свое сердце, и такимъ образомъ содѣлываетъ его наслѣдникомъ жизни вѣчной. Посему человѣкъ, который хочетъ удалиться отъ міра, прежде всего, долженъ обращаться къ Богу съ молитвою о Божественной помощи. Душа человѣческая, будучи оставлена самой себѣ, такъ слаба, что когда или духъ злобы нападаетъ на нее, или чувственныя желанія требуютъ удовлетворенія себѣ; она рѣдко можетъ противиться имъ, и большею частію по-

(1) Письмо 17-е.

рабощается ими ; кто желаетъ всѣмъ сердцемъ обратиться къ Богу , того Самъ Богъ научитъ , какъ служить Ему (пис.3-е). Духъ Святый ниспосылаетъ свою помощь по мѣрѣ ревности его къ благочестію , по мѣрѣ того , какъ онъ сильно чувствуетъ нужду въ пособіи и желаетъ получить оное. Когда Божественная благодать не находитъ препятствій своимъ дѣйствіямъ въ сердцѣ человѣка , то она постепенно искореняетъ въ немъ всѣ страсти , какъ тѣ , которыхъ сѣмя скрывается въ тѣлѣ человѣческомъ , такъ и тѣ , которыя ражлаются собственно въ сердцѣ. Тѣло умерщвляется обыкновенно долговременными постами , бдѣніемъ и трудами. Но если дѣйствуетъ Духъ Божій въ человѣкѣ , то все Божественное становится легкимъ для него. Тогда человѣкъ не чувствуетъ слабости , ни въ исполненіи добродѣтелей , ни въ служеніи Богу, ни въ ночныхъ бдѣніяхъ ; онъ не гнѣвается , когда оскорбляютъ его другіе ; не страшится ни людей , ни звѣрей , ни духовъ злобы. Ибо при немъ и днемъ и ночью находится радость Господня. Она питаетъ и просвѣщаетъ умъ его. Сія радость возращаетъ душу человѣческую , усовершаетъ и возноситъ на небо , какъ пища питаетъ и укрѣпляетъ тѣло (пис. 18). И человѣкъ уже ясно чувствуетъ , что привязанность къ суетнымъ удовольствіямъ міра сего и возвращеніе къ жизни порочной для него гибельны. Тогда душевный взоръ человѣка на окружающіе его предметы просвѣщается , душа и тѣло очищаются, и въ чистотѣ своей дѣйствуютъ согласно между собою. Все сіе производитъ Духъ Святый , Который постоянно истребляетъ въ человѣкѣ природное его поврежденіе , чтобы поставить его въ первобытное состояніе и чтобы не осталось въ немъ ничего , что собственно принадлежитъ врагу его. Господь , по любви своей къ благочестивому человѣку, иногда подвергаетъ его несчастіямъ , чтобы онъ не гордился , но всегда пребывалъ въ трудѣ и возрасталъ въ добродѣтели. Если человѣкъ твердъ и мужественъ , то Богъ возлагаетъ на него бремя трудовъ , или повергаетъ его въ безсиліе , вмѣсто

радости даетъ ему печаль, вмѣсто покоя безпокойство, вмѣсто сладости горесть. Любящій Бога, стараясь преодолѣть сіи бѣдствія, болѣе укрѣпляется. Когда преодолѣваетъ ихъ, то Духъ Святый вспомоществуетъ ему во всемъ, такъ, что человѣкъ не боится никакого зла (пис. 18). Когда душа человѣческая возвращаетъ свою первобытную чистоту: то тѣло уже теряетъ свое господство надъ нею; ибо тогда оно зависитъ отъ воли души, которая и предписываетъ ему правила воздержанія въ пищѣ и питіи и управляетъ имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Если душа постоянно повинуется внушеніямъ Духа Святаго и терпѣливо переноситъ труды покаянія: то милосердый Творецъ взираетъ благосклонно на всѣ ея подвиги, на долговременый и строгій постъ, бдѣніе, размышленіе при чтеніи Слова Божія, непрестанную молитву, на искреннее и чистосердечное служеніе всѣмъ людямъ, на нищету духа. Преблагій Богъ наконецъ освобождаетъ ее отъ всѣхъ искушеній, и изливаетъ ей духовное утѣшеніе» (1).

Поучительно слышать отъ опытнаго въ духовной борьбѣ подвижника, какъ онъ раскрываетъ многообразныя козни діавола, покушающагося совратить подвижника съ праваго пути его.

«Чтобы не явиться въ собственномъ своемъ свѣтѣ, діаволъ скрываетъ свою ненависть къ намъ подъ видомъ любви, и показываетъ различные пріятные призраки, чтобы своимъ ложнымъ и обманчивымъ видомъ могъ совратить сердце наше съ пути истины. Всѣ усилія діавола клонятся къ тому, чтобы препятствовать благочестивымъ занятіямъ тѣхъ душъ, которыя истинно служатъ Богу. Чтобы погасить въ душѣ огонь, которымъ питаются всѣ добродѣтели, діаволъ возбуждаетъ въ ней многоразличныя страсти: Богохульство, сомнѣніе въ вѣрѣ, осужденіе, злословіе, ненависть, и особенно произво-

(1) Письмо 1-е. Христ. чт. ч. 22. стр. 40.

дитъ въ тѣлѣ лѣность и склонность къ удовольствіямъ. Если же примѣтитъ, что человѣкъ не исполняетъ его внушеній, то употребляетъ другую хитрость. Онъ старается возбудить въ сердцѣ гордость. — Показываетъ ночью сновидѣнія, которыя оправдываетъ днемъ, чтобы лучше такимъ образомъ обмануть; ночью является имъ окруженный свѣтомъ, освѣщаетъ ихъ мѣстопребываніе, и производитъ много подобныхъ явленій. Побуждаетъ насъ совершать такія дѣла, которыя превышаютъ силы наши, и отклоняетъ насъ отъ исполненія того, что для насъ полезно и нужно. Все сіе онъ дѣлаетъ для того, чтобы отъ людей, не усовершившихся еще въ добродѣтели, удалить всякое подозрѣніе въ обманѣ, чтобы они считали его Ангеломъ Божіимъ и принимали къ себѣ. Если онъ обманываетъ ихъ, то, возбудивъ, что они славны и велики, низвергаетъ гордостію. Если же видитъ, что его обманы не удаются, — его внушеніе не принимаютъ, то отходитъ со стыдомъ. Если мы, хотя немного, попустимъ имъ возобладать надъ собою: то сѣмя зла, которое они посѣятъ въ сердцѣ нашемъ, укоренится, возрастетъ и умножится (1), и мы содѣлаемся добычею ихъ (2). Искушенія духовъ злобы тѣмъ опаснѣе для насъ, что духи невидимы, и дѣйствуютъ не тѣлеснымъ, но духовнымъ образомъ. Мы не можемъ ихъ видѣть, какъ видимъ тѣла, не можемъ удалиться отъ нихъ, но они видятъ. Когда они всѣваютъ въ душу нашу Богопротивныя мысли; то чрезъ сіе какъ бы вселяются въ насъ и дѣлаются какъ-бы видимыми въ нашемъ тѣлѣ, въ нашихъ грѣхахъ. — Искушенія отъ злыхъ духовъ неизбѣжны, ибо мы до совершеннаго отрѣшенія отъ тѣла не можемъ быть совершенно свободны отъ склонности ко грѣху (3). И Богъ, одаривъ насъ свободною волею, попускаетъ злымъ духамъ искушать насъ, чтобы мы

(1) Письмо 1-е. Христ. чтен. 35 г.
(2) Письмо 6-е. Христ. чтен. ч. 24. 176.
(3) Письмо 6-е.

сами могли отражать и побѣждать ихъ. Діаволъ, будучи низвергнутъ съ неба въ адъ за гордость свою, всегда ищетъ погибели тѣхъ, которые пребываютъ вѣрными Господу, и старается погубить ихъ такимъ же образомъ, какъ самъ погибъ, т. е. гордостію и славолюбіемъ».

Потому Антоній часто въ своихъ письмахъ внушаетъ инокамъ смиреніе, и указываетъ средство къ его пріобрѣтенію. «Никто, пишетъ Антоній, не можетъ имѣть истиннаго сердечнаго смиренія, если душа его не будетъ смотрѣть на Господа, какъ на образъ совершеннаго смиренія. Святымъ Богъ даровалъ славу и богатство потому, что они смирялись всѣмъ сердцемъ прежде, нежели Онъ возвеличилъ ихъ; и чѣмъ болѣе приближались къ Нему, тѣмъ болѣе старались смиряться. Многіе, повидимому, имѣютъ смиреніе, но оно не есть сердечное; они кажутся смиренными по внѣшности предъ людьми, но не предъ Богомъ. Не желайте пріобрѣтать славы отъ людей, но постоянно пребывайте въ глубокомъ смиреніи, и не переходите съ одного мѣста на другое, съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтать славу отъ людей, потому, что вы тогда забудете прежнее свое недостоинство. Я вижу, что нѣкоторые изъ иноковъ стараются пріобрѣтать славу отъ людей такъ, что, когда они получатъ ее въ одномъ обществѣ иноковъ, то переселятся въ другое, чтобы и тамъ получить ее. Знайте, дѣти мои, что это худо, и не переходите изъ одного общества иноковъ въ другое, чтобы пріобрѣсть только славу отъ людей; но будьте просты сердцемъ, какъ дѣти, и подражайте тѣмъ двумъ ученикамъ Іоанна Крестителя, которые дотолѣ не оставляли его, доколѣ изъ свидѣтельства Іоаннова не узнали, что Господь Іисусъ Христосъ болѣе Іоанна, тогда уже они послѣдовали за Іисусомъ Христомъ; и какъ дѣти сдѣлались его учениками, такъ и вы всегда поступайте, когда захотите перейти къ другому наставнику, который болѣе перваго наставника вашего».

«Дѣти мои, признавайтесь предъ всѣми, что вы грѣшники,

и оплакивайте себя, когда сдѣлаете какое нибудь худое дѣло. Послѣ сего вселится, и будетъ дѣйствовать въ васъ сила Господня; потому что Господь милосердъ, прощаетъ грѣхи тѣхъ, которые обращаются къ Нему, и не вспоминаетъ объ нихъ. Но Онъ хочетъ, чтобы сами люди помнили грѣхи свои, не забывали ихъ, и старались отдать отчетъ въ нихъ, хотя они уже и прощены имъ. Вы знаете, что случилось съ рабомъ забывшимъ, что Господинъ простилъ ему долгъ его (Матѳ. 18, 23). Моисей также заповѣдалъ народу своему, чтобы онъ, поселившись въ землѣ обѣтованной, не забывалъ грѣховъ своихъ (Втор. 9, 7); и мы будемъ стараться войти въ обѣтованную землю, и вошедши въ нее, не будемъ забывать нашего рабства грѣху, но будемъ помнить оное, чтобы не сдѣлаться неблагодарными Богу. Давидъ, получивши прощеніе грѣха своего, помнилъ его, и память объ немъ оставилъ въ потомствѣ, чтобы всѣ знали объ немъ отъ одного поколѣнія до другаго. Самъ Богъ чрезъ Пророка Исаію сказалъ: *Азъ есмь, Азъ есмь заглажденіе, и беззаконія твоя Мене ради, и грѣхи твоя, и не помяну, ты же помни, да оправдишися* (Исаіи 43, 25. 26). Подобнымъ образомъ и чрезъ Пророка Іеремію Богъ говоритъ: *обратися ко Мнѣ, домъ Израилевъ, и не утверждy лица Моего на васъ, яко милостивъ Азъ есмь и не прогнѣваюсь на вы во вѣки; обаче вижди беззаконіе твое, яко въ Господа Бога твоего преступила еси* (Іер. 3, 12. 13). И вы, дѣти мои, не должны прощать себѣ грѣховъ, когда Богъ прощаетъ ихъ намъ, но непрестаннымъ покаяніемъ должны возобновлять ихъ въ памяти: я напоминаю вамъ о семъ, возлюбленные, потому что знаю ваши великія добродѣтели, и предохраняю васъ отъ ослабленія, чтобы не затмился свѣтъ вашъ, но чтобы умножались плоды ваши соотвѣтственно Ангельскому образу, въ который вы облечены. Ваши добродѣтели, возлюбленные, извѣстны всѣмъ; но вы не думайте о семъ, чтобы не возгордиться, но со смиреніемъ воспоми-

найте о прежнемъ вашемъ недостоинствѣ и бѣдности. Тогда вы не будете подвержены тщеславію. Получивши милость отъ Бога не забывайтесь, чтобы плоды вашего покаянія не сдѣлались безполезными для васъ; но подражайте учителю вселенной Апостолу Павлу, который, удостоившись видѣть явившагося ему Бога, помнилъ прежнее свое неразумѣніе, забытое уже милосердымъ Богомъ, и открыто говорилъ: *гонихъ Церковь Божію* (1) (1 Кор. 15, 9)».

«Сколько бы ни были велики наши добродѣтели, ихъ никогда не должно считать избыткомъ нашей святости. Ибо кто истинно служитъ Богу, и всѣмъ сердцемъ ищетъ Бога, тотъ дѣлаетъ сіе по обязанности своей (2). Кто, видя въ себѣ нѣкоторыя совершенства, гордится ими, старается оправдать себя дѣлами своими, далекъ отъ Бога. Если человѣкъ не возлюбитъ смиренія всѣмъ сердцемъ, всѣми мыслями, и всею душею, если не будетъ выражать смиренія во всѣхъ дѣлахъ своихъ: не наслѣдуетъ царствія небеснаго (3). Какъ волъ, вертящій жерновъ, будетъ ѣсть зерна, которыя мелетъ, если не завяжутъ ему глаза; такъ и Самъ Богъ дѣйствіемъ Своего милосердія иногда скрываетъ добродѣтели, которыя мы дѣлаемъ, чтобы наше тщеславіе не уничтожило нашихъ добрыхъ дѣлъ, и не лишило насъ награды» (4).

Безопасное и близкое для иноковъ средство къ пріобрѣтенію смиренія и прочихъ добродѣтелей указываетъ Антоній въ послушаніи отцамъ.

«Кто хочетъ успѣвать и возрастать въ добродѣтели, имѣть спокойствіе въ сердцѣ, и быть безопаснымъ отъ коварствъ діавола, тотъ долженъ найти служителя Божія, умѣющаго врачевать духовныя болѣзни, и прибѣгать къ его помощи:

---

(1) Письмо 16-е. Христ. чтен. ч. 34. стр. 236.
(2) Письмо 7-е. Христ. чтен. ч. 31. стр. 16.
(3) Письмо 6-е. Христ. чтен. ч. 23. стр. 182 — 189.
(4) Vita Ant. L. 7. c. 13. n. 1.

онъ можетъ указать истинный путь, который безъ того неизвѣстенъ неопытнымъ. Сами отцы наши повиновались отцамъ, и слѣдовали ихъ наставленіямъ, и потому возрасли и усовершились въ добродѣтели и благочестіи, и сдѣлались учителями другихъ. Они помнили слова, написанныя въ премудрости сына Сирахова: *не отступайте отъ повѣсти старцевъ; ибо тіи навыкоша отъ отцевъ своихъ*» (Спр. 8, 11) (1).

Не можемъ не привести выписки еще одного мѣста изъ писемъ Антонія, указывающаго на то, что созерцательная жизнь иноковъ приводила ихъ къ нѣкоторымъ ошибочнымъ представленіямъ о проникновеніи въ міръ духовный.

«Многіе, пишетъ Антоній, по глупости своей говорятъ: мы видѣли Господа Іисуса Христа, какъ видѣли Его Апостолы. Но сіи люди обманываются. Всякій человѣкъ, освободившійся отъ страстей, увидитъ Господа очами вѣры, но тѣлесными глазами не увидитъ того блистательнаго свѣта, который видѣлъ Апостолъ Павелъ. Если грѣхъ царствуетъ въ тѣлѣ, то человѣкъ не можетъ видѣть Бога, потому что душа его во мракѣ, и въ ней нѣтъ свѣта, при которомъ могла бы видѣть Бога. Давидъ говоритъ: *во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. 35, 10). Это тотъ свѣтъ, который Господь повелѣваетъ сохранять въ себѣ, чтобы весь человѣкъ былъ свѣтелъ (Лук. 11, 35. 36). Всѣ чувственныя явленія Божіи свидѣтельствуютъ только о несовершенствѣ и неспособности нашей видѣть Бога открыто, какъ въ зеркалѣ (2 Кор. 3, 18). Но у тѣхъ людей, которые достигли совершенства, открываются сердечныя очи, которыми они спокойно и легко могутъ смотрѣть на обильный духовный свѣтъ. Кто приближается къ Богу, тотъ познаетъ Его силу (Пс. 33, 6). Не удивляйтесь тому, что путь жизни вашей далекъ отъ подобнаго состоянія. Вы еще находитесь въ духовномъ отро-

(1) Письмо 18-е. Христ. чтен. ч. 35. стр. 140.

чествѣ. Какъ тѣло имѣетъ три возраста: отроческій, мужескій и старческій: такъ и душа преемственно имѣетъ три состоянія: состояніе вѣры раждающейся, усовершающейся и усовершившейся (1). На это указываетъ Іоаннъ, когда пишетъ: *писахъ вамъ юноши*, *писахъ вамъ дѣти*, *писахъ вамъ отцы* (1 Іоан. 2, 12. 17. 19). Нужно постоянно продолжать свой путь, чтобы достигнуть совершенства».

Такъ въ постоянныхъ подвигахъ самоумерщвленія и въ заботѣ о спасеніи ближнихъ протекла жизнь великаго Антонія. «Вся протекшая, писалъ онъ къ монахамъ, довольно долговременная жизнь моя была не что иное, какъ непрестанный плачь о грѣхахъ моихъ» (2). Въ письмѣ къ Арсинойскимъ монахамъ, онъ уже высказываетъ близость своей кончины. «Я желалъ бы, пишетъ онъ, видѣть всѣхъ здѣсь на землѣ въ бренномъ тѣлѣ моемъ: но я ожидаю уже переселенія въ тѣ блаженныя обители, гдѣ нѣтъ ни печали, ни стенанія, но гдѣ всѣ Святые непрестанно радуются. Тамъ я надѣюсь видѣть васъ» (3).

Предузнавъ свое отшествіе къ Богу, онъ пришелъ въ послѣдній разъ въ свой монастырь, чтобы проститься съ братіей. Когда всѣ собрались, онъ обратился къ нимъ съ послѣднимъ наставленіемъ:

«Выслушайте, возлюбленные дѣти, послѣднее наставленіе отца вашего. Я болѣе не увижу васъ въ сей жизни. Мнѣ уже сто пять лѣтъ; сама природа даетъ знать о срокѣ разрѣшенія моему тѣлу». Услышавъ это, иноки горько заплакали, стали обнимать и лобызать старца. «Не плачьте, сказалъ Антоній, неуклонно идите избраннымъ вами путемъ, сохраняйте чистоту душевную, не имѣйте общенія съ еретиками,

---

(1) Письмо 17-е. Христ. чтен. ч. 33.
(2) Письмо 7-е.
(3) Письмо 6-е.

особенно съ Аріанами, и твердо держитесь правой вѣры въ Господа Іисуса Христа, и преданій Святыхъ Отцевъ».

Братія просила Антонія послѣднія дни жизни провести съ ними, «но для Антонія, говоритъ Аѳанасій, никакое мѣсто не было такъ любезно, какъ гора».. Здѣсь въ совершенномъ безмолвіи провелъ онъ остатокъ дней своихъ. Почувствовавъ приближеніе кончины, онъ призвалъ своихъ двухъ учениковъ, пятнадцать лѣтъ служившихъ ему. «Наконецъ, любезные дѣти, сказалъ онъ имъ уже слабымъ голосомъ, наступилъ часъ, въ который я, по слову Божію, отхожу ко отцамъ моимъ. Уже Господь зоветъ меня; уже я желаю видѣть небесное. Заклинаю васъ, чада сердца моего, не погубите плодовъ, пріобрѣтенныхъ вашими долговременными трудами; помните, какимъ вы подвергались искушеніямъ отъ демоновъ, и вы знаете, какъ злобныя коварства ихъ, такъ и безсиліе противъ благочестія. Любите отъ всего сердца Господа вашего Іисуса Христа. Никогда не забывайте наставленій моихъ. Постоянно помышляйте о томъ, что вы всякій день можете умереть. Если имѣете любовь ко мнѣ, если считаете меня отцемъ своимъ, если хотите чѣмъ либо отвѣтить нѣжнѣйшей любви моей къ вамъ,—заклинаю васъ, не носите моего тѣла въ Египетъ, дабы оно не осталось въ какомъ либо домѣ. Погребите меня здѣсь, и никому не говорите о мѣстѣ моего погребенія. Я уповаю, что въ день воскресенія оно возстанетъ нетлѣннымъ. Милоть — ветхую одежду, на которой лежу, отдайте Аѳанасію за то, что онъ далъ мнѣ новую, другую милоть—Епископу Серапіону, и себѣ возьмите власяницу. Прощайте, возлюбленные дѣти, вашъ Антоній идетъ въ путь, и болѣе не будетъ уже съ вами». Послѣ сихъ словъ равноангельская душа его отошла ко Господу; на лицѣ его сіяла свѣтлая радость. Это было 17-го Генваря 355 года.

Согласно завѣщанію Преподобнаго Антонія, тѣло его похоронено было учениками его въ горѣ безъ свидѣтелей.

«Имя человѣка, говоритъ Аѳанасій въ заключеніи житія Ан-

тонія, скрывшагося въ неизвѣстныхъ и непроходимыхъ пустыняхъ, Богъ прославилъ въ Африкѣ, Испаніи и Галліи, Италіи и самомъ Римѣ». Будучи въ Римѣ, еще при жизни Преподобнаго Антонія, Аѳанасій, разсказами о подвигахъ сего подвижника и другихъ пустынножителей Египта, воспламенялъ сердца благочестивыхъ слушателей, помогалъ имъ отрѣшаться отъ земныхъ привязанностей, и примѣръ Антонія нашелъ себѣ ревнителей въ Римѣ. Первая Маркелла основала у себя иноческое общежитіе (1).

Мы видѣли, что всѣ почти великіе подвижники Египта были или учениками Антонія, или искали его наставленій. Въ Палестинѣ монашество основано его ученикомъ Иларіономъ. «Ученики Антонія, говоритъ Созоменъ, были вездѣ, но не легко найти ихъ; ибо они, въ продолженіи своей жизни, старались скрываться ревностнѣе, чѣмъ многіе изъ нынѣшнихъ людей, волнуемые честолюбіемъ, домогаются извѣстности (2). Жизнь Антонія осталась навсегда высокимъ образцомъ жизни иноческой, и учитъ его примѣромъ во всѣ времена. Посылая инокамъ жизнеописаніе Антонія, Аѳанасій писалъ: «старайтесь, братія, тщательно прочитывать эту книгу; пусть знаютъ всѣ, какова должна быть жизнь иноковъ, пусть увѣрятся всѣ въ томъ, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ прославляющихъ Его прославляетъ и служащимъ Ему даруетъ не только царство небесное, но и земную славу среди пустынь, дабы и они сами пожинали награды за труды свои, и другіе послѣдовали пути ихъ» (3).

---

(1) Hieron. Epist. 127.

(2) Спустя 16 лѣтъ послѣ смерти Антонія, Руфинъ видѣлъ учениковъ Антонія, славныхъ простотою жизни (Церк. Истор. кн. I. гл. 13), Апостольскою чистотою сердца и даромъ чудотворенія, во всѣхъ замѣчательныхъ обителяхъ Средняго Египта, кромѣ двухъ Макаріевъ, Исидора въ Скитѣ,—Памво въ Келліяхъ, Моисея и Веніамина въ Нитріи, Илію и Павла въ Апемотѣ, другаго Павла въ Фокахъ (Hist. Eccles. c. VII).

(3) Vita Ant. n. 94.

Чрезъ три года послѣ смерти Преподобнаго Антонія, приходилъ на его гору Преподобный Иларіонъ. Онъ нашелъ здѣсь двухъ учениковъ Антонія, Исаака и Пелузіана. Память о великомъ учителѣ жива была у его учениковъ. Вотъ здѣсь, говорили они Иларіону, указывая на мѣсто, онъ пѣлъ псалмы, здѣсь молился, здѣсь работалъ, здѣсь обыкновенно отдыхалъ утрудившись. Эти лозы, эти деревца онъ самъ насадилъ; этотъ дворикъ онъ самъ сдѣлалъ. Этотъ прудокъ для орошенія садика, онъ самъ съ большимъ трудомъ устроилъ. Этимъ заступомъ много лѣтъ онъ копалъ землю. Указали и постель его (1). Иларіонъ легъ на нее и лобызалъ ее.

Кромѣ двухъ учениковъ Преподобнаго Антонія, жили въ его горѣ и другіе отшельники, въ числѣ ихъ особенно знаменитъ Сисой, котораго называютъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ свѣтилъ пустыни. (2).

СВЯТЫЙ СИСОЙ,

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬ ГОРЫ СВЯТАГО АНТОНІЯ.

Онъ отрекся міра еще въ ранней юности (3), и жилъ сначала въ Скитѣ, подъ руководствомъ Аввы Ора. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упражненія въ подвигахъ самоотреченія и покаянія, пустыня Скита показалась ему многолюдною. Услышавъ, что великій Антоній почилъ, онъ перешелъ Нилъ, и удалился на ту гору, гдѣ подвизался Антоній.

Живая память о подвигахъ Предобнаго Антонія, не мало способствовала къ возбужденію его ревности къ подвижничеству. Онъ какъ бы видѣлъ его предъ собою, какъ бы слышалъ изъ его устъ дивныя наставленія, которыя онъ при жизни давалъ своимъ

---

(1) Hieron. vita S. Hilar. c. 26.
(2) Vit. pp. l. 6. libell. 3. n. 6. Дост. сказ. 250. 12.
(3) Cotel. t. I. p. 672. Дост. сказ. 254. 23.

ученикамъ. Своимъ строгимъ подвижничествомъ, своими добродѣтелями, онъ скоро заслужилъ всеобщее уваженіе знавшихъ его.

Какъ ни старался онъ скрывать себя, не могъ укрыться отъ ихъ посѣщеній, и любовь къ братьямъ долженъ былъ предпочесть удовольствію, какое находилъ въ сохраненіи безмолвія. Многіе приходили къ нему за наставленіями. Добродѣтель, которой онъ преимущественно училъ, была смиреніе. И онъ тѣмъ лучше могъ давать наставленія въ сей добродѣтели, что самъ былъ примѣромъ самаго глубокаго смиренія.

Добродѣтель смиренія была первымъ урокомъ, какой далъ Сисою его учитель Оръ. Дай мнѣ наставленіе, просилъ однажды Сисой Ора. Имѣешь ли ты ко мнѣ довѣренность? спросилъ его Оръ. Имѣю, отвѣчалъ Сисой. Поди же, сказалъ ему Оръ, и дѣлай тоже, что, какъ видишь, дѣлаю я. Что же я вижу въ тебѣ, отецъ? спросилъ его Сисой. Оръ отвѣчалъ, я почитаю себя ниже всѣхъ людей (1).

Одинъ пустынникъ сказалъ ему однажды «Отче, я замѣчаю за собою, что памятованіе о Богѣ всегда со мною. Это еще не много, сынъ мой, отвѣчалъ ему Сисой, важнѣе сего — видѣть себя ниже всей твари; ибо такое уничиженіе способствуетъ къ пріобрѣтенію смиренія» (2). Другому брату онъ сказалъ: «будь смиренъ, отвергайся своей воли, отрекись отъ пустыхъ заботъ мірскихъ, и ты найдешь миръ сердца» (3).

Одинъ братъ спросилъ его: «достигъ ли онъ совершенства Святаго Антонія? Ахъ, воскликнулъ онъ, если бы я имѣлъ въ моемъ сердцѣ одну изъ мыслей Аввы Антонія, — я весь былъ бы проникнутъ огнемъ любви Божіей» (4).

Проходя такую святую жизнь, онъ такъ мало думалъ о сво-

---

(1) Дост. сказ. о подвиж. стр. 184. 6.
(2) Vit. pp. l. s. lib. 13. n. 47. Дост. сказ. 230. 11.
(3) Lib. 3. lib. 1 n. 17. Дост. сказ. 236. 37.
(4) L. 3. lib. 13 n. 44. Дост. сказ. 249. 8.

емъ подвижничествѣ, что называлъ себя преданнымъ чревоугодію, и хотѣлъ, чтобы и другіе считали его такимъ. Нѣкоторые пустынники пришли видѣть его, и просили сказать что нибудь въ наставленіе; онъ отказался, и только повторилъ: простите меня, и оставилъ ихъ бесѣдовать съ своимъ ученикомъ. Но его примѣръ восполнилъ его отказъ, и доставилъ имъ назиданія болѣе, нежели сколько могли бы получить отъ долгаго собесѣдованія съ нимъ. Разговаривая съ его ученикомъ, пришельцы спросили, зачѣмъ эти корзинки. Сисой поспѣшилъ перервать отвѣтъ ученика, и сказалъ: «Сисой ѣстъ то изъ той, то изъ другой; братія, знавшіе каково было его самоумерщвленіе, узнали его смиреніе, и возвратились, получивъ назиданіе и довольны своимъ посѣщеніемъ (1).

Въ самомъ дѣлѣ, Сисой не только сохранялъ правила поста общія пустынножителямъ, но большею частію онъ и не думалъ о принятіи своей пищи, и ученикъ его Авраамъ, долженъ былъ напоминать ему о томъ; притомъ нѣсколько разъ случалось, что онъ удивлялся, думая, что уже принялъ пищу; такъ мало обращалъ вниманія на потребности тѣлесныя (2).

Если случалось что любовь обязывала его перемѣнить часъ трапезы изъ угожденія къ странникамъ, приходившимъ его видѣть, онъ вознаграждалъ себя за то долгимъ постомъ, вымѣщая на своемъ тѣлѣ снисхожденіе, которое дѣлалъ для того, чтобы лучше исполнить любовь. Пустынножители сосѣдніе знали объ этомъ его обычаѣ; однажды Авва Аделфій, Епископъ Никопольскій, не знавшій сего обычая, пришелъ видѣть его и упросилъ его вкусить пищи съ собою предъ своимъ отправленіемъ. Преподобный Сисой не захотѣлъ отказать ему въ томъ; но нѣкоторые старцы, пришедшіе въ

(1) n. 46. Дост. сказ. 231. 14.
(2) L. 3. lib. 4. n. 38. Дост. сказ. 248. 3.

сіе время, стали упрекать его ученика, говоря, что онъ долженъ бы воспрепятствовать ему, поелику зналъ, что его учитель, за это снисхожденіе, по своему обычаю, станетъ держать постъ продолжительный и очень строгій. Епископъ, услышавъ о семъ, много извинялся предъ нимъ (1).

Въ гору Антонія прислали однажды вина, одинъ изъ пустынниковъ поднесъ ему двѣ чаши вина. Сисой выпилъ первую, принялъ и вторую. Но когда онъ предложилъ ему въ третій разъ, Сисой не взялъ, сказавъ: «развѣ ты, братъ, не знаешь, что есть сатана?» (2) Тотъ же совѣтъ умѣренности далъ онъ и другому пустыннику, который спрашивалъ, какъ поступить ему въ подобномъ (3).

Онъ такъ отвращался похвалы человѣческой, что, молясь иногда съ руками, воздѣтыми къ небу, тотчасъ опускалъ ихъ внизъ, какъ скоро думалъ, что могутъ видѣть его. Однажды творя свою молитву вмѣстѣ съ другимъ братомъ, онъ, забывшись, нѣсколько разъ вздохнулъ; но какъ скоро пришелъ въ себя, сталъ жалѣть о томъ, и съ великимъ смиреніемъ сказалъ сему монаху: «прости меня, братъ мой: кажется я еще не истинный пустынножитель, вздыхая предъ другимъ». Изъ всякаго событія, изъ всякой встрѣчи, онъ извлекалъ для себя урокъ смиренія (4). Когда онъ одинъ ходилъ по горѣ, гдѣ онъ уже десять мѣсяцевъ не видалъ никого, случайно встрѣтилъ онъ охотника, спросилъ его, откуда онъ пришелъ и сколько времени находился въ семъ мѣстѣ. По истинѣ, отче, отвѣчалъ охотникъ, вотъ уже одиннадцать мѣсяцевъ, какъ я хожу по сей горѣ, не видавъ человѣка, кромѣ тебя. Святой тотчасъ удалился въ свою келлію, и ударяя въ свою грудь, съ великимъ чувствомъ сокрушенія сердца сказалъ:

---

(1) n. 23. Дост. сказ. 251. 13.
(2) L. 5. lib. 4. n. 36. Дост. сказ. 249. 7.
(3) n. 37.
(4) L. 6. lib. 9. n. 5. Дост. сказ. 249. 6.

«Ахъ, Сисой! ты думалъ, что много пріобрѣлъ въ пустынѣ, пребывая въ ней одинъ въ продолженіи нѣкотораго времени, и вотъ мірянинъ оставался въ ней долѣе твоего».

Три пустынника, привлекаемые слухомъ о святости Сисоя, пришли видѣть его, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «отче, какъ мнѣ избѣжать огня геенскаго», онъ ничего ему не отвѣтилъ. «А мнѣ, отче, продолжалъ другой, какъ избѣжать скрежета зубовъ и червя неумирающаго?» И третій сказалъ: «что дѣлать и мнѣ, ибо всякій разъ, какъ представлю тьму кромѣшную, меня обнимаетъ смертельный трепетъ?» Тогда онъ отвѣчалъ имъ: «признаюсь вамъ, братія, что я не думаю о сихъ предметахъ; и зная, что Богъ полнъ благости, уповаю, что Онъ окажетъ мнѣ милосердіе». Иноки сіи, ожидавшіе отвѣта болѣе прямаго и пространнаго, удалились съ нѣкоторою печалію; но Святый, не желая оставить ихъ прискорбными, воротилъ ихъ, и съ великимъ смиреніемъ сказалъ: «блаженны, вы братія, и я завидую вашей добродѣтели; вы мнѣ говорили о наказаніяхъ ада, и я понимаю, что вы проникнуты симъ такъ, что получите отъ сего великую помощь для избѣжанія отъ грѣха. Ахъ, что дѣлать мнѣ, столь не чувствительному сердцемъ, что и не думаю о томъ, что послѣ смерти есть мѣсто наказанія, назначеннаго для злыхъ, и по сей-то, можетъ быть, причинѣ содѣлываю столько грѣховъ?» Пустынники, получивъ назиданіе отъ столь смиреннаго отвѣта, просили у него прощенія, и возвратились домой, признаваясь, что справедливо все, что говорили о его смиреніи (1).

Онъ говорилъ, что въ продолженіе тридцати лѣтъ молился Господу Іисусу такъ: «Господи Іисусе, не дай мнѣ согрѣшить нынѣ моимъ языкомъ, и между тѣмъ прибавляетъ онъ, я всегда содѣлываю какіе нибудь грѣхи сего рода» (2). Сіе

(1) Col. l. 1. p. 669. Дост. сказ. 232. 17.
(2) L. b. 5. lib. 4. n. 39. Достоп. сказ. 248. 4.

могло быть въ немъ только плодомъ смиренія (1): ибо онъ строго соблюдалъ уединеніе и молчаніе, и дверь своей келліи всегда держалъ на заперти, чтобы менѣе быть прерываему.

Такъ какъ кротость есть вѣрная спутница смиренія, то Сисой былъ столько же кротокъ, сколько и смиренъ. Одинъ братъ, обиженный другимъ, пришелъ къ Аввѣ Сисою и говоритъ: «братъ обидѣлъ меня, я хочу отмстить. Не мсти, сказалъ ему Сисой, предоставь Богу отмщеніе. Не успокоюсь, продолжалъ братъ, пока не отмщу. Тогда Сисой сказалъ: помолимся братъ. И онъ такъ началъ молиться: Боже, мы не имѣемъ болѣ нужды въ Твоемъ попеченіи о насъ: мы сами хотимъ мстить за себя! Братъ упалъ къ ногамъ старца и сказалъ: прощаю брата, прости ты меня отче» (2). Онъ не приходилъ въ ужасъ отъ проступковъ своихъ братій, и вмѣсто того, чтобы съ негодованіемъ упрекать ихъ за оныя, онъ съ крайнимъ терпѣніемъ помогалъ исправляться отъ нихъ. Одинъ пустынникъ, жившій въ сосѣдствѣ съ нимъ, часто приходилъ говорить ему, что онъ впалъ въ грѣхъ, и Святой всегда отвѣчалъ ему: «возстань. Но, отче, сказалъ ему однажды сей монахъ, сколько же времени дашь мнѣ для возставанія, послѣ того какъ я буду падать? Дѣлай сіе, отвѣчалъ онъ, до тѣхъ поръ, какъ смерть найдетъ тебя, или павшимъ или возставшимъ» (3).

Нѣкоторые братія спрашивали его, если монахъ впадетъ въ грѣхъ, долженъ ли онъ нести покаяніе въ продолженіе цѣлаго года; онъ отвѣчалъ: «этого, мнѣ кажется очень много. Но, сказали они, не нужно ли нести его въ продолженіе шести мѣсяцевъ? Много, отвѣчалъ онъ. Они сказали, по крайней мѣрѣ сорокъ дней? И этаго даже много, прибавилъ онъ. Не хочешь ли ты, сказали братія, того, чтобы допускали его

(1) L. 6. lib. 3. n. 6.
(2) Дост. сказ. о подв. 248. 1.
(3) L. 3. n. 103. Дост. сказ. 256. 32.

къ Св. Тайнамъ, если тотчасъ послѣ его паденія будетъ совершаема Литургія? Я этаго не говорилъ, отвѣчалъ Святой; но думаю, что благость Божія такова, что, если онъ обратится къ Нему съ искреннимъ раскаяніемъ во грѣхѣ, Богъ приметъ его даже въ три дня» (1). Передаютъ подобный же отвѣтъ Аввы Пимена (2).

Одинъ пустынникъ сказалъ ему: «если въ мою келлію придетъ разбойникъ, съ намѣреніемъ убить меня, могу ли я убить его самаго, чувствуя себя сильнѣе его? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; но оставь его Господу; ибо въ какой бы опасности не находились, должны помышлять, что это послано въ наказаніе за наши грѣхи; а когда случится доброе, нужно признавать, что мы получаемъ сіе отъ благости Божіей» (3).

Другой пустынникъ спросилъ его: «если во время пути онъ пойметъ, что его проводникъ сбился съ пути, должно ли сказать ему о томъ? Не совѣтую сего. Но, сказалъ ему пустынникъ, ужели должно, не говоря ни слова дозволить, чтобы онъ заставлялъ меня блуждать? Что же? отвѣчалъ Святой, ужели ты захотѣлъ бы взять палку и бить его?» Сверхъ сего онъ разсказалъ ему слѣдующій примѣръ: «братья въ числѣ двѣнадцати были въ пути, ихъ застигла ночь, и они поняли, что ихъ проводникъ ошибся. Не смотря на сіе, они не хотѣли прервать молчанія, дабы сказать ему о семъ, и каждый изъ нихъ думалъ въ себѣ, что скажетъ объ ошибкѣ, когда настанетъ день, и тогда онъ выведетъ ихъ на прямую дорогу. Они шли за нимъ съ терпѣніемъ и прошли двѣнадцать миль. Когда насталъ день, проводникъ замѣтилъ свою ошибку, и очень извинялся предъ ними. Кротко отвѣчали они ему: мы это замѣтили; но ничего не хотѣли сказать тебѣ о томъ. Сей человѣкъ удивился ихъ терпѣнію и точности въ соблюденіи

(1) Col. t. 1. p. 670. Достоп. сказ. 233. 14.
(2) Col. t. 1. p. Достоп. сказ. 193. 12.
(3) 16. p. 674. Достоп. сказ. 235. 28.

молчанія, получилъ отъ сего великое назиданіе, и воздалъ славу Богу(1).

Онъ почиталъ правиломъ, что пустынникъ не долженъ выбирать рукодѣлья, которое ему болѣе нравится (2). Всего болѣе онъ желалъ того, чтобы братъ, или по преклонности лѣтъ, или по немощи, имѣющій нужду въ помощи своихъ собратій, приказывалъ имъ кротко: «ибо говоритъ онъ, когда заботятся о насъ, мы не должны уже распоряжаться сами» (3). Ученикъ его, будучи принужденъ отправляться въ путешествіе, поставилъ для услугъ ему другихъ братьевъ; но онъ отказался воспользоваться ихъ любовію, и терпѣливо трудился до его возвращенія (4).

Богъ попустилъ на него искушеніе; Сарацины пришли даже до его горы, ограбили его и его ученика, и отняли у нихъ небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, кія они имѣли. По удаленіи ихъ, они пошли по полямъ собирать пищу, и Святой старецъ, нашедши нѣсколько зеренъ ячменя, одно изъ нихъ положилъ въ ротъ, а остальныя сберегъ въ рукѣ для своего ученика (5).

Богъ, возвышающій тѣхъ, кои болѣе унижаются, прославилъ Святаго Сисоя даромъ чудесъ; но послику все, могущее привлечь ему уваженіе людей, тревожило его смиреніе, онъ не хотѣлъ обнаруживать сего дара. Но тѣмъ разительнѣе были опыты присутствія въ немъ благодати Божіей. Такъ одинъ человѣкъ съ юнымъ сыномъ своимъ шелъ къ нему, чтобы испросить его благословенія. Дитя умерло на дорогѣ, но отецъ безъ слезъ, полный упованія на молитвы Святаго Сисоя, понесъ его къ нему. Вошедъ въ его келлію, онъ по-

(1) Id. p. 672. Достоп. сказ. 234. 23
(2) Id. p. 675. Достоп. сказ. 236. 33.
(3) Id. 672. 234. 24.
(4) Id. 676. Достоп. сказ. 237. 40. 4. id. 673.
(5) Id. 673.

ложилъ его, какъ живаго у ногъ старца, и самъ распростерся у нихъ, дабы онъ благословилъ того и другаго. Когда старецъ сотворилъ надъ ними молитву, отецъ всталъ и вышелъ изъ келліи, оставивъ сына у ногъ старца, который видя, что онъ не трогается съ мѣста, повелѣлъ ему встать и слѣдовать за своимъ отцемъ: ребенокъ всталъ и пошелъ. Тогда отецъ, восхищенный радостію и удивленіемъ, возвратясь къ старцу, снова бросился къ ногамъ его, объявилъ, что онъ сдѣлалъ, и воздавалъ ему великое благодареніе за воскрешеніе сына своего. Но Сисой, крайне боявшійся, чтобы не узнали что онъ творитъ чудеса, весьма симъ огорчился, и чрезъ своего ученика приказалъ сему человѣку остерегаться говорить о семъ прежде его смерти (1). Онъ также сего же самого ученика освободилъ отъ жестокаго искушенія, помолившись Господу съ пламенною простотою сердца: «Боже, я не отступлю отъ Тебя до тѣхъ поръ, пока Ты не освободишь его отъ демона, мучащаго его» (2).

Не нужно удивляться, что его молитвы были столь дѣйствительны, потому, что онъ творилъ ихъ съ необычайною ревностію, и его моленія были столь возвышенны, что доходили до восторга. Въ иное время его сердце такъ бывало проникнуто любовію къ Богу, что почти не могло выдерживать силы ея, и онъ облегчалъ его частыми вздохами, не сознавая ихъ, и даже противъ своей воли.

Довѣренность, какую имѣли къ нему братія, обязывала его заботиться объ нихъ, и онъ съ крайнимъ вниманіемъ предохранялъ ихъ отъ заблужденія въ вѣрѣ, столько же, сколько трудился въ наученіи ихъ добродѣтели. Однажды Аріане пришли въ его гору, чтобы спорить тамъ съ братіями. Онъ ничего не возражалъ имъ, но приказалъ своему ученику

(1) Достоп. сказ. 232. 16.
(2) Vita pp. l. 6. lib. 2. n. 14. Достоп. сказ. 230. 10.

читать въ присутствіи ихъ сочиненіе, написанное Аѳанасіемъ противъ ихъ заблужденій. Это изобличило лживость ихъ догматовъ и заключило ихъ уста. Пристыдивъ ихъ такимъ образомъ, онъ отпустилъ ихъ съ обыкновенною своею кротостію (1).

Ученикъ его Авраамъ, видя, что онъ ослабѣлъ отъ старости и немощей, сказалъ ему, что лучше было бы приблизиться къ мѣстамъ обитаемымъ, гдѣ легче можно найти помощь; на сіе онъ отвѣчалъ: «ты разсуждаешь хорошо, — отведи меня въ то мѣсто, гдѣ нѣтъ женщинъ. Но, отвѣчалъ ему ученикъ, они повсюду, кромѣ пустыни. Если такъ, возразилъ онъ, то веди меня въ пустыню» (2).

Въ старости онъ послѣдовалъ совѣту своего ученика, и жилъ нѣсколько времени въ Клисмѣ, въ городѣ, лежащемъ на берегу Чермнаго моря (3).

Здѣсь пришелъ его посѣтить Авва Аммунъ Раифскій и, видя, что онъ скорбитъ объ удаленіи изъ пустыни, сказалъ ему: «что ты скорбишь Авва? И что ты въ такой старости могъ бы сдѣлать въ пустынѣ?» Но старецъ, бросивъ на него печальный взоръ, сказалъ: «что ты говоришь Аммунъ? развѣ не довольно было бы для меня свободы ума, которою я наслаждался тамъ» (4)?

Наконецъ сей человѣкъ Божій возвратился въ свою любимую пустыню, и когда уже находился при концѣ своей жизни, къ нему сошлись пустынники, дабы выслушать послѣднія его изрѣченія. Руфинъ, разсказывая о семъ, говоритъ, что его лице просіяло, онъ пришелъ въ восхищеніе и сказалъ: «Вотъ Авва Антоній идетъ ко мнѣ. Не много спустя воскликнулъ: я вижу ликъ Пророковъ, и въ тоже мгновеніе лице его сдѣлалось еще свѣтлѣе. Еще сказалъ онъ: вотъ пришли

(1) Bult. l. 1. c. 3. n. 7. Достоп. сказ. 253. 21.
(2) Достоп. сказ. 248. 2.
(3) Cot. t. 1. p. 671. Достоп. сказ. о подв. 254. 22.
(4) Ibid. Достоп. сказ. 254. 22.

Апостолы, и сталъ говорить тихо, какъ будто разговаривалъ съ кѣмъ-то изъ Святыхъ. Пустынники просили сказать, съ кѣмъ онъ разговариваетъ, и онъ прибавилъ: вотъ Ангелы пришли взять мою душу, и я молилъ ихъ подождать еще нѣсколько, дабы они дали мнѣ время на покаяніе. Они отвѣчали ему: ты не имѣешь болѣе нужды въ покаяніи; онъ возразилъ имъ: Не знаю, начиналъ ли я еще его. Эти послѣднія слова, при ихъ знаніи о его глубокомъ смиреніи, дали имъ понять, что добродѣтель его была совершенна». Наконецъ его лице просіяло, какъ солнце, и въ тоже время онъ воскликнулъ: «смотрите, Господь идетъ ко мнѣ». Произнося сіи слова, онъ испустилъ духъ, и его келлія тотчасъ исполнилась благоуханіемъ небеснымъ (1). Когда великому подвижнику Аввѣ Пимену говорили о Сисоѣ, онъ останавливалъ ихъ, говоря: «перестаньте говорить о Сисоѣ; ибо дѣла его выше повѣствованія» (2). Таковы обстоятельства его кончины, какъ передаетъ ихъ Руфинъ. Его смерть послѣдовала около 429 г. около 72-хъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ удалился въ гору Св. Антонія, что доказываетъ, что онъ пришелъ туда въ ранней юности, а умеръ въ глубокой старости. Въ нѣкоторыхъ Латинскихъ Мартирологахъ память его означена 5-го Іюля, а въ Минеяхъ Греческихъ 6-го.

Не нужно смѣшивать сего Святаго съ другими Сисоями, жившими въ тоже время, изъ коихъ одинъ прозванный Ѳиваейскимъ, жилъ въ Каламонѣ, на землѣ Арсиноя, а другой имѣлъ свою келлію въ Петрѣ (3).

Отшельники жили на восточной сторонѣ Нила, не въ одной горѣ Антонія, но и въ окрестныхъ пустыняхъ. Такъ въ пустыни Порфиритъ были замѣчательны подвижники Питиримъ,

---

(1) Vita pp. 1. 3. n. 162. Достоп. сказ. 238. 12.
(2) Достоп. сказ. 225. 186.
(3) Bult. l. 1. c. 3. n. 7.

Посидоній (1), почти современники Антонія, и позднѣе пришельцы изъ Палестины здѣсь встрѣчали отшельниковъ столь высокихъ по жизни, что они владѣли даромъ чудотворенія и прозорливости (2). А Кассіанъ видѣлъ тамъ подвизавшагося пустынника Павла, который долгое время питался одними пальмовыми листьями.

Монастырь Антонія, Писперъ, остался послѣ смерти великаго наставника подъ начальствомъ его ученика Макарія, который при смерти своей вручилъ управленіе Постумію (3). Руфинъ около 372 г. нашелъ еще въ Писперѣ учениковъ Антонія, Пимена и Іосифа.

Ближе къ Нилу на самой горѣ, подлѣ которой расположенъ былъ монастырь Антонія, во времена Палладія жили отшельники по пещерамъ, которыхъ было нѣсколько тысячъ, подъ руководствомъ ученика Антонія, — Питиріона. Питиріонъ послѣ смерти Антонія жилъ съ Аммономъ, потомъ, когда умеръ и Аммонъ, онъ перешелъ на эту гору и объ немъ замѣчаютъ, что онъ особенно отличался распознаваніемъ бѣсовскихъ искушеній... «Онъ успѣшно, говоритъ о Питиріонѣ Палладій, изгонялъ бѣсовъ, часто совершалъ и другія знаменія; наслѣдовавъ мѣсто Антонія и ученика его Аммона, онъ достойно наслѣдовалъ отъ нихъ и дары благодатные. Онъ много бесѣдовалъ съ нами и съ особою силою разсуждалъ о различеніи духовъ, говоря, что нѣкоторые бѣсы наблюдаютъ за нашими страстями, и часто обращаютъ оныя къ злу. И такъ, чада, говоритъ онъ намъ, продолжаетъ Палладій, кто хочетъ изгонять бѣсовъ, тотъ долженъ поработить страсти; ибо которую страсть кто побѣдитъ, такого и бѣса изгонитъ.

---

(1) Палл. Лавс. гл. 28 и 68. Пустыня Порфиритъ лежала вѣроятно къ Югу отъ горы Антонія, ближе къ Тавеннѣ. Кассіанъ называетъ Порфиритъ глубочайшей пустынней, отстоящей отъ жилищъ человѣческихъ на семь переходовъ. Vit. pat. p. 551. 6.

(2) Лугъ Духовный гл. 120.

(3) Жизнь Постумія напечатана in vita-Patr. p. 232 — 235.

Мало по малу должно намъ порабощать страсти, чтобы изгнать демона сихъ страстей. Напримѣръ, бѣсъ дѣйствуетъ посредствомъ чревоугодія; если мы преодолѣваемъ чревоугодіе, то изгоняемъ и демона его. Самъ Питиріонъ вкушалъ только два раза въ недѣлю, въ четвергъ и воскресенье и то одну мучную похлебку, и привыкши къ ней не могъ употреблять другой пищи (1).

Даже въ началѣ VII-го вѣка на горѣ Антонія были чудные пустынники (2).

Теперь мѣсто, гдѣ жилъ Великій Антоній на высотѣ скалы, обнесено глухою стѣною, въ которой есть только одно окно, черезъ которое поднимаютъ приходящаго на канатѣ въ корзинѣ или доскѣ. Дворъ заключаетъ въ себѣ двѣ тѣсныя церкви, соединенныя корридоромъ; кругомъ стѣнъ келліи и внутри двора разведенъ небольшой овощный огородъ, сквозь который протекаетъ источникъ. Въ немъ не болѣе 20-ти братіи (3).

---

(1) Палл. Лавс. гл. 65. Руф. Hist. Monach. c.
(2) Лугъ Духовный гл. 132.
(3) Норова путеш. по Египту 7. 2. стр. 334.

УЧРЕЖДЕНІЕ ОБЩЕЖИТІЯ ИНОЧЕСКАГО

ПАХОМІЕМЪ ВЕЛИКИМЪ.

Начало иноческой жизни положилъ Антоній Великій. Руководя своихъ учениковъ примѣромъ своимъ и наставленіями, онъ представилъ образецъ строгаго отшельничества. Уставъ общежитія введенъ былъ Пахоміемъ Великимъ. « Въ началѣ, какъ сталъ я монахомъ, говорилъ самъ Антоній ученику Пахомія Закхею, не было ни одной киновіи для воспитанія другихъ; но каждый изъ прежнихъ монаховъ, послѣ гоненія, подвизался собою. Послѣ того, отецъ вашъ устроилъ это благое дѣло при помощи Божіей. Еще прежде его хотѣлъ учредить тоже другой, по имени Аотъ; но поелику не отъ всего сердца старался о семъ, то и не получилъ желаемаго. Великую услугу оказалъ онъ, собравъ такое множество братій ». Такъ судилъ о Пахоміѣ основатель и отецъ иночествующихъ (1).

(1) Жизнь Пахомія написана со словъ учениковъ его въ IV столѣтіи. Bolland. Acta SS. Mens. Majus d. 14. Tom. III. p. 295. Слова Антонія приводится въ сей жизни, n. 77.

Въ самомъ дѣлѣ, если важно пробудить ревность и усердіе къ иноческой жизни, то не менѣе важно было дать такія правила, которыя могли бы утвердить эту ревность къ благоугодной жизни, сдѣлать ее постояннымъ навыкомъ, удержать немощную волю отъ разслабленія. Большая часть правилъ монашескихъ, данныхъ Великимъ Пахоміемъ, сохранились доселѣ и руководятъ иноковъ на ихъ пути самоумерщвленія. А въ своей жизни Пахомій представилъ прекрасный образецъ наставника иноковъ, которому могутъ подражать настоятели иноковъ.

Пахомій родился въ верхней Ѳиваидѣ около 292 года. Его родители были язычники, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ его видно было, къ чему онъ предназначался. Онъ не могъ пить вина и ѣсть мяса идоложертвеннаго; жрецы языческіе не могли терпѣть его при своихъ жертвоприношеніяхъ. Привязанные къ идолопоклонству родители Пахомія со страхомъ смотрѣли на своего сына, какъ на неугоднаго мнимымъ богамъ. До двадцати лѣтъ пробылъ Пахомій въ домѣ родителей. Въ эти лѣта онъ принужденъ былъ вступить въ военную службу и отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими къ войску. Милосердіе и любовь, оказанныя молодому воину Христіанами, жившими въ одномъ селеніи на пути ихъ, обратили его вниманіе на ученіе Христіанъ. Познакомившись съ главными истинами Христіанства, онъ тогда же далъ обѣтъ быть Христіаниномъ. И какъ скоро новонабранные воины отпущены были въ свои домы, онъ въ селеніи Хиновоски, въ верхней Ѳиваидѣ, въ округѣ Діосполійскомъ принялъ крещеніе (1).

Пламенная любовь, пробудившаяся въ душѣ Пахомія къ новой вѣрѣ, къ Богу-Искупителю, повлекла его въ уединеніе, чтобы тамъ служить Ему одному. Но здѣсь его юная вѣра подверглась сильному испытанію. Его нашли отступники отъ

(1) Vita Pach. n. 1. 2. 3.

православія и старались увлечь въ свои секты. Сначала приверженцы Мелетія, потомъ послѣдователи Маркіона убѣждали его къ единомыслію съ ними. Волнуемый недоумѣніемъ, онъ со слезами молилъ Бога открыть ему, гдѣ истина. Голосъ съ неба возвѣстилъ ему, что истина внутри Православной Церкви, и голосъ ея слышится чрезъ Александра, Епископа Александрійскаго (1). Испытавъ собственнымъ опытомъ, какъ опасно молодому подвижнику жить одному, онъ рѣшился ввѣриться руководству опытнаго старца.

Въ пустынѣ Ѳиваидской славился тогда подвигами отшельникъ Палемонъ, много лѣтъ подвизавшійся въ постѣ и молитвѣ. Къ нему пошелъ Пахомій, и у дверей его келліи молилъ, чтобъ онъ принялъ его жить съ собою. « Ты слишкомъ молодъ и не можешь жить со мною, сказалъ ему Палемонъ. Многіе приходили ко мнѣ, полные рѣшимости вести жизнь подвижническую, но, изнуренные трудами, уходили назадъ. Я питаюсь только хлѣбомъ съ солью; масла и вина у меня никогда не бываетъ; бо́льшую часть ночи, а иногда и всю ночь привыкъ я проводить въ молитвѣ и богомысліи ». « Испытай меня, отвѣчалъ Пахомій, и тогда увидишь мою твердость. При помощи Божіей и при молитвѣ твоей надѣюсь все совершить. ». Тогда Палемонъ принялъ Пахомія, и они вмѣстѣ начали подвизаться въ молитвѣ, псалмопѣніи и постѣ. Домашнимъ рукодѣльемъ ихъ было — вязаніе власяницъ. Своими трудами они не только добывали себѣ пропитаніе, но помогали и бѣднымъ. Когда усталость начинала склонять ихъ ко сну, — старецъ отправлялся съ своимъ ученикомъ на гору, и тамъ они перетаскивали въ корзинахъ песокъ съ одного мѣста на другое, чтобы пріучить себя бодрствовать ночью, когда надобно молиться. « Бодрствуй Пахомій, говорилъ Палемонъ, чтобы врагъ не искусилъ тебя и не лишилъ плода

(1) Письмо Аммона къ Ѳеофилу. Христ. чт. ч. 26, стр. 19 — 21.

трудовъ ». Такъ учился Пахомій побѣждать сонъ. Часто подвижники, распростерши руки крестообразно, проводили ночи въ молитвѣ.

Пищею для подвижниковъ былъ хлѣбъ съ солью, а иногда, и то очень рѣдко, употребляли они въ пищу овощи безъ масла и всякой приправы, развѣ только посыпая пепломъ, чтобы пища менѣе имѣла пріятности. Однажды, въ день Пасхи, Палемонъ велѣлъ ученику своему ради великаго праздника приготовить пищу ранѣе обыкновеннаго. Пахомій, думая, что въ этотъ день можно отступить отъ обычнаго правила, приготовилъ овощи съ масломъ. Но когда онъ поставилъ на столъ приготовленное кушанье, Палемонъ со слезами на глазахъ сказалъ: «моіе Спаситель былъ распятъ, вкушалъ оцетъ и желчь, а я стану ѣсть теперь масло!» Онъ потребовалъ только хлѣба съ солью.

Подъ такимъ строгимъ руководствомъ воспитывался Пахомій. Умерщвляя тѣло свое постомъ, онъ тѣмъ болѣе заботился о чистотѣ душевной и тѣлесной, объ утвержденіи въ душѣ своеі чувства смиренія. Упражняясь часто въ чтеніи Священнаго Писанія и размышленіи о написанномъ въ немъ, онъ старался, забывая все земное, устремлять всѣ своі мысли и надежды къ Богу, обращать въ жизнь и дѣятельность истины слова Божія. Не безъ удивленія и съ чувствомъ великой радости слѣдилъ Палемонъ за успѣхами въ духовной жизни своего юнаго сподвижника.

Подлѣ горы, гдѣ жили Палемонъ съ Пахоміемъ, была пустыня, поросшая терновникомъ и дикими травами. Пахомій часто ходилъ туда за дровами. Иглы кололи его необутыя ноги, но онъ терпѣлъ все, воспоминая гвозди, которыми пригвожденъ былъ Спаситель ко кресту и имѣя въ устахъ молитву. Среди работы въ лѣсу иногда онъ останавливался и долго молился наединѣ. Здѣсь вдали отъ людеі въ глубокомъ уединеніи сердце его такъ разгаралось любовію къ Богу и ближнимъ, что хотѣло бы обнять весь міръ, и привести

всѣхъ къ Богу. Божественная благодать возгрѣвала въ немъ эти чувства любви; потому, что призывала къ служенію для спасенія другихъ (1).

Ходя по пустынѣ, Пахомій однажды отошелъ отъ своего жилища далѣе обыкновеннаго и достигъ Тавенны — мѣста, лежащаго на берегу Нила, въ округѣ Тентирскомъ. Здѣсь онъ остановился для молитвы; долга и усердна была его молитва. И вотъ онъ слышитъ голосъ: «поселись здѣсь, и выстрой монастырь; къ тебѣ соберется много иноковъ». Вмѣстѣ съ этими словами явился предъ нимъ Ангелъ съ мѣдной доскою, на которой начертаны были правила иноческой жизни.

Пахомій разсказалъ свое видѣніе Палемону. Вмѣстѣ они осмотрѣли мѣсто; старецъ присовѣтовалъ повиноваться сему голосу. Пахомій разстался съ Палемономъ и поселился въ Тавеннѣ. Но духовный союзъ между Палемономъ и Пахоміемъ не разрывался, они поочередно навѣщали одинъ другаго, пока Палемонъ на рукахъ Пахомія не предалъ духъ свой Богу (2).

Первый пришелъ къ Пахомію въ новую пустыню братъ его Іоаннъ, и поселился съ Пахоміемъ. Они питались также трудами рукъ своихъ и могли еще удѣлять бѣднымъ избытки. Одежда ихъ состояла изъ одного левитона, который перемѣняли только тогда, какъ нужно было мыть. Пахомій подъ левитономъ носилъ еще часто власяницу. Онъ не ложился для сна, но садился на камень или на что-либо другое посредѣ келліи, чтобы не прислониться къ стѣнѣ. Иногда много дней онъ совсѣмъ не спалъ, и даже просилъ Господа, чтобы совсѣмъ освободилъ его отъ сна.

---

(1) Vita Pach. n. 7.

(2) Vita Pach. n. 7 8. Тавенна находится въ Оивандѣ. Она принадлежала къ ному Тестерійскому (Schampollon L. Egypte sous. Pharaon. Tom. 1. p. 236). Названіе Тавенны принадлежало собственно острову на Нилѣ, хотя Пахомій поселился не на островѣ. Тавенна съ Египетскаго языка, значитъ мѣсто обильное пальмами Изиды. Арабы зовутъ сей островъ Джезиреель-Гарибъ, т. е. западный островъ. Пахомій поселился въ Тавеннѣ между 312 и 320 г.

Вѣруя въ исполненіе обѣтованія Божія, Пахомій началъ строить монастырь для имѣющей прійдти къ нему братіи. Но его братъ, любившій безмолвіе, препятствовалъ ему въ трудахъ; и одинъ устроялъ обитель для принятія многихъ, другой хотѣлъ, чтобъ она была, какъ можно тѣснѣе. Безмолвно переносилъ Пахомій это препятствіе своему дѣлу, которое считалъ дѣломъ Божіимъ, но не могъ внутри себя подавить чувства огорченія. Его мучило это чувство, и повергшись на землю, обливаясь слезами, онъ взывалъ къ Господу: «вижу, Господи, что мудрость плотская еще владычествуетъ во мнѣ; вижу, что я еще работаю ея закону. Горе мнѣ, въ теченіи долгой жизни въ пустынѣ, не выучившемуся укрощать свой унѣвъ!... Какъ дерзну я руководить другихъ, когда самъ себя не умѣю побѣждать»? Такъ заботился Пахомій о незлобіи своего сердца, такъ глубоко каялся въ чувствѣ нетерпѣливости, которое овладѣло имъ! Съ того времени онъ старался во всемъ угождать брату, пока тотъ былъ живъ. Страхомъ Божіимъ, памятію суда всеобщаго и вѣчныхъ мукъ онъ ограждалъ свое сердце отъ всѣхъ нечистыхъ помысловъ.

Послѣ смерти брата, онъ свободнѣе могъ приступить къ своему дѣлу–устроенію монастыря, но много искушеній вынесъ онъ отъ духовъ злобы. Крѣпкій вѣрою и надеждою на Бога, онъ разрушалъ всѣ навѣты лукаваго, нападавшаго на него различными способами. Великое подкрѣпленіе въ подвигахъ внутренней борьбы Пахомій получилъ отъ одного отшельника, именемъ Аполлона, подвизавшагося не далеко отъ него. Аполлонъ часто навѣщалъ его. Своею духовною опытностію подкрѣплялъ молодаго подвижника, и самъ скончался на его рукахъ. Такъ приготовленъ былъ Пахомій дивными путями Промысла въ наставника иноковъ (1).

Первые ученики Пахомія были: Псентезій, Суръ и Псой. Къ

---

(1) Vita Pach. n. 9 — 16.

нимъ присоединились: Пекузій, Корнилій, Павелъ, Пахомій, Іоаннъ, и потомъ пришелъ Ѳеодоръ, юноша четырнадцати лѣтъ, сдѣлавшійся любимымъ ученикомъ Пахомія.

Пока мало было число братіи, Пахомій одинъ принялъ на себя всѣ заботы о монастырѣ, чтобы ученики его, свободные отъ внѣшнихъ заботъ, легче собирали свои помыслы и усовершались во внутренней жизни. Онъ приготовлялъ все необходимое для трапезы братіи; самъ сѣялъ и поливалъ овощи. Если кто стучался въ монастырскія ворота, онъ спѣшилъ самъ отворить и переговорить съ нимъ. Если не здоровилось кому-либо изъ братіи, онъ даже въ ночное время самъ готовъ былъ для службы ему, и всегда былъ слугою для всѣхъ учениковъ, оставляя имъ только сладкое утѣшеніе упражненій духовныхъ. Ученики не могли надивиться его подвигамъ, его любви, смиренію, умерщвленію себя и сохраняемой среди безпрерывныхъ внѣшнихъ занятій собранности духа. Воодушевляясь примѣромъ Пахомія, ученики хотѣли раздѣлять его труды. «Оставьте меня, говорилъ Пахомій, нужно ли жалѣть о волѣ, который вертитъ колесо?» Такъ училъ Пахомій примѣромъ своихъ учениковъ, какъ они должны будутъ со временемъ управлять другими, соединяя съ созерцательною жизнію — жизнь дѣятельную (1).

Заботы Пахомія о спасеніи ближнихъ не ограничивались малымъ кругомъ его учениковъ. Видя, что многіе окрестные пастухи лишены счастія слышать слово Божіе и причащаться Святыхъ Тайнъ, онъ, съ согласія Сераніона Епископа Тентирійскаго, выстроилъ для нихъ церковь, гдѣ по субботамъ и воскресеньямъ собирались они. Туда, пока не было священника, ходилъ Пахомій съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ и предлагалъ имъ наставленія. Онъ училъ такъ мудро, и такъ просто, что самые неразумные понимали его, и живо

(1) Vita Pach. n. 17.

трогались его словами, не только потому, что слова его были слова жизни, но и потому, что его ревность по благочестіи, исходя изъ сердца, отражалась въ его лицѣ и во всѣхъ его дѣйствіяхъ (1). Многіе изъ язычниковъ увлекались его бесѣдами и крестились. Свои наставленія подкрѣплялъ Пахомій слезною молитвою къ Господу, чтобы они были дѣйственны.

Слава Пахомія разнеслась далеко и привлекла къ нему толпы учениковъ. Съ умноженіемъ братіи онъ вводилъ свой уставъ.

Раскроемъ подробнѣе этотъ уставъ, какъ первый уставъ общежитія иноческаго (2).

Дошедшій до насъ въ разныхъ собраніяхъ Тавенскій уставъ общежитія иноческаго въ полномъ своемъ составѣ, вѣроятно не принадлежитъ Преподобному Пахомію, но дополненъ его учениками. Но такъ какъ Пахомій былъ первый учредитель сего устава, и нѣтъ возможности указать, что позднѣе прибавлено къ его уставу, то мы предложимъ его вполнѣ.

Общество Тавенское уже при жизни Преподобнаго Пахомія состояло изъ девяти монастырей. Когда первый монастырь сдѣлался тѣсенъ для братіи, въ пустынѣ называемой Проу или Пабау (3), Пахомій построилъ монастырь, который сдѣлался главнымъ монастыремъ. Нѣсколько времени спустя послѣ осно-

---

(1) Vita Pach. n. 20.

(2) Болѣе подробное изложеніе устава Пахомія Великаго находится у Блаж. Іеронима, переведенное съ Греческаго. Patrol. Curs. Compl. T. XXII p. 62 — 80. Въ жизни Пахомія встрѣчаются правила иноческія, данныя Ангеломъ (n. 7) и писанныя самимъ Пахоміемъ (n. 57). У Палладія (Pallad. Lavs. c. 37) и у Созомена (H. E. 3, 14) есть также краткое извѣстіе объ уставѣ Пахомія. Довольно подробно говоритъ объ этомъ уставѣ Кассіанъ (Cass. epist. ad Castor de cœnobiorum institutis).

(3) Пабау, у Шампольона Prou (L'Egypte sous Pharaon Tom. I, p. 242 — 245) находился въ окрестностяхъ Діоспола немного къ Сѣверу отъ Тавенны на восточномъ берегу Нила.

ванія Пабау Епонимъ настоятель монастыря Хиновоскійскаго (1), отдалъ свой монастырь подъ управленіе Пахомія. Также поступили пустынники жившіе въ Монхозинѣ (2). Пахомій основалъ еще пять монастырей въ Θазѣ, въ Тивевѣ, въ Тисменѣ, въ Пахнумѣ на берегу Нила близъ Латополя къ Югу отъ него и въ Панесѣ, гдѣ монастырь основалъ при содѣйствіи Епископа Вара (3). Кромѣ того, на другомъ берегу Нила Пахомій основалъ женскій монастырь, къ которомъ первою жительницею была сестра Пахомія (4).

Все это общество было управляемо однимъ начальникомъ, которому преимущественно принадлежало имъ Аввы. Начальникъ наблюдалъ за всѣми монастырями; посѣщалъ ихъ самъ, посылалъ отъ себя и другихъ довѣренныхъ иноковъ осматривать. Не довольствуясь личнымъ наблюденіемъ, онъ получалъ отъ подчиненныхъ ему начальниковъ, управлявшихъ каждымъ монастыремъ, подробное донесеніе о состояніи монастырей и самъ часто чрезъ письма давалъ наставленія какъ начальникамъ, такъ и частнымъ монахамъ. Сношенія Пахомія съ настоятелями монастырей, касающіяся нравственнаго состоянія происходили на таинственномъ языкѣ, понятномъ только ему и настоятелямъ. Блаженный Іеронимъ, Палладій, Созоменъ и другіе въ объясненіе сего языка говорятъ, что Пахомій все общество свое раздѣлилъ на двадцать четыре разряда. Каждый разрядъ носилъ имя одной изъ греческихъ буквъ, такъ чтобъ это названіе соотвѣтствовало его жизни и нравамъ. Напримѣръ: простѣйшіе назывались іота, хитрѣйшіе зита или кси; другіе другими буквами, сколько можно приспособить было свойство

(1) Отъ города Χοινοβοσκία по коптски Schinesct, находился къ Югу нѣсколько отъ острова Тавенны на восточномъ берегу Нила (Champolion L'Egypte sous Phar. Tom. I. p. 241. 242).

(2) Въ округѣ Тентирійскомъ выше Тавенны, у Шампольона Thmousohons. Loco citato p. 235.

(3) Champolion L'Egypte sous Pharaons Tom. I. p. 184. 246. 263.

(4) Vit. Pach. n. 50 — 52. 35. 72.

разряда къ начертанію буквъ. Когда настоятелю нужно было спросить своего помощника о комъ либо изъ братіи, — онъ спрашивалъ у своего помощника, въ какомъ состояніи находится чинъ альфы или виты? Знаки эти понятны были только духовникамъ (1).

Кромѣ того главный Авва каждый годъ два раза въ главномъ монастырѣ дѣлалъ общія собранія, — одно въ Пасху, другое въ мѣсяцѣ Мезоръ, соотвѣтствующій Августу. Первое собраніе было для того, чтобы всѣ монахи вмѣстѣ праздновали свѣтлый праздникъ. Они приходили въ великій вторникъ и уходили только въ недѣлю Антипасхи. Въ Августѣ мѣсяцѣ давали великому эконому, на которомъ лежала обязанность заготовлять все нужное для монастырей и вести строгій счетъ работѣ, отчетъ въ ходѣ работъ и годовыхъ издержкахъ. Каждый начальникъ получалъ отъ главнаго Аввы приказанія, въ которыхъ имѣлъ нужду. Въ то время избирались новые настоятели и начальники, если то было нужно. Прекращались всѣ разногласія, какія могли возникнуть между братіями; они взаимно изрекали другъ другу прощеніе, чтобы миръ и любовь царствовали въ сердцахъ. Блаженный Іеронимъ называетъ эти дни подобными днямъ юбилея (2). До насъ дошли при-

---

(1) Блаженный Іеронимъ приводитъ въ Латинскомъ переводѣ нѣсколько писемъ Пахомія, писанныхъ этими таинственными знаками. Для насъ они не понятны. Приводимъ для образца одно письмо Пахомія, писанное къ Сиру: Momento, quae scripserim tibi V, in epistola propter Tav scriptum, et recordare, et scribe Ni propter Sigma quod scriptum est. Num quid Xi non est V, quod in Kappa convertitur? In his omnibus recordare, scribe Ni et Iota ut Alpha pulchre scribatur in gratiam excelsorum. Numquid Mi non est V et Kappa: Kappa non est Tav? Aperi os tuum et leva faciem tuam, ut oculi tui videant, et possis legere, quae scripta sunt. Attende diligenter, et cave, ne scribas Delta super Phi, et inveterescant dies tui, et aquae tuae imminuantur. Memento, et scribe Theta et Ro, ut Ro scribatur bene. Patr. Curs. Compl. Tom. XXIII. p. 87. Срав. Sozom. H. E. L. 3. c. 14. Палладія Лавсаикъ гл. 34. Кажется іероглифы Египетскіе послужили первообразомъ для сего языка.

(2) Hieron. Praef. ad reg. Pach. 7. 8. Patrol. Cur. Compl. 23. p. 64.

гласительныя на эти собранія письма: два Пахомія и одно Св. Ѳеодора. Въ письмѣ Св. Ѳеодора упоминается объ оглашенныхъ, которые должны быть крещены въ навечеріе Пасхи, и потомъ причаститься Святыхъ Таинъ (1).

У каждаго монастыря былъ свой начальникъ, именовавшійся настоятелемъ и игуменомъ, а иногда экономомъ, можетъ быть потому, что онъ совмѣщалъ эти должности. У него былъ помощникъ. Кромѣ этихъ начальниковъ, были еще частные надзиратели. Каждый монастырь дѣлился на общины, состоявшія изъ трехъ или четырехъ домовъ, — въ каждомъ домѣ было двѣнадцать или тринадцать келлій, въ коихъ жило по два или по три брата. Каждый домъ имѣлъ своего надзирателя, дававшаго отчетъ въ управленіи настоятелю монастыря (2). Это подраздѣленіе власти дѣлалось для того, чтобы ближайшіе начальники лучше могли наблюдать за иноками. Въ правилахъ Пахомія довольно подробно излагаютъ обязанности настоятелей. По внутреннимъ расположеніямъ настоятель долженъ быть утвержденъ въ смиреніи, просвѣщенъ знаніемъ Священнаго Писанія, быть строгимъ исполнителемъ закона Божія, и ревнителемъ отеческихъ преданій. Онъ долженъ умертвить страсти, любить правду и ненавидѣть неправду, быть ревностнымъ къ исполненію своихъ обязанностей, не бояться ни труда, ни смерти, а только одного Бога. По поведенію внѣшнему настоятель долженъ быть образцомъ строгости, осторожности, умѣренности, воздержанія, точности, самоумерщвленія. Онъ не долженъ вступать въ безполезные разговоры, или слушать ихъ; не долженъ искать лучшей пищи, постели или одежды, чѣмъ какія имѣютъ другіе. Въ отношеніи къ братіи, ввѣренной попеченію, Пахомій желалъ, чтобы настоятель не переступалъ границъ своей власти, управлялъ безъ жестокости, не говорилъ высокомѣрно, остерегался бы, какъ

(1) Ibid. p. 95. 96. 99.
(2) Hier. Praef. ad reg. Pach. 3. 6. 7.

бы не допустить въ свою душу чувства гордости или суетлости, когда обязанъ будетъ исправлять ихъ, но съ чувствомъ смиренія высказывать истину. Настоятель долженъ всегда слѣдовать правиламъ справедливости, не увлекаясь ласкательствомъ, людскимъ мнѣніемъ или дарами. Пахомій особенно совѣтовалъ настоятелю не отступать отъ правилъ справедливости изъ страха, людской молвы и пересудовъ; онъ долженъ ставить себя выше ихъ суда и бояться одного Бога. Но онъ не хочетъ, чтобы начальники были строги до жестокости, не желаетъ чтобы правосудіе было въ ущербъ милосердію. Смиреніе и любовь, вотъ двѣ главныя добродѣтели, которыхъ Пахомій требуетъ отъ начальниковъ. Они должны быть готовы выслушивать всѣ сомнѣнія и искушенія, которыя возмущаютъ душу братіи, утѣшать подвергшихся борьбѣ и искушеніямъ. Если замѣтятъ на лицѣ ихъ печаль, должны узнавать причину ея. Если же не дѣлаютъ этого по недостатку любви или вниманія, и если сами причиняютъ скорбь брату неправильнымъ поступкомъ; то сами подвергаются наказанію или отрѣшаются отъ должности, пока не научатся имѣть болѣе любви. Поставляя главною обязанностію настоятеля наблюдать за сохраненіемъ монастырскаго устава во всей его строгости, Пахомій хотѣлъ, чтобы настоятель былъ исполнителемъ его. Если случится общая работа, начальникъ долженъ идти впереди, отвѣчать за иноковъ, когда законъ молчанія не позволяетъ имъ говорить, вразумлять ихъ въ томъ, чего они не знаютъ. Вотъ почему настоятели должны быть опытны въ духовной жизни (1).

Въ случаѣ какого-либо важнаго нарушенія устава монашескаго, настоятели должны увѣдомить главнаго начальника, такъ, что и сами получали выговоръ, иногда подвергались наказанію, за потворство своимъ молчаніемъ грѣху брата (2).

---

(1) Regul. Pach. n. 139. 169. 170.

(2) Praecep. Pach. 132. 133. 139. 168 — 170. 176. 181. 182. 190.

Наблюдая за всѣми и за каждымъ въ особенности, давая каждому наставленія по мѣрѣ его нужды настоятели должны были три раза въ недѣлю говорить братіи поученія и передавать повелѣнія главнаго начальника (1).

Союзъ подчиненности такъ обнималъ всѣхъ, что ни одинъ начальникъ не былъ изъятъ изъ подчиненія; самъ Пахомій, главный Авва всѣхъ монастырей, никогда не позволялъ себѣ взять самой необходимой для него вещи безъ позволенія брата, которому поручено было храненіе монастырскихъ вещей, и который раздавая, въ свою очередь самъ для себя не смѣлъ ничего взять безъ позволенія другаго (2).

Чтобы видѣть какъ управлялась братія въ обществѣ Пахоміевомъ, мы прослѣдимъ судьбу ихъ отъ вступленія въ монастырь до самой кончины.

О желающемъ вступить въ монастырь извѣщаютъ настоятеля. Настоятель поручаетъ опытному старцу испытать его расположеніе и искренность желанія. Въ продолженіи десяти или болѣе дней внѣ монастыря онъ долженъ повергаться на землю предъ проходящими братіями, терпѣть поношеніе, чтобы показать опыты смиренія и терпѣнія. Его учатъ въ это время молитвѣ Господней и Псалмамъ, и тщательно испытываютъ, — не отъ бѣды-ли какой идетъ онъ въ монастырь, свободнаго ли онъ состоянія, можетъ ли оставить родителей, отречься отъ имущества? Пахомій не только не позволялъ приходящимъ въ монастырь приносить съ собою какое-либо имущество, но не принималъ отъ нихъ денегъ и на пользу монастыря, чтобы давшій не гордился своимъ приношеніемъ, или при выходѣ изъ монастыря, не вздумалъ требовать ихъ обратно. Съ вступающаго въ монастырь снимаютъ мірскую одежду и облекаютъ въ монастырскую, давая разумѣть, что для него чуждыми сдѣлались всѣ тѣ вещи, которыми онъ вла-

(1) Praecep. Pach. 156. 21.
(2) Reg. Pach. 39. 40.

дѣлъ, что онъ не долженъ имѣть ничего своего, не должелъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, возлюбить нищету Христову. Скинутая мірская одежда съ новопоступившаго хранится у эконома, и когда новопоступившій утвердится въ правилахъ иноческихъ, то отдаютъ ее нуждающимся мірянамъ; а если замѣтятъ въ немъ ропотъ и неповиновеніе, то возвращаютъ мірскую одежду и высылаютъ изъ монастыря (1).

Одежда иноковъ Пахоміевыхъ состояла изъ льнянаго хитона безъ рукавовъ, сшитаго въ родѣ мѣшка, достававшаго до колѣнъ, въ знаменіе отчужденія отъ всего мірскаго и въ знакъ того, что руки не должны быть готовы на обиду. На головѣ носили они шерстяныя шапочки (κουκούλιον) безъ подвязки въ знакъ того, что они должны жить чисто и непорочно, подобно дѣтямъ, на которыхъ надѣваютъ такія шапочки для прикрытія ихъ головы. На кукуляхъ дѣлались кресты краснаго цвѣта, и еще, — когда увеличилось число монастырей подъ вѣдѣніемъ Пахомія, — значки монастыря и дома, изъ котораго былъ инокъ. Хитоны перепоясывались по чресламъ поясомъ и перевязью (ἀναβολέυς). Это были два снура шерстяныхъ, которыми, накинувъ ихъ за затылокъ и спустя подъ мышцы, опоясывали себя, дабы, сдерживая одежду, имѣть болѣе свободы въ дѣйствіи. Шею и плеча покрывали небольшею эпанчею, внушая мысль, что надобно быть готовымъ для служенія Богу и для подвиговъ. Сверхъ хитоновъ, по примѣру Иліи и Іоанна Крестителя, носили кожанную одежду—милоть, чтобы, памятуя подвиги Пророка и Предтечи, мужественно противиться нечистымъ пожеланіямъ. Сапоговъ иноки Тавенскіе не имѣли, но, въ случаѣ холода или жара, обувались въ сандаліи; въ рукахъ носили жезлы. Волосъ иноки не стригли, но носили длинные, распущенные по плечамъ. Инокъ, не только выходить, но даже и спать дол-

(1) Cassiani de coenob. instit. lib. 4. cap. III. IV. V. VI. Regula Pach apud. Hieron. XLIX.

женъ въ полной одеждѣ. Для сна устроялись сѣдалища съ наклоненнымъ задникомъ и двумя загороженными стѣнками; единственная постилка была рогожа, болѣе ничего не позволялось подстилать. Тогда только какъ приступали къ причащенію, иноки разрѣшали поясы и скидали милоть. (1).

Принятый въ число братіи и облеченный въ иноческую одежду, не прежде года былъ допускаемъ въ общество братіи. Его прежде всего знакомятъ съ правилами монастырскими. Когда узнаетъ ихъ, назначаютъ ему двадцать псалмовъ и два посланія Апостольскихъ для изученія. Но если онъ не знаетъ грамотѣ, то въ первый, третій и шестой часъ долженъ ходить къ старцу, который читаетъ ему Псалмы и посланія. Потомъ начинаютъ его учить азбукѣ, дабы каждый въ монастырѣ зналъ грамоту, и могъ самъ читать по крайней мѣрѣ Псалмы и Новый Завѣтъ. Новоначальный инокъ подъ надзоромъ старца занимается сначала принятіемъ странныхъ и услуженіемъ имъ. Если онъ служитъ имъ безропотно, съ терпѣніемъ и смиреніемъ; то его допускаютъ въ общество братіи (2).

Вступивъ въ монастырь, новый инокъ ввѣряется старцу, который прежде всего старается пріучить его побѣждать свои желанія. Для этого съ намѣреніемъ старецъ приказываетъ ему дѣлать то, къ чему у него нѣтъ расположенія; ибо умерщвленіе своей воли, есть источникъ всѣхъ добродѣтелей. Чтобы молодой подвижникъ лучше сохранялъ чистоту помысловъ, заставляютъ его открывать помыслы тотчасъ, какъ они возникнутъ, и въ сужденіи объ ихъ добротѣ или вредѣ основываться не на своемъ мнѣніи, а на судѣ старца. Это лучшее средство оградить подвижника отъ обольщеній діа-

---

(1) Cass. de coenob. instit. l. 1. Hieron. praef. ad. reg Pach. n 4. Sozom. H. E. 3, 14. Лавсаикъ Палладія гл. 24.

(2) Regula Pach. n. 139. 140.

вола (1). Къ высшимъ подвигамъ допускаемъ онъ былъ не прежде трехъ лѣтъ (2).

Послушаніе старцу требуется безусловное, такъ что молодой инокъ не можетъ безъ его позволенія ни сдѣлать шагу, ни сказать слова, ни сорвать тростнику съ земли, ни протянуть руку къ пищи прежде его.

Когда голосъ трубы призываетъ въ церковное собраніе, каждый немедленно выходитъ изъ своей келліи, такъ что занимающійся письмомъ, бросаетъ писать на томъ мѣстѣ, гдѣ застаетъ призывъ, не смѣя окончить даже начатой буквы (3). Никто не имѣлъ права уклоняться отъ общаго собранія на молитву. Находившіеся въ послушаніи, не позволявшемъ имъ присутствовать на молитвѣ или путешествовавшіе, въ опредѣленные часы должны были сами совершать молитву.

По уставу, данному Ангеломъ Св. Пахомію, иноки должны были совершать двѣнадцать молитвъ днемъ, двѣнадцать вечеромъ и двѣнадцать ночью. Когда Пахомій сказалъ на это, что молитвъ мало, Ангелъ отвѣчалъ ему: я положилъ столько для того, чтобы и слабые удобно безъ отягощенія могли выполнить правило; совершенные же не имѣютъ нужды въ уставѣ, ибо пребывая на единѣ въ келліи, они всю жизнь свою проводятъ въ созерцаніи Бога (4).

Въ монастыряхъ Преподобнаго Пахомія общественное Богослуженіе не было продолжительно. Братія всего монастыря собирались въ церковь только два раза въ сутки—днемъ и ночью. Въ этихъ собраніяхъ читалось двѣнадцать Псалмовъ, съ присовокупленіемъ двухъ чтеній — одного изъ Ветхаго, другаго изъ Новаго Завѣта. Въ субботу и воскресные дни, равно какъ

---

(1) Cass. de coenob. instit. l. 4. n. 8. 9.

(2) Палладія Лавсаикъ гл. 34.

(3) Cass. de coenob. instit. n. 10. 12. Regula et instituta Pach. apud Hieron.

(4) Bolland. vita Pach. c. 2. n. 27.

и въ дни Пятидесятницы чтенія бывали оба изъ Новаго Завѣта, одно изъ Апостольскихъ посланій, другое изъ Евангелія.

Псалмы прочитывали не вдругъ, но смотря по числу стиховъ, раздѣляли ихъ на двѣ или на три статьи, присовокупляя къ каждой молитвы. Читали неспѣшно, дабы было внятно, и не очень продолжительно, чтобы не показалось утомительнымъ. Чтеніе двѣнадцати Псалмовъ раздѣляютъ между братіями такъ: если читающихъ бываетъ два брата, то каждый читаетъ по шести Псалмовъ; — если три, то по четыре, а ежели четыре, то по три Псалма. Читающихъ меньше двухъ и болѣе четырехъ никогда не бывало. Когда читаютъ Псалмы, обыкновенно стоитъ одинъ читающій, а прочіе сидятъ на самыхъ низкихъ сѣдалищахъ; потому что отъ постоянныхъ дневныхъ работъ и поста очень изнемогаютъ. По прочтеніи Псалма, когда читается молитва, всѣ встаютъ и молятся и вслѣдъ за читающимъ преклоняются до земли, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ поднимаются. Но съ вечера субботняго до вечера воскреснаго, равно какъ и въ дни Пятидесятницы не преклоняютъ колѣнъ и не постятся (1).

По утру, равно какъ и по вечеру передъ сномъ молитвы совершались въ каждомъ домѣ отдѣльно (2). О вечернихъ молитвахъ изъ устава видно, что прочитывалось тутъ шесть молитвъ и Псалмовъ, вѣроятно и по утру прочитывалось столько же. Иноки вставали отъ сна прежде пѣнія пѣтуховъ и продолжали бдѣніе до разсвѣта, такъ что утренній свѣтъ находилъ ихъ укрѣпленными и духовнымъ размышленіемъ (3). Въ первый и послѣдній день недѣли иноки причащались Святыхъ Тайнъ. Они подходили къ принятію Святыхъ даровъ босыми ногами, безъ пояса и милоти (4). Литургію обыкно-

(1) Cassiani de coenob. instit. Lib. 2. Reg. Pach. 9. 10.
(2) Regula Pach. 20. 115.
(3) Cass. de coenob. instit. L. 2.
(4) Ibid. lib. 3. n. 2. Reg. Pach. 14.

венно совершали священники изъ сосѣднихъ селъ. Пахомій не хотѣлъ, чтобы кто-либо изъ братіи принялъ степень священства, дабы не питать въ нихъ духа любочестія, желанія преимущества, откуда, говорилъ Пахомій, происходятъ потомъ въ монастыряхъ распри, зависть и раздѣленія (1).

Чтобы иноки Пахомія не соблазнялись тѣмъ, что въ другихъ монастыряхъ принимали священство и постриженные, Пахомій внушалъ имъ видѣть здѣсь одно только повиновеніе власти Епископа, возложившаго на нихъ руки. Но во всякомъ случаѣ судъ надъ ними принадлежитъ только Господу, и Пастырямъ отъ него поставленнымъ. Не принялъ священства и самъ Пахомій, хотя этого желалъ Серапіонъ, Епископъ Тентирійскій. Не дозволяя своимъ инокамъ принимать степень Священства, Пахомій впрочемъ не отказывался принимать въ свои монастыри лица имѣющія степень Священства, — только и отъ нихъ требовалось подчиненіе обществу. Впрочемъ въ послѣдствіи, какъ видно изъ посланія Св. Кирилла Александрійскаго къ Епископамъ Пентаполя и приглашеніе посторонніихъ священниковъ для служенія было причиною значительныхъ безпорядковъ (2).

Въ уставѣ Пахомія назначались наказанія на неисправныхъ къ Богослуженію. Если кто днемъ приходилъ къ Богослуженію послѣ совершенія первой молитвы, тотъ получалъ отъ настоятеля выговоръ, и во время обѣда долженъ простоять на ногахъ въ трапезной (3). Болѣе снисходителенъ былъ уставъ къ тѣмъ, кто опаздывалъ къ ночному Богослуженію; наказаніе налагаемо было на тѣхъ только, кто приходилъ послѣ третьей молитвы (4). Но строго взыскивалось за всякое неблагочиніе въ церкви. Иноки во время молитвы не должны

(1) Vita Pach. n. 18.
(2) S. Cyrill. op. Tom. 5. ep. p. 2. p. 211.
(3) Regula Pach. n. 9. 31. 32. 121. 125. 126.
(4) Ibid. n. 10.

разговаривать, смѣяться, или выходить изъ церкви, но даже не должны смотрѣть другъ на друга. Если кто осмѣливался говорить, смѣяться, или даже внутреннія чувства выражать восклицаніями, того заставляли съ его мѣста выдти на средину церкви, снять свой поясъ и простереться ницъ предъ олтаремъ. Тамъ начальникъ опредѣлялъ ему наказаніе; то же повторялось во время трапезы братіи. Если кто хотѣлъ выдти изъ церкви, то онъ долженъ былъ просить дозволенія у настоятеля. Кто приходилъ изъ монастыря во время молитвы, тотъ не былъ обязанъ идти на нее, если былъ утомленъ (1).

Кромѣ устной молитвы, монахи Тавенскіе должны были совершать еще молитву умную, съ открытою головою, въ знаменіе живаго сознанія присутствія Божія.

Непрестанное Богомысліе, кромѣ сего, было постоянно внушаемо инокамъ. Идутъ ли они въ храмъ, или въ трапезу, или находятся въ пути, или занимаются рукодѣліемъ, всегда они должны въ умѣ имѣть какое-либо мѣсто изъ Св. Писанія, на которомъ должна останавливаться мысль ихъ. Такимъ образомъ, говоритъ Кассіанъ, и руки ихъ не были праздны и умъ ихъ не оставался безъ благочестиваго рвзмышленія. Упражняясь въ одно и тоже время умомъ и тѣломъ, они старались соединять благо одного съ пользою другаго, такъ что трудно различить, кто изъ двухъ занималъ первое мѣсто. Обыкновенными предметами ихъ размышленія, были основныя истины вѣры: — смерть, судъ, муки ада, жизнь Господа Іисуса, суетность земнаго. Святый Пахомій въ своихъ бесѣдахъ преимущественно указывалъ на сіи истины съ тою цѣлію, чтобы вдохнуть въ своихъ монаховъ спасительный страхъ (2). Такъ какъ уставъ Св. Пахомія требовалъ, чтобы иноки знали наизусть что-либо изъ Св. Писанія, какъ то: Псалмы, Но-

(1) Regul. n. 11. 187.
(2) Reg. n. 28. 36. 37. 60. 59. 116.

вый Завѣтъ, то память всегда могла имъ представлять какой-либо предметъ для благочестиваго размышленія.

Духовное чтеніе было прямо назначено въ Тавеннѣ. Въ монастырѣ была библіотека (1), въ которой книги были расположены въ хорошемъ порядкѣ, и которыми завѣдывалъ экономъ и его помощникъ. Они каждый день раздавали монахамъ книги (2), въ которыхъ каждый имѣлъ нужду, и обратно брали ихъ вечеромъ, поелику никто безъ нужды не долженъ былъ держать книгъ въ своей келліи. Было повелѣно имѣть о нихъ великое попеченіе до того, что правило запрещало оставлять въ келліи открытую книгу, когда шли въ трапезную, или къ Богослуженію.

Главнымъ ученіемъ ихъ было изученіе Св. Писанія. Они размышляли о немъ не только днемъ, но и большую часть ночи; поелику послѣ полунощницы они не ложились, но дожидались Богослуженія утренняго въ работѣ, чтобы не предаться сну, и въ умственномъ размышленіи о какомъ-либо мѣстѣ Св. Писанія. Когда ихъ затрудняло какое-нибудь трудное мѣсто, или не совсѣмъ хорошо понимали его, они обращались къ начальнику монастыря или своей общины для объясненія его. Въ жизни Св. Пахомія и въ жизни Св. Ѳеодора мы видимъ, что они часто объясняли ихъ и въ ученіи Орсисія заповѣдано, чтобы начальники были въ состояніи разрѣшать недоумѣнія братіи, когда они предложатъ ихъ. Изъ сего видно, что начальники должны быть свѣдущи въ Св. Писаніи и быть въ состояніи объяснить неудобовразумительныя мѣста въ Священныхъ книгахъ.

Кромѣ книгъ Св. Писанія, они читали также писанія Св. Отцевъ или творенія подвижническія, потому что какъ въ уставѣ такъ и въ житіи Св. Пахомія и Ѳеодора, часто внушается слѣдовать наставленіямъ древнихъ, подъ коими разу-

(1) Boll. v. S. Pach. c. 5. n. 38.
(2) Regul. Pach. n. 100. 25.

мѣются прежде бывшіе святые. Но сколько хотѣлъ Св. Пахомій, чтобы духовное ученіе почерпали изъ православныхъ церковныхъ писателей, столько же запрещалъ онъ читать книги Оригена, или другихъ писателей, впавшихъ въ заблужденіе, и онъ особенно заботился о томъ, чтобы удалить изъ своихъ монастырей всѣ творенія, которыя могли бы повредить вѣрѣ его монаховъ; онъ почиталъ всего опаснѣе для монашества допускать книги, наполненныя ядомъ ереси, или даже немного подозрительныя.

Какъ въ жизни, такъ и въ уставѣ Св. Пахомія, часто говорится о духовныхъ бесѣдахъ. Настоятель каждой общины три раза въ недѣлю, предлагалъ бесѣды своимъ монахамъ, которые слушали его сидя и стоя. Уставъ предписывая бесѣды, говоритъ, чтобы братія послѣ утренней молитвы не вдругъ удалялись въ свои келліи, но собирались бы вмѣстѣ для наставленія, которое даетъ имъ настоятель (1).

Кромѣ сихъ бесѣдъ настоятеля (2), начальникъ монастыря предлагалъ всѣмъ одну въ субботу, а двѣ въ воскресенье въ мѣстѣ назначенномъ для сего. Всѣ монахи монастыря присутствовали тамъ, и каждая община занимала свое мѣсто, также, какъ каждый монахъ свое мѣсто въ той общинѣ, къ какой принадлежалъ, такъ что каково бы ни было ихъ число, замѣшательства не случалось. Это очень поразило Аммона. Онъ говоритъ, что когда онъ первый разъ былъ въ собраніи братіи, крайне удивился прекрасному порядку, который царствовалъ тамъ. Св. Пахомій имѣлъ обычай бесѣдовать каждый вечеръ (3). Такъ онъ часто наставлялъ монаховъ послѣ ночнаго Богослуженія.

Бесѣда оканчивалась молитвою (4), чтобы испросить у Бога

---

(1) Reg. Pach. 20.
(2) Boll. v. Pach. c. 6. n. 49.
(3) V. S. Pach. paral. c. 1. n. 1.
(4) Boll. v. S. Pach. c. 5. n. 37.

благодать успѣть въ Св. Его словѣ. Каждый потомъ въ молчаніи возвращался въ свою келлію, чтобы подумать до вечерняго богослуженія о тѣхъ истинахъ, кои услыхали. Послѣ вечерни братія снова собиралась вмѣстѣ, чтобы бесѣдовать о поученіи. Настоятель спрашивалъ у каждаго, что онъ удержалъ изъ него (1).

Въ уставѣ сказано (2), что если монахъ, сидя во время поученія, дозволитъ себѣ заснуть, начальникъ или настоятель должны заставить его стоять, сколько времени почтутъ приличнымъ. Такому же наказанію подвергался и тотъ, кто не приходилъ слушать поученіе по первому зову.

Мы сказали, что было назначено время, когда они могли бесѣдовать между собою о наставленіи, какое слышали. Жизнеописатель Св. Пахомія (3) присовокупляетъ, что имъ недозволяли говорить словъ безполезныхъ, или разсуждать о дѣлахъ временныхъ; но что всѣ ихъ разговоры должны быть или о Св. Писаніи, или о средствахъ преуспѣть въ добродѣтели посредствомъ совершеннаго исполненія воли Божіей.

Тоже очень опредѣленно предписано правиломъ (4). Но и время назначаемое для благочестивыхъ бесѣдъ было непродолжительно. Остальное время монахи Тавенскіе должны были соблюдать строгое молчаніе. Они наблюдали его не только за трапезою, но и работая въ хлѣбнѣ, въ кухнѣ, моя левитоны (5) и пр. и если во время сихъ работъ они хотѣли кому нибудь сообщить нѣчто, объяснялись знаками. Тоже правило наблюдали они, когда были на суднахъ монастырскихъ.

Запрещено было разказывать въ одномъ монастырѣ, что

---

(1) Reg. S. Pach. n. 122.
(2) Reg. S. Pach. n. 22.
(3) Boll. v. s. Pach. c. 5. n. 37.
(4) Regul. S. Pach. n. 69.
(5) Ibid. n. 33 34. 58. 56. 60.

было узнано въ другомъ; говорить въ одной общинѣ то, что слышали въ другой; повторять въ монастырѣ узнанное въ полѣ и разсказывать въ полѣ, что узнано въ монастырѣ. Этотъ законъ не только отсѣкалъ безполезные разговоры, но и подавлялъ суетное любопытство иноковъ, дабы, не развлекаясь постороннимъ, могли тѣмъ полнѣе устремлять свое вниманіе на очищеніе своей души. Тѣмъ, которые отправлялись въ путешествіе, запрещено было разсказывать въ монастырѣ о томъ, что они видѣли внѣ его (1). Уставъ Пахомія, доставляя всѣ выгоды, хотѣлъ также, чтобы иноки пользовались и выгодами уединенія. Потому заботился о томъ, чтобы доставлять средства избѣгать шума общежитія, и каждому живя въ обществѣ быть вмѣстѣ уединеннымъ. Для сего предписывалось, чтобы братія не входили одинъ къ другому въ келлію, чтобы никто кромѣ настоятеля не входилъ въ рабочія разныхъ ремесленниковъ (2).

Иноческая жизнь держится главнымъ образомъ на двухъ добродѣтеляхъ — на послушаніи и нестяжательности. Воспитать эти добродѣтели преимущественно заботился Пахомій.

Кассіанъ, говоря о послушаніи монаховъ Тавеннійскихъ, замѣчаетъ: « что хотя ихъ было такъ много подъ руководствомъ одного начальника, но они такъ покорны были ему въ продолженіи всей жизни, какъ и одинъ здѣсь (т. е. на западѣ) не былъ бы въ продолженіе немногаго времени ». И немного послѣ прибавляетъ онъ: « что эта покорность и послушаніе таковы, что мы въ своихъ монастыряхъ не видывали никого, кто бы могъ подражать имъ въ теченіе только одного года » (3).

Мы уже замѣтили, что первое, къ чему пріучаемы были новопоступающіе, было отсѣченіе своей воли. И это потому,

(1) 16 n. 87. 83. 86.
(2) Ibid. n. 111. 89.
(3) Cass. instit. l. 4. c. 1.

какъ замѣчаетъ Кассіанъ, что по многимъ опытамъ знали, что монахи никогда не могутъ потушить въ себѣ пламени гнѣва, печали, нечистоты; не могутъ пріобрѣсти истиннаго смиренія, не могутъ долго жить съ братіею въ мирѣ твердомъ и постоянномъ; ни остаться наконецъ въ монастырѣ, если не научатся прежде подчинять свою волю, волѣ начальника ». Слѣдствіями воспитанія столь спасительнаго и столь мудраго, была совершенная покорность низшихъ высшимъ, и послушаніе малѣйшему ихъ повелѣнію столь совершенное, что нельзя читать безъ удивленія разсказовъ о семъ Кассіана.

Ихъ зависимость отъ начальниковъ простиралась и на малѣйшія дѣйствія. Мало того, что они не могли выйти изъ монастыря безъ ихъ позволенія; даже и въ монастырѣ они не могли ни начать новой работы, перейти съ одного мѣста на другое, ни вымыть одежды, или что-либо иное, безъ позволенія или приказанія начальника (1).

Когда они шли вмѣстѣ на работу, или на какое-либо дѣло, настоятель или помощникъ шелъ впереди ихъ. Запрещено было опережать его и на одинъ шагъ (2). Каждый долженъ былъ держаться своего мѣста, удаляясь отъ него развѣ на малость.

Можно сказать, что иноки ни одной минуты не были внѣ сей подчиненности; не смѣя сдѣлать ни одного шага безъ вѣдома начальниковъ, они почти всегда были предъ глазами начальниковъ. Поэтому-то каждый начальникъ имѣлъ помощника для того, чтобы въ его отсутствіе онъ занималъ его мѣсто, тоже было и у настоятелей каждой общины; и если тотъ и другой должны были удалиться на нѣсколько времени, то призывали старшаго монаха занять ихъ мѣсто (3). Подобнымъ образомъ въ путешествіи по водѣ, или по землѣ,

(1) Ibid. n. 84. 69. 74. 93. 123. 127. 137 и пр.
(2) Ibid. n. 38. 39.
(3) Hieron. præf. ad reg. Pach. n. 2. Reg. Pach. n. 70. 115. 182.

самый старшій назначался начальникомъ, и ему обязаны были повиноваться какъ начальнику монастыря (1).

Монахи должны были внимательно выслушивать приказанія, которыя имъ давали, чтобы запомнить ихъ, и исполнить въ точности. Имъ сказывали вечеромъ, что они должны дѣлать на утро (2).

Для пріученія къ послушанію употребляемы были наказанія, добровольное подчиненіе которымъ, есть уже свидѣтельство духа послушанія.

Наказанія одни опредѣлялись уставомъ, другія зависѣли отъ воли настоятелей.

Наказанія, опредѣляемыя уставомъ, состояли въ томъ, что виновныхъ, или заставляли публично принести раскаяніе, или стоять на ногахъ во время поученія и трапезы, или въ лишеніи трапезы, отдѣленіи отъ другой братіи, заключеніи въ келліи, потери своего чина, даже тѣлесномъ наказаніи и пр. Неисправимыхъ выгоняли изъ монастыря.

Начальники употребляли три средства для исправленія своихъ монаховъ, въ коихъ видѣли погрѣшность въ исполненіи своихъ обязанностей. Первымъ—была молитва и покаяніе предъ Богомъ, въ уничиженіи предъ Нимъ, въ постѣ, умерщвленіи тѣла, дабы на свое исправленіе привлечь Его Божественное благословеніе и благодать совершеннаго исправленія виновныхъ. Вторымъ—было обличеніе виновныхъ и увѣщаніе ихъ или съ любовію, или съ строгостію однажды и многократно по нуждѣ, пользуясь всѣми побужденіями, которыя вѣра и благочестіе могли внушить имъ, чтобы обратить ихъ къ исполненію своего долга. Третьимъ—былъ выговоръ и наказаніе, соразмѣрное винѣ и качеству монаха, но особенно возрасту; ибо болѣе было состраданія къ юнымъ, какъ не имѣющимъ еще сужденія

(1) Ibid. 189. 118.
(2) Regul. n. 25. 26.

строгаго и важнаго по слабости ихъ, между тѣмъ достигшіе совершеннаго возраста почитались менѣе заслуживающими извиненія (1).

Начальникамъ всякаго рода не было дозволено накладывать наказаній произвольныхъ. Настоятели общинъ за своими монахами строго наблюдали за исполненіемъ устава и благочинія, но ихъ право касательно наказаній было очень ограничено; и когда какой либо братъ совершалъ проступокъ болѣе важный, чѣмъ нарушеніе устава, настоятель обязанъ былъ увѣдомить о томъ начальника монастыря (2), который наказывалъ виновнаго, судя потому, что онъ сдѣлалъ противъ установленій монастыря, или чего требовалъ случай, если въ частности не было сего опредѣлено уставомъ. Если настоятель не доносилъ въ подобныхъ случаяхъ начальнику, его наказывали за то, что своимъ молчаніемъ и нерадѣніемъ потворствовалъ злу (3).

Онъ подвергался также наказанію и тогда, когда злоупотреблялъ своею властію, обижая братію безъ законной причины, или когда нерадѣлъ о томъ, чтобы заставлять ихъ наблюдать обычаи утвержденные въ общинѣ, или когда онъ хотѣлъ бы ввести тамъ по собственному произволу обычай, какой тамъ не былъ утвержденъ. Въ сихъ случаяхъ его монахи имѣли право относиться къ начальнику монастыря, который наказывалъ настоятеля по мѣрѣ важности его проступка. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, примиреніе разногласій между подчиненными и начальниками возлагалось на старцевъ.

Если бы начальникъ монастыря оказался нерадивъ, или измѣнилъ истинѣ, какъ говоритъ уставъ, по злобѣ ли или по

---

(1) Præc. atque judicia Pach. 160—176.
(2) Reg. n. 133. 181.
(3) Reg. 151.

замѣтному невниманію, должны собраться двадцать иноковъ, или десять, или по крайней мѣрѣ пять, извѣстныхъ по благочестію всей братіи и они судили его, и низводили съ степени, если проступокъ заслуживалъ того (1).

Когда братія сознавались въ винѣ своей, они снимали поясъ, что было знакомъ уничиженія, простирались ницъ, смиренно выслушивали выговоръ начальника и обѣщали исправиться. Они исполняли потомъ въ Церкви или въ трапезной наказаніе, наложенное на нихъ.

Кассіанъ (2) въ одной главѣ вообще исчисляетъ проступки, за которыя нужно было нести публичное покаяніе. « Если монахъ случайно разобьетъ глиняный сосудъ, для заглажденія проступка долженъ былъ нести публичное наказаніе. Когда братія соберутся въ Церковь, онъ простирается ницъ, испрашивая прощенія, до тѣхъ поръ, пока кончится Богослуженіе, въ ожиданіи милости, когда начальникъ позволитъ ему встать » (3).

« Тоже самое наказаніе назначено тому, кто поздно приходитъ на работу или къ Богослуженію, кто дѣлаетъ какую-либо невольную ошибку при чтеніи Псалмовъ, кто сдѣлаетъ некстати отвѣтъ, или немного грубо и смѣло, кто нерадиво исполняетъ обязанность, какая возложена на него; кто падаетъ съ легкимъ ропотомъ; кто предпочитаетъ чтеніе работѣ или другому чему-либо, что назначено ему, и занимается симъ съ холодностію, кто, выходя отъ Богослуженія, не тотчасъ идетъ въ свою келлію; кто останавливается хотя бы на одно мгновеніе поговорить съ другимъ; кто удаляется въ какое-либо тайное мѣсто; кто беретъ брата за руку; кто осмѣливается бесѣдовать съ братомъ, живущимъ не въ той же келліи; кто

---

(1) Reg. n. 168—170. 176. 190. 191.
(2) Cass. inst. l. 4. c. 16.
(3) Сравн. Reg. Pach. n. 123.

молится съ братомъ, устраненнымъ отъ общественной молитвы; кто видится съ кѣмъ-либо изъ своихъ родителей или друзей и говоритъ съ нимъ не въ присутствіи старца; кто получаетъ письма и отвѣчаетъ на нихъ безъ дозволенія начальника.»

« Но гораздо строже наказывались болѣе значительныя, каковы: обиды, явное презрѣніе, противорѣчіе гордое, свобода, какую дозволяли себѣ идти куда угодно, обращеніе съ женщинами, разглагольствія, жалобы, смѣлость сдѣлать что-либо по своей волѣ, любовь къ богатству, обладаніе какою-либо лишнею мебелію, которой нѣтъ у другихъ; принятіе пищи, сдѣланное тайно, и другіе поступки подобнаго рода; ихъ наказывали непростымъ выговоромъ, но или какимъ-либо наказаніемъ тѣлеснымъ, или высылкою изъ монастыря» (1).

Послѣ послушанія, Св. Авва въ своемъ уставѣ всего болѣе заповѣдуетъ нищету иноческую. При жизни Святаго Пахомія (2) одинъ экономъ монастырскій берегъ у себя деньги, и брату, назначенному для закупокъ внѣшнихъ, давалъ сумму приблизительно достаточную на покупку, такъ что если у него останется что нибудь по его возвращеніи, онъ обязанъ отдать эконому, не оставляя въ своей келліи даже на одну ночь.

За исключеніемъ сихъ, другіе братія не касались денегъ. Многіе умирали, не зная, что такое деньги, когда вступали въ монастырь въ юности, еще не видавъ ихъ. Считалось важнымъ преступленіемъ, если кто нибудь сберегалъ въ своей келліи деньги, даже самую малую монету (3).

Цѣлію Святаго Пахомія въ семъ случаѣ было удалить своихъ монаховъ отъ всякой привязанности къ земному, освободить ихъ отъ заботы о благахъ міра, и всецѣло спасти отъ

---

(1) Præcep. atque judic. Pach. n. 160—176.
(2) Boll. v. s. Pach. c. 3. n. 38.
(3) Cass. de coenob. inst. c. 4.

рабства сребролюбію и скупости, такъ чтобы не воспящаемые ни чѣмъ временнымъ, они могли возвышаться къ Богу сердцемъ чистымъ и свободнымъ отъ попеченій временныхъ.

Такимъ образомъ, онъ хотѣлъ съ одной стороны, чтобы монахи въ отношеніи къ ихъ нуждамъ временнымъ, всецѣло полагались на нѣжную заботливость начальниковъ монастыря, и чтобы они не смущались заботою имѣть одежду, инструменты, или какую-либо нужную вещь, когда начальники сами заботились предусмотрѣть все; съ другой стороны, онъ хотѣлъ, чтобы начальники и экономы были до того внимательны въ доставленіи братіи назначеннаго уставомъ, что если бы пренебрегли симъ, были бы наказаны, какъ виновные не только въ нерадѣніи о своей существенной должности, но и въ недостаткѣ любви, и соблазнѣ своихъ братій.

Никому изъ братіи не дозволялось ничѣмъ распоряжаться, хотя бы это была вещь самая незначительная (1). Также имъ запрещено было давать въ наймы, получать что нибудь, сберегать въ кладовой, какъ внутри, такъ и внѣ монастыря, безъ дозволенія начальника. У инока нѣтъ своей собственности. Если онъ и по ошибкѣ назоветъ своими книгу, письменныя доски, грифель, одежду, которыя выданы ему отъ обители и за это онъ подвергается эпитиміи (2). Восемьдесятъ первый членъ устава повелѣвалъ всякому имѣть въ своей келліи только дозволенное законами монастырскими и отнимать у него, что найдется кромѣ сего.

« Они имѣли въ своей келліи, говоритъ Блаженный Іеронимъ (3), стулъ со спинкою, служившій имъ ложемъ, два левитона, и третій поношенный для одѣянія во время сна, льняное покрывало и два кукуля, милоть, поясъ льняной,

---

(1) № 35. 38. 62. 104.
(2) Cass. de coenob. inst. Lib. 4, c. 13. 14.
(3) Hieron. praef. in Reg. S. Pach.

сандаліи и жезлъ для путешествія. Вотъ все ихъ имущество. Они ничего не носили съ собою, когда шли изъ одного монастыря въ другой. Когда они мыли левитонъ, имъ не позволено было оставлять его на ночь въ своей келліи, если онъ не былъ еще сухъ; но они вечеромъ отдавали его досушить назначенному для сего, который возвращалъ имъ его на завтра» (1). Столь были они внимательны къ тому, чтобы не беречь въ келіи безполезнаго.

По тому же самому духу нищеты требовали отъ нихъ, чтобы они весьма заботливы были о тѣхъ вещахъ, какія имъ давали, и употребленіе коихъ имъ дозволяли. Приставники смотрѣли за цѣлостію левитоновъ, милотей, покрывалъ, книгъ, инструментовъ каждаго ремесла, въ особыхъ комнатахъ, въ которыя, кромѣ ихъ, никому не дозволялось входить (2). Къ нимъ обращались, когда имѣли нужду въ какой-либо изъ сихъ вещей (3). Святый Пахомій подчинялся сему, частію по вѣрности въ исполненіи устава, частію чтобы дать примѣръ другимъ. По уставу было строго запрещено безъ дозволенія приставника взять даже одинъ пальмовый листъ, изъ коихъ дѣлали корзины (4).

Если монахъ терялъ кукуль, сандалію, поясъ или что-либо подобное ему данное, ему дѣлали строгій выговоръ. Если какая нибудь изъ сихъ вещей была въ его употребленіи, ему давали ее только послѣ трехъ недѣль покаянія. Тому, кто оставлялъ свою одежду, развѣшанную на солнцѣ три дня, дѣлали выговоръ или за его забывчивость, или за нерадѣніе. Онъ несъ публичное покаяніе въ Церкви или стоялъ прямо въ трапезной въ продолженіе трапезы. Если онъ разбивалъ

---

(1) Regul. Pach. n. 70. 71.
(2) Boll. v. s. Pach. c. 3. n. 38.
(3) Reg. s. Pach. n. 66
(4) Reg. Pach. n. 74.

сосудъ, или ломалъ инструментъ, ему налагали такое же наказаніе (1).

Равнымъ образомъ не оставляли безъ наказанія нерадѣнія приставниковъ. Настоятель общины, если въ продолженіе трехъ дней не давалъ начальнику монастыря свѣдѣнія о какой нибудь вещи потерянной на полѣ, или въ домѣ получалъ выговоръ отъ настоятеля монастыря, и самъ долженъ сдѣлать выговоръ потерявшему (2).

Если монахъ бралъ какую либо вещь, которая предназначена для употребленія другаго, то взятое онъ долженъ былъ носить на шеѣ, и такимъ образомъ исполнять публичное покаяніе въ Церкви и въ трапезной, гдѣ онъ оставался стоя въ продолженіе трапезы (3).

Когда находили потерянную кѣмъ либо вещь, ее въ продолженіе трехъ дней вывѣшивали на мѣстѣ собранія, чтобы потерявшій могъ узнать ее (4).

Отдѣльно каждому монаху не позволяли зажигать огонь, чтобы согрѣться, но обогрѣвались всѣ вмѣстѣ въ каждой общинѣ (5).

Для монаховъ Египетскихъ и особенно для монаховъ Тавенскихъ рукодѣліе было однимъ изъ главныхъ занятій. Въ своихъ монастыряхъ они имѣли всякаго рода ремесленниковъ, нужныхъ для содержанія общества. Занятія ихъ, говоритъ Палладій (6), вотъ въ чемъ состоятъ: «одинъ воздѣлываетъ землю, другой работаетъ въ саду, кто—на кузницѣ, на мельницѣ, въ кожевнѣ; иные идутъ въ мастерскую плотничать;

---

(1) Reg. Pach. n. 147. 148. 131.
(2) Ibid. n. 152.
(3) Reg. Pach. n. 149.
(4) Ibid. n. 132.
(5) Ibid. n. 120.
(6) Лавс. гл. 35. V. pp. l. 8. c. 39.

иные валяютъ сукна, другіе плетутъ разнаго рода и величины корзины. »

Занимавшихся однимъ ремесломъ помѣщали вмѣстѣ, такъ въ одномъ домѣ жили сапожники, въ другомъ слесаря и проч. и они образовали различныя общины, изъ коихъ каждая имѣла своего настоятеля и его помощника (1). Они завѣдывали ремесломъ, назначали закупщику цѣну, которую нужно было просить за работу, когда онъ отправлялся въ Александрію продавать ихъ. Для перевозки товаровъ въ Александрію и для привоза оттуда жизненныхъ припасовъ, у общества Тавенскаго было своихъ два судна. Плетеніе цыновокъ было общимъ рукодѣліемъ иноковъ. Даже тѣ, которые заняты были особыми ремеслами, въ свободное время плели цыновки (2).

Кромѣ сихъ особыхъ ремеслъ, начальникъ иногда водилъ нѣкоторое число монаховъ на острова Нила и на гору, частію за тѣмъ, чтобы собирать тростникъ для дѣланія цыновокъ и корзинъ, частію рубить деревья, частію для запаса травъ, кои солили для пищи иноковъ, и въ такихъ трудахъ они проводили иногда восемь дней, а иногда пятнадцать (3).

Вотъ порядокъ, который они соблюдали, когда шли работать внѣ монастыря. Какъ скоро данъ знакъ для сего, они тотчасъ оставляли всякое другое занятіе и выходили изъ келлій, никто не могъ себя уволить отъ нихъ, по крайней мѣрѣ кто не имѣлъ на то позволенія, никто не смѣлъ взять своей мантіи. Они растанавливались по порядку, также и шли въ порядкѣ, строго наблюдая молчаніе и скромность, имѣя впереди себя своего настоятеля. Они не могли спрашивать, куда ихъ ведутъ, или на какую работу идутъ они. Для нихъ достаточно было идти въ слѣдъ за настоятелемъ и потомъ исполнять его

---

(1) Hieron. præf. ad regul. Pach. n. 6.
(2) Reg. Pach. n. 25. 26. 27.
(3) Reg. Pach. n. 25.

приказанія. На пути они размышляли о какомъ нибудь мѣстѣ Св. Писанія. Если на пути они встрѣчали кого-нибудь, кто хотѣлъ говорить съ кѣмъ либо изъ нихъ, настоятель отвѣчалъ за него (1).

Въ продолженіи работы они размышляли о какой-нибудь истинѣ Писанія, или по крайней мѣрѣ работали въ молчаніи. Великимъ проступкомъ почиталось разговаривать между собою о предметахъ мірскихъ; въ продолженіе работы они не могли сѣсть безъ дозволенія. Наконецъ они относили назадъ въ монастырь инструменты, коими работали (2).

Вечеромъ назначали работы на слѣдующій день и раздавали нужное для нихъ. Если какой-нибудь монахъ приходилъ изъ за монастыря послѣ того какъ получено это распоряженіе, его утромъ снабдѣвали тѣмъ, что нужно для работы. Когда кончали работу, извѣщали настоятеля, чтобы получить отъ него другія (3).

Начальникамъ запрещено было обременять монаховъ работою. Они должны быть умѣренны, назначая работу по силамъ каждаго, чтобы они исполняли ее безъ печали и ропота (4). Но равно и монахамъ заповѣдано было не жаловаться безъ дѣла и работать съ покорностію и любовію къ Богу; совершенная любовь не почитаетъ работы тягостною и напротивъ берется за нее съ святою ревностію.

Если монахъ ропщетъ на то, что чрезмѣрно работаетъ: снисходительно выслушиваютъ его жалобы и удовлетворяютъ имъ, если они справедливы; но если это несправедливо, если видно, что это происходитъ отъ лѣности, праздности, худаго нрава, или недостатка добродѣтели, пять разъ убѣждаютъ его

(1) Ibid. n. 38. 39.
(2) Ibid. n. 60. 62—66.
(3) n. 25—27. 145. 146.
(4) n. 179.

сознаться, что онъ жалуется несправедливо; и если, не смотря на это снисхожденіе, онъ продолжаетъ роптать, его кладутъ въ больницу, или, не заставляя ничего дѣлать, кормятъ какъ слабаго до тѣхъ поръ, пока стыдъ видѣть себя праздным среди столькихъ трудолюбивыхъ монаховъ, приведетъ его въ себя и сдѣлаетъ болѣе покорнымъ (1).

Кассіанъ (2), Руфинъ и Палладій говорятъ о монахахъ Тавенскихъ, какъ о людяхъ строгаго воздержанія; но они сохраняли его неодинаково. Уставъ Ангела выражается о семъ такъ: « позволяй каждому ѣсть и пить по потребности; назначай имъ труды по мѣрѣ того, что они ѣдятъ; не возбраняй ни поститься, ни ѣсть; труды тяжелые налагай на тѣхъ, кои крѣпче силами и больше ѣдятъ; а малые и легкіе назначай слабымъ и постящимся. »

Въ полдень обыкновенно приготовлялась общая трапеза, гдѣ иноки вмѣстѣ принимали пищу (3). Въ субботу и воскресенье была и вечерняя трапеза (4). Но только дѣти и слабые старцы ходили за вечернюю трапезу. Всѣмъ, кто хотѣлъ, дозволялось соблюдать строгое воздержаніе. Не желающимъ быть за трапезою давали по два малыхъ хлѣба въ келліи, но кромѣ соли и воды, другой приправы для хлѣба не позволялось употреблять; любители поста оставались два, три и четыре дня безъ пищи, особенно въ постъ. Иные, проведя весь день за работою, всю ночь стояли на молитвѣ. Среда и пятокъ для всѣхъ иноковъ были днями поста (5), исключая времени пятидесятницы.

За трапезою предлагали хлѣбъ, маслины, сыръ, овощи со-

(1) Reg. Pach. n. 164.
(2) Cass. inst. l. 4. c. 11.
(3) Reg. Pach. n. 112.
(4) Cass. de coenob. inst. l. 3. c. 12.
(5) Reg. Pach. n. 80.
(6) Reg. Pach. n. 125. 138.

леныя, или рубленныя и приготовленныя съ уксусомъ и съ масломъ, смоквы и другіе плоды сообразно съ временемъ года. «Роскошью во время стола, пишетъ Кассіанъ, считалось у Тавенскихъ монаховъ рубленый лукъ, дикая капуста, толченая соль, оливы, небольшія соленыя рыбки» (1). Но изъ жизни Св. Пахомія видно, что ихъ ѣли только дѣти и старцы, хотя всѣмъ предлагали ѣсть ихъ. Въ самомъ дѣлѣ Св. Пахомій хотѣлъ, чтобы ихъ подавали для всѣхъ, предоставляя свободѣ каждаго отказываться отъ нихъ, дабы ихъ самоумерщвленіе не было принужденное.

Онъ хотѣлъ также, чтобы братіи давали все нужное, дабы они умерщвляли свое тѣло свободно и съ большою заслугою предъ Богомъ, потому, что трудно опредѣлить точно нужду каждаго. Но съ другой стороны онъ не хотѣлъ, чтобы они съ жадностію принимались за предлагаемыя имъ кушанья. Въ этомъ онъ самъ подавалъ имъ примѣръ, ибо онъ никогда досыта не только не ѣлъ, но не пилъ и воды, и въ одномъ путешествіи, какое онъ совершалъ съ нѣкоторыми братіями по Нилу, видя, что они вечеромъ ѣли все приготовленное для ихъ трапезы, пролилъ нѣсколько слезъ; и когда сіи монахи спросили его о причинѣ слезъ, онъ отвѣчалъ, что потому плачетъ, что видитъ въ нихъ такъ мало любви къ самоумерщвленію, къ коему они должны стремиться.

Каждый приходилъ къ столу въ назначенный ему часъ, подъ опасеніемъ подвергнуться покаянію. Они садились по порядку, и когда начальникъ приказывалъ переходить съ одного стола на другой, они повиновались не подавая ни малѣйшаго знака неудовольствія (2). Вкушая пищу они опускали покрывала на лицо, такъ что не могли видѣть ничего, кромѣ стола, ни по сторонамъ, что ѣли другіе. Они соблюдали столь строгое

---

(1) Cass. de coenob. inst. l. 4. c. 22.
(2) Regul. Pach. n. 29. 30.

молчаніе, что хотя бы ихъ было очень великое число, каждый велъ себя за трапезою такъ, какъ бы былъ одинъ въ своей келіи. И могъ умерщвлять себя сколько могъ вынести по своему усердію, не опасаясь, чтобы замѣтили сіе братія, бывшіе подлѣ него (1). Руфинъ и Палладій говорятъ, «за трапезу они садились только для вида, чтобы скрыть другъ отъ друга свое постничество; брали два или три куска хлѣба, и только дотрогивались до прочаго, чтобы нельзя было сказать, что они ничего не ѣли.» (2)

Когда имѣли нужду въ чемъ-либо, тихо стучали, чтобы позвать кого-либо изъ служащихъ, притомъ почти всегда это дѣлали настоятели общины. Если монахъ осмѣливался смѣяться или говорить, ему тотчасъ дѣлали выговоръ, и онъ оставался на ногахъ до конца трапезы.

Не позволено было говорить выходя изъ за стола. Нужно было въ молчаніи идти на то мѣсто, куда надлежало идти (3).

Когда иноки собирали плоды, они не могли съѣсть ничего, когда собирали съ дерева; но послѣ работы настоятель давалъ по немногу каждому на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ они собирали, по возвращеніи въ монастырь имъ давали еще долю равную съ другими. Если въ саду они находили какой-либо плодъ на землѣ, то, не вкушая его, съ покорностію клали его при корнѣ дерева (4). Они не могли хранить никакого плода въ своей келліи. Каждому особо запрещено было рвать въ саду даже травы, они должны были получать ихъ изъ рукъ садовника (5).

Готовившіе кушанье не могли вкушать его прежде бра-

---

(1) Cass. de coenob. inst. L. 4. c. 17. Reg. Pach. n. 30—34.
(2) V. pp. l. 2. c. 3. et l, 8. c. 48. Лавз. гл. 43.
(3) Reg. Pach. n. 34.
(4) Ibid. n. 78.
(5) Ibid. n. 72. 79.

тіи (1), вино запрещено было пить всѣмъ, кромѣ больныхъ, и между сими святыми иноками мы видимъ старцевъ шестидесяти и семидесяти лѣтъ, которые никогда ни здоровые, ни больные не пили вина (2).

Когда монахъ дѣлался боленъ, настоятель общины, къ которой онъ принадлежалъ, отводилъ его въ больницу, и поручалъ смотрителю надъ больными, такъ что уже не имѣлъ болѣе за нимъ никакого надзора и никакаго права вмѣшиваться въ его дѣла, больной поступалъ въ полную зависимость отъ больничнаго, которому онъ долженъ покоряться во всемъ, и изъ рукъ коего долженъ принимать былъ все, въ чемъ имѣлъ нужду, какъ въ отношеніи къ одеждѣ, такъ и къ пищѣ и нужнымъ лекарствамъ.

Никто безъ позволенія не могъ входить въ больницу, чтобы извѣстить больнаго, или послужить ему, хотя бы то былъ отецъ, или братъ. Больнымъ давали все, въ чемъ они имѣли нужду, и чтобы утѣшить и облегчить ихъ, оказывали имъ нѣжность самую внимательную (3). « Для того такъ было, по словамъ Блаженнаго Іеронима, за тѣмъ у пустынножителей такъ обращались съ больными, чтобы они не сожалѣли ни объ удобствахъ города, ни о нѣжности своихъ матерей » (4).

Хотя монахи Тавенскіе не ѣли мяса, и не было обычая давать его больнымъ, однако не отказывали, когда они его просили. При жизни Святаго Пахомія, случилось (5), что одинъ изъ больныхъ захотѣлъ мяса, но больничный отказался дать ему; когда узналъ о семъ Пахомій святый онъ много жалѣлъ о ревности больничнаго, въ которой такъ мало любви, и сидя за трапезою онъ, не вкушая предложеннаго, подозвалъ

(1) Reg. Pach. n. 76.
(2) Ibid. n. 45.
(3) Reg. Pach. n. 42. 46. 47.
(4) Hieron. ep. 22.
(5) Boll. v. s. Pach. n. 34.

больничнаго, и строгимъ голосомъ сказалъ ему: « скажи мнѣ ты, лицемѣръ, какъ забылъ ты правило, повелѣвающее любить ближняго, какъ самаго себя? Ты видишь, что этотъ братъ боленъ, истощенъ силами и блѣденъ, какъ мертвецъ; и вмѣсто того, чтобы самому догадаться, что ему нужно ѣсть мясо, ты напротивъ отказалъ, когда онъ желалъ ѣсть его. Ты, можетъ быть, будешь извиняться тѣмъ, что нѣтъ обычая предлагать его больнымъ, но не нужно ли дѣлать различіе между болѣзнями и быть снисходительну къ нѣкоторымъ больнымъ? Неужели не знаешь, что чистымъ все чисто? Если не могъ рѣшить самъ, прилично ли это, почему не пришелъ спросить меня, что нужно дѣлать?» Говоря сіе онъ не могъ удержать слезъ и всѣ братія были такъ тронуты, что поспѣшно пошли купить мяса и приготовить его желавшему.

Эта любовь, которая заставляла Пахомія снисходить къ немощи больныхъ, отражается и въ его уставѣ. Въ немъ предустраняется все, что могло бы оскорбить любовь, или хотя немного измѣнить ее между братіею. Строгое молчаніе, которое наблюдали въ монастырѣ, отдаляло поводъ нарушать ее словомъ; но такъ какъ было время, когда они могли говорить вмѣстѣ, то положены были наказанія злословящимъ, недовольнымъ, тѣмъ, кои легко предавались гнѣву, искажали истину, и вообще тѣмъ, кои могли возмутить доброе согласіе въ монастырѣ (1). Замѣчательно правило о людяхъ вспыльчивыхъ по природѣ. « Если кто нибудь, говоритъ уставъ, горячаго характера, легко возмущается малѣйшею вещею, нужно шесть разъ кротко совѣтовать ему умѣрять себя. Въ седьмой онъ лишается своего мѣста и помѣщается на послѣднее, гдѣ продолжаютъ увѣщавать его, обуздывать свою вспыльчивость; а если онъ обѣщается исправиться и три брата поручатся за

(1) Reg. Pach. n. 160—174.

его исправленіе, возвратить ему прежнее мѣсто; но если неисправится, то потеряетъ его навсегда» (1). Далѣе уставъ предписывалъ, чтобы иноки соблюдали между собою единеніе и миръ, чтобы отъ добраго сердца покарялись поставленнымъ начальствовать, и особенно будутъ ли они сидѣть, или стоять, или идти, чтобы оспоривали другъ у друга одно, какъ уступить другому въ духѣ смиренія (2).

Монахамъ повелѣно было строго соблюдать во всемъ иноческую скромность. Они обыкновенно ходили съ покрываломъ опущеннымъ на глаза. Уставъ не позволялъ, чтобы они брали другъ друга за руки, идя ли, то или сидя, и всегда были отдалены на одинъ шагъ другъ отъ друга, когда находятся вмѣстѣ. Слова ласкательства, или проблескъ смѣха, смѣшныя тѣлодвиженія и все другое противное строгости иноческой и духу сокрушенія, были рѣшительно не позволены въ Таеннѣ (3).

Монахамъ Тавенскимъ было запрещено вступать въ бесѣду съ женщинами во время путешествія по водѣ ли то, или по землѣ; и ихъ не принимали на судна монастырскія, которыя привозили товары для монастырей, безъ особаго на то дозволенія настоятеля (4).

Они рѣдко выходили изъ монастыря для посѣщенія, никогда не выходили безъ позволенія, всегда по законнымъ причинамъ и въ сопровожденіи другаго. Если приходили къ воротамъ сказать, что отецъ монаха былъ боленъ, и желалъ его видѣть, привратникъ шелъ сказать о семъ начальнику, который говорилъ настоятелю общины, въ коей находился монахъ, и послѣ общаго совѣта, если удобно было позволить монаху идти по-

---

(1) Ibid. n. 161.
(2) Ibid, n. 179.
(3) Ibid. n. 91—96. 166.
(4) Ibid. n. 109.

видаться съ отцемъ, ему въ сопутники давали монаха благочестиваго и испытаннаго болѣе другихъ, а настоятель давалъ ему все, нужное для пути (1).

Если они должны быть болѣе одного дня въ пути, они не должны жить у родителей, но въ монастырѣ православныхъ монаховъ,— предосторожность, какую имѣетъ уставъ потому, что тогда были монахи Аріанскіе, и зараженные заблужденіями Оригена,—или по крайней мѣрѣ останавливались бы въ общественныхъ гостинницахъ (2).

Въ домахъ родственниковъ дозволялось ѣсть только разрѣшаемое уставомъ монастырскимъ (3). Также они могли взять припасовъ, которые давали имъ на возвратный путь въ монастырь; но если по возвращеніи они еще оставались у нихъ, то ихъ не могли беречь, но отдавали въ больницу, чтобы раздѣлить больнымъ.

Въ Тавеннѣ строго наблюдали правила гостепріимства. Если приходили клирики, или монахи, ихъ принимали съ уваженіемъ, обмывали имъ ноги и помѣщали ихъ въ домахъ, назначенныхъ для сего подлѣ воротъ монастырскихъ.

Если они желали присутствовать при Богослуженіи, начальникъ привратниковъ извѣщалъ о семъ настоятеля, и онъ имъ позволялъ, развѣ только они не были православны, что наблюдалось тщательно.

Имъ не позволяли ѣсть въ трапезной съ братіею, и съ трудомъ соглашались показывать имъ внутренность монастыря (4). Святый Пресвитеръ и исповѣдникъ Діонисій, экономъ Церкви Тентирійской, и искренній другъ Св. Пахомія, думалъ, что это было противно правиламъ гостепріимства, и настой-

(1) Reg. Pach. n. 53—56. 108.
(2) Ibid. n. 54.
(3) Ibid.
(4) Ibid. n. 51.

чиво просилъ Святаго отмѣнить сіе (1). Святый Пахомій выслушалъ его съ особою любовію и смиреніемъ и отвѣчалъ ему, что самъ онъ знаетъ, какъ онъ не хотѣлъ никому сдѣлать непріятности, что онъ почитаетъ гостепріимство, какъ благое дѣло, заповѣданное Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ; и чтобы исполнять его по примѣру Авраама, онъ принимаетъ другихъ монаховъ въ покояхъ удобныхъ и приличныхъ, гдѣ они имѣютъ совершенное спокойствіе, и онъ доставляетъ имъ отдыхъ, въ коемъ они имѣютъ нужду, что онъ позволяетъ приходить имъ на молитву съ братіею, когда они того желаютъ; а что онъ не вводитъ ихъ во внутрь монастыря, — изъ опасенія, чтобы они не узнали несовершенствъ новоначальныхъ, изъ коихъ еще многіе новы въ обычаяхъ монастырскихъ, и не увидѣли дѣтей воспитывающихся въ монастырѣ, которые были еще очень подвержены ребячеству, по недостатку разсудительности, свойственной сему возрасту. Діонисій удовлетворился симъ отвѣтомъ, и не настаивалъ болѣе.

Принимали также мірянъ и женщинъ. Для сего были различныя комнаты по качеству лицъ. Въ страхѣ Божіемъ особенно заботились о женщинахъ, какъ болѣе слабыхъ. Такъ было повелѣно уставомъ; они были помѣщаемы въ комнатахъ совершенно отдѣльно отъ мужскихъ (2). Эти различныя помѣщенія были подлѣ воротъ монастыря, но были такъ отдѣльны, что не было никакого сообщенія между гостями, и монахами. Для сихъ послѣднихъ было правиломъ положено не ѣсть, ни спать съ мірянами даже въ путешествіи (3).

Въ гостинницѣ находились только назначенные для при-

---

(1) Boll. v. s. Pach. c. 4. n. 28.
(2) Reg. Pach. n. 34.
(3) Ibid. n. 109.

нятія гостей и для доставленія имъ кушанья. Когда отецъ монаха приходилъ побесѣдовать съ нимъ, привратникъ увѣдомлялъ настоятеля, который говорилъ съ начальникомъ общины сего монаха, и ему давали спутника, съ коимъ онъ выходилъ за ворота монастыря, и благочестиво разговаривалъ съ отцемъ. Если сей послѣдній приносилъ что нибудь ему ѣсть, ему непозволено было брать, но призывалъ привратника, который принималъ то, и если это можно было ѣсть только съ хлѣбомъ, то относили сіе больнымъ въ больницу (1).

Монахи съ позволенія начальника присутствовали иногда при погребеніи родителей, и родители также присутствовали иногда при погребеніи почившихъ монаховъ (2).

Святый Пахомій въ продолженіе пятнадцати лѣтъ спалъ только сидя на пнѣ среди келіи, не прислоняяся къ стѣнѣ (3) Было много учениковъ, желавшихъ подражать ему въ семъ родѣ самоумерщвленія. Но ихъ обыкновеннымъ ложемъ былъ стулъ съ нѣсколько наклонною спинкою, на который они клали изношенный левитонъ, служившій имъ постелью, и спали неснимая клобука, какъ заповѣдано сіе въ уставѣ Ангела (4).

Такъ какъ ихъ было по трое въ каждой келіи, уставъ запрещалъ имъ разговаривать, когда они садились на сѣдалище, чтобы отдохнуть (5). Если они просыпались ночью, должны были помышлять о Богѣ, пока не заснутъ опять. Обыкновенныя постели были только для больныхъ, хотя были монахи, хотѣвшіе умереть на своемъ стулѣ, продолжая самоумерщвленіе до послѣдней минуты своей жизни.

Когда монахъ умиралъ, другіе проводили ночь въ молитвахъ подлѣ его тѣла, перемѣняя другъ друга. Потомъ шли

---

(1) Ibid. n. 53. 54.
(2) n. 53.
(3) Boll. v. s. Pach. paral. c. 1. v. 5. et 6.
(4) Regul. Pach. n. 87. 88.
(5) Ibid. n. 94.

они хоронить его въ горѣ, на мѣстѣ, опредѣленномъ назначенномъ, поя псалмы и другія молитвы. Вся братія присутствовали при погребальныхъ проводахъ (1).

Пахомій принималъ въ свой монастырь и дѣтей, съ тою цѣлію, чтобы дать имъ воспитаніе въ духѣ Христіанскаго благочестія (2), и этимъ подалъ прекрасный примѣръ для послѣдующихъ иноковъ, имѣвшій такое благотворное слѣдствіе для Христіанства. Онъ любилъ повторять, что дѣти по своему возрасту могутъ пріобрѣтать спасительный навыкъ ходить предъ лицемъ Господнимъ и чрезъ благочестивыя упражненія восходить по примѣру Самуила на высоту нравственнаго совершенства, и сравнивалъ дѣтей съ землею, которая приноситъ или благіе плоды, ежели съ заботливостію воздѣлываютъ оную, или терніе, если оставляютъ невоздѣланною и безъ надзора, хотя бы и брошены были въ нее сѣмена добрыя. «Поэтому, говоритъ Преподобный, мы должны имѣть особенное попеченіе о дѣтяхъ, какъ повелѣлъ намъ Господь; тогда можемъ надѣяться, что Онъ будетъ милостивъ и къ нашимъ душамъ» (3).

Дѣти воспитывались въ тѣхъ же правилахъ, какъ и взрослые; для нихъ предлагалась таже и пища. Духъ благочестія и сокрушенной молитвы внушаемъ имъ былъ прежде всего. Кромѣ чтенія, они обучались рукодѣльямъ. Наказанія соразмѣрны были съ виною, и мудро приспособлены къ исправленію дѣтей. Если дѣти были склонны очень къ играмъ и смѣху, то ихъ наказывали разными лишеніями, и даже розгами (4).

Таковъ былъ уставъ данный Пахоміемъ многочисленному обществу иноковъ, ввѣрившихся его управленію. Если число иноковъ опредѣлять по числу домовъ, которыхъ въ каждомъ

---

(1) Ibid. n. 127.

(2) Vita Pach. n. 19.

3) Vita Pach. n. 32.

4) Reg. Pach. n. 172. 173. Vita Pach. n. 28. 33. 55. Paralip. Pach. n. 25.

монастырѣ было отъ тридцати до сорока, то мы должны принять, что число иноковъ въ девяти монастыряхъ Пахомія простиралось свыше десяти тысячъ. Въ каждомъ домѣ было по двѣнадцати или тринадцати келій, въ каждой кели жило по трое иноковъ,—потому мы должны положить меньшее число иноковъ въ 1,200 человѣкъ. Блаженный Іеронимъ пишетъ, что ко дню Пасхи собирались въ главный монастырь до 50,000 иноковъ. Если мы вмѣсто 50 будетъ считать 15, то это число близко подойдетъ къ разчисленію иноковъ, которое можно выводить изъ счета домовъ, потому, что во времена блаженнаго Іеронима прибавилось еще четыре монастыря. Палладій, бывшій 16 лѣтъ спустя послѣ блаженнаго Іеронима, насчитываетъ иноковъ въ Тавенскихъ монастыряхъ не болѣе семи тысячъ, говоря, что въ меньшихъ монастыряхъ было по двѣсти и по триста человѣкъ. Но онъ самъ же говоритъ, что его другъ Аммонъ управлялъ въ одномъ главномъ монастырѣ тремя тысячами человѣкъ. И общество Тавенское не славилось бы многолюдностію, если бы имѣло не болѣе 7,000 иноковъ, потому у Серапіона Арсинойскаго было ихъ десять тысячъ.

Управленіе такою многочисленною братіею требовало многихъ трудовъ, и Пахомій былъ самымъ мудрымъ начальникомъ иноковъ.

Его мудрость въ управленіи, его усердіе и любовь и примѣненіе къ нуждамъ иноковъ были безпримѣрны. Не было добродѣтели, которой бы онъ не былъ примѣромъ; не было минуты, въ которую бы онъ не пекся о ихъ пользѣ; не было случая, который бы онъ опустилъ безъ назиданія, не было труда и заботы, которыхъ бы онъ добровольно не бралъ на себя въ попеченіи о нуждахъ духовныхъ и благѣ временномъ братіи своей. Онъ имѣлъ всѣ качества, нужныя для наставника, и высшее призваніе, и просвѣщеніе, и чрезвычайные дары благодати. Лучшимъ свидѣтельствомъ о его способности быть

наставникомъ служатъ тѣ плоды жизни, которые производилъ онъ въ душахъ иноковъ.

Отличительной чертой его характера была кротость и снисходительность. Онѣ дышатъ во всѣхъ наставленіяхъ и совѣтахъ брятіи (1). Его бесѣда съ учениками—была бесѣда отца съ дѣтьми. Приводимъ для примѣра одно наставленіе Пахомія (2).

« Почитай Бога, такъ училъ Пахомій, и будешь благополученъ. Помни скорби, которымъ подвергались святые. Мы должны быть единодушными и постоянными въ томъ дѣлѣ, на которое призваны. Должны болѣе всего стараться о томъ, чтобы строго провождать ту жизнь, которую избрали, и, совершивъ поприще ея, сдѣлаться угодными Богу. Не должны быть подобны тѣмъ людямъ, которые находятъ удовольствіе въ вещахъ суетныхъ и скоропреходящихъ, чтобы сердце наше несовратилось съ праваго пути, не уклонилось въ грѣхъ и не лишилось надежды вѣчныхъ благъ. Познаніе и исполненіе воли Божіей лучше всего. Человѣкъ, послѣдующій истинѣ, бываетъ выше всего. Но противиться воли Божіей и исполнять свою волю—самое первое зло. Кто исполняетъ волю свою, тотъ не будетъ имѣть познанія о Богѣ. Кто слѣдуетъ волѣ своей, тотъ не можетъ идти путемъ святыхъ, и въ день послѣдняго суда будетъ плакать и погибнетъ. Угождать Богу мы должны въ настоящей жизни; потому, что спасеніе наше пріобрѣтается во время печали (Исаіи 33, 2). Мы должны быть твердыми въ вѣрѣ не только во время радости, но и во время печали; потому что написано: аще обѣщаеши обѣтъ Богу, не умедли отдати его (Еккл. 5, 3). Посему, въ печали не ослабѣвай, но будь терпѣливъ и приноси молитвы Богу. Онъ дастъ тебѣ крѣпость той вѣры, которую получили

(1) Vita Pach. l. 4. n. 27. и слѣд.
(2) Patrol. Curs. Compl. XXIII. Opera Hier. p. 83.

чрезъ Св. Духа Пророки, и въ которой были тверды Апостолы, получившіе обѣщанныя награды за перенесеніе гоненій. Зная сіе, мы не должны колебаться въ вѣрѣ и увлекаться въ заблужденія, но пребывать въ ней твердыми и непоколебимыми, и непостоянство тѣхъ мыслей, которыя кипятъ подобно водѣ, охлаждать и утишать непрестаннымъ воспоминаніемъ о законѣ Божіемъ. Такъ мы уничтожимъ въ себѣ законъ порочныхъ желаній, будемъ исполнять то, что угодно Богу, и предохранимъ себя отъ житейскихъ заботъ и всякой гордости, которая есть самое великое безуміе и зло. Должны всегда имѣть предъ глазами Господа и воспоминать о Его крестномъ страданіи и смерти, которою мы искуплены и оживлены. Должны ненавидѣть міръ и все, что находится въ немъ, ненавидѣть всякое спокойствіе тѣлесное, отказаться отъ сей жизни и жить только для Бога. Возлюбленные, мы должны помнить званіе свое, въ которомъ обѣщались мы служить Богу. Въ день суда у насъ спросятъ о семъ. Посему должны терпѣть голодъ, жажду, наготу, проводить ночное время въ бдѣніи, пѣть псалмы, заниматься молитвою, воздыхать изъ глубины сердца, проливать слезы, разсматривать себя и испытывать, есть ли что въ насъ достойное Бога и Его безконечной къ намъ милости. Несчастій мы не должны убѣгать. Такимъ образомъ, мы получимъ утѣшеніе отъ Господа и удостоимся блаженной и вѣчной жизни. »

Когда наставленія и увѣщанія Пахомія не производили добраго дѣйствія, его любовь къ несчастнымъ разгоралась еще болѣе. Съ горячей молитвой повергался онъ предъ Господомъ, умоляя Его о спасеніи заблудшихъ. « Ты повелѣлъ, Господи, такъ молился онъ, любить ближняго какъ себя самаго. Молю Тебя, помилуй сихъ слѣпцовъ! Воззри милостивымъ окомъ Твоего милосердія, чтобы они, проникнутые искреннимъ раскаяніемъ, страшились оскорблять Тебя и лучше помнили обязанности званія, которое они приняли на себя, и полагали въ Тебѣ одномъ все свое счастіе и всю свою надежду. » Когда

не могъ склонить ничѣмъ заблуждающихъ къ исполненію общихъ монастырскихъ правилъ, назначалъ для нихъ другія самыя легкія, и только испытавъ всѣ возможныя мѣры, высылалъ изъ монастыря (1).

Духъ управленія Пахомія братіею выразился въ его наставленіи Ѳеодору. Ввѣряя ему управленіе нѣсколькими иноками, онъ сказалъ: « не легкое дѣло править другими. Если замѣтишь, что кто-либо изъ духовныхъ дѣтей твоихъ впадаетъ въ разслабленіе, призови его наединѣ и увѣщавай съ терпѣніемъ обратиться къ прежней ревности. Если онъ не исправится, оставь его на нѣкоторое время, а самъ молись Богу, чтобы Онъ обратилъ его сердце. Настоятелю кротостію и терпѣніемъ должно врачевать братію. Если проступокъ будетъ важенъ, скажи мнѣ, и я употреблю средства, какія внушитъ мнѣ Богъ. Пекись о больныхъ, какъ о себѣ самомъ; своею любовію неси съ ними ихъ кресты и несчастія. Будь отцемъ для нихъ, ибо его мѣсто ты для нихъ занимаешь. Самъ первый исполняй все предписанное для братіи, чтобы быть ей примѣромъ (2).» Даже умирая, онъ говорилъ другому Ѳеодору, любимому ученику своему: « заклинаю тебя, не оставляй заботы о лѣнивыхъ въ служеніи Господу, непрестанно увѣщавай ихъ жить благочестиво » (3).

Но эта любовь Пахомія, эта снисходительность къ немощнымъ не была слабостію. Когда требовала слава Божія, сохраненіе порядка монастырскаго и благо братіи, онъ являлся и строгимъ. Онъ заставилъ одного инока пять мѣсяцевъ пробыть на хлѣбѣ и водѣ за то, что онъ, сдѣлавши въ день двѣ цыновки вмѣсто одной, съ тщеславіемъ принесъ ихъ къ Пахомію (4). Въ другой разъ узнавъ, что повара въ его

(1) Vita Pach. n. 27.
(2) Vita Pach. n. 60.
(3) Ibid. n. 75.
(4) Bolland. Pach. paralip. c. 4. n. 34.

монастырѣ вмѣсто того, чтобы готовить пищу, плели цыновки,— такъ какъ никто изъ старшей братіи не ѣлъ варева,— велѣлъ пять сотъ цыновокъ, сплетенныхъ ими бросить въ огонь (1). Онъ лишилъ Христіанскаго погребенія, подъ видомъ благочестія, скрывавшаго иноческую жизнь (2). Онъ любилъ постъ такъ, что заплакалъ, когда увидѣлъ, что всѣ братія съ удовольствіемъ ѣли предложенные на трапезѣ плоды; а когда ему подали овощи, приправленные масломъ, то онъ до тѣхъ поръ лилъ на нихъ воду, пока не смылъ масла; но подвергъ строгому наказанію инока за чрезмѣрное воздержаніе, когда имъ питалась гордость (3). Онъ отрѣшилъ отъ должности экономa, который продалъ рукодѣлья братскія дороже, нежели, какъ назначилъ Пахомій (4). Подвергъ покаянію иноковъ, которые во время голода согласились безъ денегъ принять хлѣбъ для монастыря (5).

Пахомій часто посѣщалъ свои монастыри; онъ входилъ въ келіи иноковъ, чтобы видѣть, чѣмъ они занимаются, не нуждаются ли въ чемъ-либо. Если видѣлъ, что имъ нужны наставленія, онъ тотчасъ училъ ихъ, подкрѣплялъ слабыхъ, объяснялъ Св. Писаніе, убѣждалъ всѣхъ мужественно противиться навѣтамъ лукаваго памятію присутствія Божія и силою Духа Святаго. Когда самъ не былъ въ силахъ посѣщать монастыри, то посылалъ Ѳеодора (6), или писалъ посланія (7) къ настоятелямъ о предметахъ необходимыхъ. Владѣя даромъ прозорливости, онъ иногда посылалъ экономa сходить къ какому-либо брату и обличить его въ нерадѣніи (8).

---

(1) Bolland. Pach. paralip, c. 2. n. 25.
(2) Ibid. c. 1. n. 5. 6.
(3) Ibid. c. 6. n. 43.
(4) Ibid. c. 3. n. 23.
(5) Bolland. Pach. paralip. c. 3. n. 21. 22.
(6) Vita Pach. n. 58.
(7) Между сочиненіями Блаж. Іеронима приводится XI писемъ Пахомія.
(8) Vita Pach. n. 47.

Самъ Пахомій охотно принималъ наставленія отъ кого-бы то ни было. Разъ въ Тавеннѣ вмѣстѣ съ братіей онъ плелъ цыновки. Мальчикъ, тутъ бывшій, сказалъ, что онъ не такъ дѣлаетъ. « Такъ покажи мнѣ, дитя, сказалъ Пахомій, какъ надо дѣлать. » Тотъ указалъ, и Пахомій поблагодарилъ его (1). Гордость и самолюбіе были чужды его душѣ. Его смиреніе было глубоко и искренно. Украшаясь всѣми добродѣтелями, онъ считалъ себя великимъ грѣшникомъ. На свою власть начальническую онъ смотрѣлъ, какъ на обязанность служить всѣмъ (2). Онъ не терпѣлъ никакого отличія для себя (3). Ученикъ Пахомія Ѳеодоръ подалъ ему больному воды умыть руки; онъ попросилъ Ѳеодора, чтобы тотъ далъ ему вымыть свои ноги. « Если я не умою ногъ твоихъ, то совѣсть будетъ мучить меня, почему я, обязанный служить другимъ, принимаю самъ услуги? » Будучи главнымъ начальникомъ настоятелей монастырей, онъ подчинялся настоятелю того монастыря, въ которомъ жилъ, и охотно принималъ совѣты духовные, какъ бы несвѣдущій въ духовной жизни. Все необходимое для себя онъ бралъ отъ общаго раздаятеля какъ милостыню, не смѣя ничѣмъ самъ распоряжаться. Во всѣхъ работахъ монастырскихъ онъ учавствовалъ самъ. « Для чего ты, спрашивали его братія, — исполняешь самъ всѣ работы монастырскія? » « Кто, отвѣчалъ онъ, — откажется подставить яремъ подъ бремя, когда увидитъ, что я не только не сѣтую на него, но и съ радостію готовъ упасть подъ нимъ? Милосердый Богъ, призирая на мое смиреніе, подастъ и вамъ силу, или приведетъ другихъ, которые охотно поднимутъ это бремя. » Онъ нестолько страшился вѣчныхъ мукъ, — говоритъ его жизнеописатель, сколько недостатка кротости и смиренія (4).

---

(1) Ibid. n. 33.
(2) Vita Pach. n. 62. 17.
(3) Ibid. n. 33.
(4) Vita Pach. n. 49. 71.

Смиреніе всего болѣе старался Пахомій внушить и своей братіи. Онъ имѣлъ обычай по вечерамъ предлагать братіи поученіе о духовной жизни. Однажды вмѣсто себя велѣлъ онъ говорить Ѳеодору, которому не было тогда и двадцати лѣтъ. Старые иноки, оскорбившись тѣмъ, что ихъ начинаетъ учить молодой инокъ, оставили собраніе и ушли въ келіи. Когда кончилось собраніе, Пахомій призвалъ ушедшихъ иноковъ и сказалъ: «Почему вы оставили собраніе во время духовной бесѣды?» «Ты назначилъ намъ въ наставники, отвѣчали они, новоначальнаго, какъ будто могъ онъ давать наставленія всѣмъ братіямъ и даже старшимъ изъ нихъ.» При этихъ словахъ Пахомій, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «Знаете ли вы, что гордость—начало всѣхъ золъ въ мірѣ, что она низвергла Люцифера въ бездну, а Навуходоносора сдѣлала безсловеснымъ? Развѣ вы не знаете словъ Писанія, что всякая гордость мерзка предъ очами Божіими, и всякій возносящійся смирится? Забывъ тяжесть грѣха, вы попустили демону лишить васъ всего украшенія добродѣтели; вы показали презрѣніе не къ Ѳеодору, но къ слову Божію; вы изгнали Духа Святаго изъ своей души. О, какъ несчастны и какъ жалки вы! Богъ смирилъ Себя, послушливъ бывъ до смерти, смерти же крестныя, а мы жалкія и ничтожныя твари, надмѣваемся гордостію. Высшій всѣхъ тварей по своему величію и могуществу спасъ міръ смиреніемъ, тогда какъ могъ уничтожить его однимъ мановеніемъ; а мы, жалкія, ничтожныя созданія, мы осмѣливаемся возноситься гордостію, не опасаясь того, что этимъ дѣлаемся презрѣннѣе? Далъ ли я вамъ примѣръ оставить собраніе, когда началъ говорить Ѳеодоръ? Не слушалъ ли я его со вниманіемъ? И я увѣряю васъ, что я много получилъ пользы. Не я ли приказалъ ему говорить, хотя бы только для пользы и утѣшенія моей души? И такъ, если я, котораго вы считаете отцемъ и начальникомъ своимъ, если я несчиталъ для себя униженіемъ слушать его,— ибо нуждаюсь, въ наставленіи,— почему же вы стыдитесь дѣлать это? Предъ лицемъ Божіимъ

говорю вамъ, если вы не загладите своего поступка слезами и строгимъ покаяніемъ, вы непремѣнно погибнете» (1).

Онъ внушалъ также своимъ инокамъ, чтобы они береглись суетности, не искали ни украшенія въ одеждѣ, ни изысканности въ пищѣ, ни пышности въ строеніи, ни свѣтскихъ познаній въ книгахъ.» Лучшее украшеніе вѣрующаго человѣка,— говорилъ онъ, — состоитъ въ готовности хранить заповѣди Божіи» (2).

Никто такъ не отказывалъ себѣ во всякомъ видѣ удовольствія, какъ онъ. Лишь только ощущалъ онъ въ себѣ какое-либо чувство суетной радости, или тайное услажденіе наполняло его сердце, онъ немедленно старался уничтожить его въ себѣ. Въ монастырѣ Монхозинѣ онъ выстроилъ весьма красивую Церковь съ колоннами и другими украшеніями. Видъ ея красоты наполнилъ его сердце радостію. Опасаясь, не суетнымъ-ли тщеславіемъ порождена эта радость, онъ велѣлъ отломать колонны и всѣ украшенія, чтобы предотвратить тщеславіе (3).

Всегда имѣть страхъ Божій въ сердцѣ и открывать свои помыслы опытнымъ старцамъ внушалъ Пахомій ученикамъ своимъ, какъ два самыя дѣйствительныя средства въ борьбѣ съ искушеніями.

Заботы Пахомія о своихъ дѣтяхъ духовныхъ и его мудрая попечительность не могли не принести вожделѣнныхъ плодовъ. На общество Тавенское можно смотрѣть, какъ на образецъ, съ которымъ должны сообразоваться духовные руководители, обязанные вести другихъ къ нравственному совершенству. Самъ Пахомій съ душевною радостію видѣлъ успѣхи своей братіи; но эта не была радость самолюбія, но глубокое чув-

---

(1) Vita Pach. n. 49.
(2) Ibid. n. 44.
(3) Paralip. Pach. n. 32.

ство благодарности милосердію Божію, не оставившему трудъ его безплоднымъ.

Обители Пахомія имѣли множество благочестивыхъ иноковъ, которыхъ все стараніе устремлено было къ тому, чтобы отвергшись міра, носить сладкое иго Христово. Они заботились единственно о спасеніи души своей; они совсѣмъ забывали міръ, и всѣ ихъ помыслы устремлены были къ горнему; ихъ утѣшеніе и радости заключались во внутреннемъ мирѣ, превосходящемъ всѣ наслажденія міра. Другъ съ другомъ они соединены были союзомъ самой чистой и святой любви; одинъ другаго побуждалъ къ преспѣянію въ духовной жизни; бесѣдовали между собою только о средствахъ побѣждать страсти и діавола, и достигать высшей святости. Хотя между ними большая часть была изъ простыхъ поселянъ, необразованныхъ и малограмотныхъ, но они полны были мудрости Божественной, которую почерпали въ слушаніи и исполненіи Св. Писанія, и въ небесномъ просвѣщеніи, неоскудно изливавшемся на нихъ.

Чтобы ближе узнать и духъ управленія Преподобнаго Пахомія, и духовное состояніе находящихся подъ управленіемъ его, познакомимся съ жизнію нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ учениковъ, каковы Петроній, Ѳеодоръ, Пекузій, Корнелій и другіе.

Петроній, который послѣ избранъ былъ въ преемника Пахомію, былъ мужъ высокой добродѣтели. Съ тѣхъ поръ какъ онъ оставилъ міръ и вступилъ въ монастырь, нога его не переступала за порогъ родительскаго дома. Его отецъ Панебъ все свое имущество отдалъ монастырямъ и Св. Пахомій на мѣстѣ, называемомъ Ѳебо или Ѳевуй построилъ на его деньги монастырь, далъ ему уставъ свой. Братья Петронія и его рабы послѣдовали его примѣру и вступили въ монастыри Тавенскіе; его сестры постриглись въ женскомъ монастырѣ, управляемомъ сестрою Пахомія. Все это благочестивое семейство имѣло счастіе остаться и умереть въ томъ званіи, какое

приняло. О Петроніѣ сохранилось свидѣтельство, что онъ былъ весьма твердъ въ вѣрѣ, кротокъ въ обращеніи и совершенъ въ разсудительности, съ какою, онъ устроялъ свое спасеніе. Онъ никогда не ослабѣвалъ въ бдѣніи надъ собою, даже во время болѣзни. Его любовь была полна кротости и снисхожденія къ недостаткамъ другихъ (1).

Ѳеодоръ, носящій наименованіе Освященнаго, былъ самымъ любимымъ ученикомъ Св. Пахомія и великимъ украшеніемъ своего общества. Онъ происходилъ изъ семейства Христіанскаго, богатаго и весьма знаменитаго въ округѣ Латопольскомъ, въ верхней Ѳиваидѣ. Но этотъ блескъ не ослѣпилъ его, а только далъ ему лучше понять суету міра. Съ юныхъ лѣтъ глубокое благочестіе наполняло его душу. Вмѣсто того, чтобы предаваться забавамъ свойственнымъ дѣтскому возрасту, онъ помышлялъ только о вѣчномъ блаженствѣ, о жизни загробной. Ему было одинадцать или двѣнадцать лѣтъ, когда увидѣвъ въ домѣ приготовленія къ празднованію дней Богоявленія, проникнутый мыслію о суетѣ земныхъ радостей, скрылся въ самомъ отдаленномъ углу дома, и, тамъ простершись ницъ, со слезами взывалъ ко Господу: «Боже мой! ничего на землѣ я не хочу.... Я желаю только Тебя, Твоего милосердія!» И, не смотря на усильныя прозьбы матери, онъ не пошелъ раздѣлять общаго веселія, а весь день провелъ одинъ въ молитвѣ къ Богу (2). И въ эти юные годы онъ мыслилъ о жизни монашеской. Не смотря на юность, онъ подражалъ монахамъ, вкушалъ пищу только однажды въ день, а иногда постъ свой простиралъ до вечера другаго дня. До четырнадцатилѣтняго возраста онъ жилъ въ домѣ, усердно ходилъ въ школу, и въ ученіи отличался прилѣжаніемъ и успѣхами. Четырнадцати лѣтъ съ согласія родителей онъ удалился къ пу-

(1) Vita S. Pach. n. 10. Parall.
(2) Boll. vita S. Pach. n. 23.

стынникамъ въ округѣ Латопольскомъ и въ ихъ обществѣ упражнялся въ жизни иноческой.

Эти пустынники днемъ жили отдѣльно, и каждый вечеръ собирались въ одномъ мѣстѣ, чтобы совершать общую молитву и бесѣдовать между собою о Божественномъ Писаніи (1). Въ одной изъ сихъ бесѣдъ услышавъ, что съ великою похвалою говорятъ о Преподобномъ Пахоміѣ и его новомъ учрежденіи, онъ почувствовалъ сильное желаніе вступить подъ управленіе сего великаго Аввы. Цѣлую ночь усердно молилъ онъ Господа, чтобы Онъ сподобилъ его жить подъ руководствомъ сего святаго мужа. Его молитва скоро была услышана. Въ тоже утро заходитъ къ Латопольскимъ пустынникамъ Пекузій, одинъ изъ достойнѣйшихъ учениковъ Пахомія, бывшій въ Латополѣ по дѣламъ монастырскимъ. Ѳеодоръ, видя въ семъ прямое благословеніе Божіе на свое намѣреніе, упросилъ Пекузія взять его съ собою (2).

Въ тотъ же день, когда Ѳеодоръ долженъ былъ прійти, Св. Пахомій сказалъ своимъ ученикамъ, что Пекузій приведетъ къ нему мальчика лѣтъ тринадцати или четырнадцати; но это — сосудъ избранія, полный Духа Божія. Онъ принялъ Ѳеодора съ добротою отца (3), и смотрѣлъ на него, какъ на своего сына и своего любимаго ученика.

Окруженный прекрасными примѣрами добродѣтели, и будучи сильно воодушевленъ наставленіями Св. Пахомія, Ѳеодоръ сталъ подвизаться съ такою ревностію, что, казалось, его ревность къ преуспѣянію не имѣетъ границъ. Свои усилія и старанія употребилъ онъ на стяжаніе трехъ существенныхъ добродѣтелей: чистоты сердца, строгаго соблюденія молчанія, и точнаго и искренняго повиновенія.

---

(1) п 24.
(2) п 25.
(3) Сар. 17. п. 83.

Онъ никому не уступалъ въ точности сохраненія устава, во всѣхъ трудахъ монастырскихъ, въ бдѣніяхъ и молитвѣ. Скоро онъ такъ много преуспѣлъ въ жизни духовной, что, не смотря на молодость, могъ давать наставленія старцамъ, и чудно утѣшалъ тѣхъ, которые находились въ скорбяхъ.

Съ духовною радостію Преподобный Пахомій видѣлъ быстрые успѣхи въ духовной жизни пламеннаго ученика, и предсказалъ тогда же, что Богъ назначилъ его наслѣдовать ему въ попеченіи о душахъ братіи.

Какъ совершенно Ѳеодоръ отрекся отъ міра и всѣхъ его узъ, показываетъ его отношеніе къ матери и братьямъ. Мать Ѳеодора (1), услыхавъ, что онъ въ Тавеннѣ, пришла туда съ письмами отъ нѣкоторыхъ Епископовъ. Остановясь въ женскомъ монастырѣ, она послала письма къ Преподобному Пахомію и сказала, что если ея сынъ не захочетъ оставить монастыря, то покрайней мѣрѣ онъ далъ бы ей утѣшеніе видѣть себя.

Пахомій тотчасъ призвалъ Ѳеодора, сказалъ ему о желаніи Епископовъ, писавшихъ къ нему, и велѣлъ исполнить желаніе матери. Ѳеодоръ отвѣчалъ: «Прошу тебя, отче, увѣрить меня, что Богъ въ день суда не потребуетъ отъ меня отвѣта въ семъ свиданіи. Не соблазню ли этимъ братію, которой я долженъ подать наставленіе въ семъ случаѣ? Если дѣти Левитовъ въ законѣ древнемъ любовію къ родителямъ жертвовали исполненію закона Божія, не тѣмъ ли паче въ законѣ Іисуса Христа долженъ я пожертвовать любовію къ моей матери? Для меня уже не осталось ничего въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ я отрекся отъ него; ибо преходитъ образъ міра сего.»

Сіи-то именно расположенія Св. Пахомій хотѣлъ найти въ своемъ ученикѣ. Онъ опасался оспоривать ихъ и сказалъ ему:

---

(1) Ibid. n. 26

Я не спорю съ твоимъ мнѣніемъ, что Бога нужно любить болѣе матери. Іисусъ Христосъ сказалъ: аще кто любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ. Думаю, что когда святые Епископы, наши Отцы, услышатъ о твоемъ рѣшеніи, они вмѣсто того, чтобы огорчиться, возрадуются, видя, что ты успѣлъ въ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ преступленія въ томъ, что ты любишь своихъ родителей, только въ Іисусѣ Христѣ, какъ Его члены.

Мать Ѳеодора, узнавъ о его рѣшеніи, и не могши надѣяться когда-либо видѣть его, чтобы не лишиться надежды видѣться съ сыномъ, рѣшилась остаться въ женскомъ монастырѣ, который святый Пахомій основалъ на берегу рѣки, въ надеждѣ при случаѣ видѣть своего сына въ обществѣ другихъ иноковъ, а самой получить спасеніе своей души. Такъ люди, ревностные къ добродѣтели, хотя повидимому оскорбляютъ своею строгостію, но на дѣлѣ привлекаютъ только къ Богу!

Когда братъ Ѳеодора, Пафнутій (1), вступилъ въ монастырь, Ѳеодоръ обращался съ нимъ какъ съ постороннимъ и только послѣ приказанія Пахомія, видѣвшаго, что это огорчаетъ Пафнутія, сталъ съ нимъ ласковѣе. Ѳеодоръ имѣлъ еще старшаго брата Макарія, который по его примѣру сдѣлался монахомъ Тавенскимъ (2).

« Ѳеодоръ, говоритъ его жизнеописатель, хотя былъ очень молодъ, но съ пламенною ревностію питалъ свою душу чистыми и твердыми правилами Св. Писанія; со дня на день онъ укрѣплялся благодатію святаго Духа. Онъ старался во всемъ подражать своему отцу святому Пахомію, и повиновался ему, какъ самому Богу. Если случалось, что святый Авва упрекалъ его, онъ никогда не оправдывался и принималъ вы-

(1) Vita Pach. n. 40.
(2) Epist. Ammoni de vita Theodori n. 11.

говоръ съ смиреннымъ молчаніемъ, хотя иногда былъ и невиненъ. Когда по забвенію Пахомій давалъ ему противорѣчащія приказанія, но Ѳеодоръ говорилъ въ своемъ сердцѣ: это человѣкъ Божій, будучи иногда восхищенъ внѣ себя Духомъ Божіимъ, онъ приказываетъ противное волѣ моей, чтобы сдѣлать меня лучшимъ, поелику я такъ несовершенъ: посему я долженъ стенать предъ Богомъ, дабы онъ далъ мнѣ сердце правое и всегда готовое повиноваться волѣ Его Святыхъ. »

Эта безпрекословная готовность была тѣмъ болѣе похвальна въ Ѳеодорѣ, что онъ имѣлъ умъ образованный и просвѣщеніе выше своего возраста; и если его таланты возвысили его въ послѣдствіи до перваго мѣста въ обществѣ, то можно сказать, что одною изъ добродѣтелей, которыя сдѣлали его достойнымъ начальствованія, была добродѣтель совершеннаго умѣнія повиноваться.

Чтобы болѣе дать способовъ пріобрѣтать Ѳеодору опытность въ духовной жизни Пахомій возлагалъ на него обязанность утѣшать скорбящихъ, давать наставленіе неопытнымъ. Ему было не болѣе двадцати лѣтъ, когда Пахомій заставлялъ его вмѣсто себя говорить братіи поученія и нашелъ въ его бесѣдѣ много поучительнаго (1).

Преподобный Пахомій сдѣлалъ его экономомъ и начальникомъ Тавенны; и хотя эта должность была не очень легка для монаха тридцати лѣтъ, какимъ былъ тогда Ѳеодоръ (2), но онъ хотѣлъ, чтобы Ѳеодоръ посѣщалъ и другіе монастыри, предоставляя ему право распоряжаться вмѣсто себя. Пахомій нерѣдко приходившимъ къ нему говорилъ, что онъ проходитъ должность вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ.

Между тѣмъ Ѳеодоръ хотя занималъ первое мѣсто въ Та-

(1) Ibid. n. 41. 49.
(2) Ibid. n. 58.

вениѣ (1), но велъ себя такъ смиренно, какъ будто не имѣлъ никакой власти. Умъ его всегда возвышенъ былъ къ Богу, въ его дѣйствіяхъ всегда видна была его святая любовь; но это не препятствовало ему заботиться о своихъ братіяхъ. Съ неутомимымъ вниманіемъ онъ бодрствовалъ надъ всѣми нуждами духовными и временными. Имѣя чудесный даръ слова, производившій дивныя дѣйствія въ обществѣ иноковъ, Ѳеодоръ почиталъ себя мало способнымъ давать наставленія; потому каждый день ходилъ изъ Тавенны въ Пабау, гдѣ жилъ Святый Пахомій, чтобы слушать его наставленія, которыя потомъ онъ передавалъ своимъ инокамъ предъ сномъ (2).

Его способность ободрять малодушныхъ и утѣшать скорбныхъ дѣлала то, что во время посѣщеній всѣ монахи принимали его съ радостію и необыкновеннымъ чувствомъ (3). Тогда какъ Пахомій старался побуждать братію къ покаянію представленіемъ грозной участи грѣшниковъ, Ѳеодоръ старался пробуждать въ душахъ болѣе упованіе, нежели страхъ. Приведемъ одинъ случай, показывающій съ какою кротостію Ѳеодоръ разбиралъ спорныя дѣла. Однажды привели брата неправильно обвиненнаго въ воровствѣ. По уставу слѣдовало его выслать изъ монастыря. Виновный въ кражѣ, который считался исправнымъ монахомъ, мучимый угрызеніями совѣсти пошелъ къ Ѳеодору и наединѣ признался ему въ преступленіи. Видя раскаяніе виновнаго Ѳеодоръ простилъ его, и не рѣшился открыть братіи. Призвавъ невинно обвиненнаго онъ сказалъ: знаю, что ты невиноватъ въ воровствѣ. Если ты потерпѣлъ что нибудь отъ братіи, то думай, что ты заслужилъ это другими недостатками, потому тебѣ нужно болѣе утверждаться въ страхѣ Божіемъ (4).

---

(1) Ibid. n. 30.
(2) Ibid. n. 36.
(3) Ibid. n. 38.
(4) Ibid. n. 82.

Хотя св. Пахомій ввѣрилъ Ѳеодору заботу о руководствѣ другихъ, но непреставалъ бодрствовать надъ его успѣхами въ усовершенствованіи, и не забывалъ ничего, что почиталъ нужнымъ, или для того, чтобы утвердить его въ добродѣтеляхъ, какія онъ пріобрѣлъ, или исправить, когда замѣчалъ въ немъ что либо предосудительное или возбудить его дѣлать новые успѣхи.

Однажды, когда онъ страдалъ сильною головною болію, просилъ св. Пахомія испросить ему у Бога исцѣленіе: но Святой, пользу его души предпочитая облегченію его тѣла, далъ ему только увѣщаніе переносить болѣзнь съ терпѣніемъ, по примѣру св. Іова.

Богъ даровалъ Ѳеодору благодать видѣній, и онъ, какъ скоро имѣлъ какое-либо видѣніе, давалъ въ томъ отчетъ своему духовному отцу Пр. Пахомію. Пахомій обыкновенно отвѣчалъ ему такъ, чтобы предостеречь его отъ суетной славы, и держать его постоянно въ предѣлахъ смиренія. При одномъ изъ сихъ случаевъ онъ сказалъ ему, что Богъ открываетъ ему истину только тѣмъ образомъ, какимъ онъ способенъ понимать ее; въ другомъ случаѣ, что получившій десять талантовъ пріобрѣлъ другія десять, что онъ долженъ примѣнять къ себѣ сію притчу, и стараться достойными плодами воздавать за полученную благодать; симъ Ѳеодоръ такъ былъ тронутъ, что исполнился чувства сокрушенія и великаго смиренія.

Но сей превосходный духовный отецъ въ иной разъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ нему съ большою строгостію, дабы очистить его отъ чувства тщеславія, и чтобы нѣкоторымъ образомъ сдѣлать его непоколебимымъ въ совершенномъ смиреніи, и Ѳеодоръ соотвѣтствовалъ его наставленіямъ такъ совершенно, что не знаешь, чему болѣе удивляться, ревности ли и мудрости учителя, или понятливости ученика (1).

(1) Ibid. n. 68.

Преподобный Пахомій за два года до своей смерти сдѣлался боленъ въ Пабау и главные ученики его собрались вокругъ его, проникнутые печалію при описаніи лишиться своего отца. Они стали придумывать, кто бы могъ наслѣдовать ему въ его должности, и такъ какъ были убѣждены, что Ѳеодоръ былъ способнѣе другихъ, просили его обѣщать имъ, что въ случаѣ смерти ихъ блаженнаго отца, онъ не будетъ отказываться принять на себя заботу о руководствѣ братіи. Ѳеодоръ сначала отказывался и даже много разъ; но побѣжденный ихъ настоятельными прозьбами обѣщалъ исполнить ихъ желаніе.

Вынудившіе согласіе Ѳеодора весьма далеки были отъ той мысли, что онъ, давая его, сдѣлалъ погрѣшность. Но не такъ судилъ объ этомъ Пахомій, желавшій видѣть въ Ѳеодорѣ болѣе смиренія и въ семъ случаѣ показалъ превосходство своего вѣденія предъ знаніемъ своихъ учениковъ въ различеніи чувствъ самолюбія. Онъ видѣлъ, что въ Ѳеодорѣ кроется это чувство.

Чтобы подавить въ немъ сѣмена сего и сдѣлать его добродѣтель совершенною, св. Пахомій велѣлъ призвать его вмѣстѣ съ другими настоятелями, каковы были Суръ, Псеноизій, Пафнутій и Корнилій, и велѣлъ каждому изъ нихъ въ его присутствіи сказать о порокахъ, въ коихъ чувствуетъ себя виновнымъ; прежде всѣхъ сказалъ онъ самъ, дабы подать другимъ примѣръ сего. Потомъ спросилъ Ѳеодора, не имѣетъ ли онъ упрекнуть себя въ чемъ-либо. Тогда Ѳеодоръ, со смиреніемъ исповѣдуя то, что происходило въ его душѣ, сказалъ: « уже семь лѣтъ, какъ ты раздѣляешь со мною должность управленія братіями, и все это время я никогда не имѣлъ мысли наслѣдовать тебѣ въ управленіи, но теперь на меня напало сіе покушеніе, и я чувствую, что не борюсь съ нимъ, какъ должно. »

« Ты говоришь правду, сказалъ ему Пахомій, и я вижу, что ты не достигъ еще того, чтобы совсѣмъ подавить въ себѣ худыя наклонности природы. Тебѣ нужно жить въ уединеніи и

просить прощенія у Бога.» Онъ уволилъ его отъ управленія братіею и возвратилъ его въ состояніе простаго монаха.

Ѳеодоръ вышелъ изъ собранія съ живою скорбію, не о томъ, что лишенъ былъ должности, но о томъ, что дозволилъ войти въ свое сердце тщеславію и опечалилъ своего духовнаго отца; онъ удалился въ келію, и тамъ предался стенаніямъ и слезамъ, опасаясь, чтобы Богъ не отвергъ его отъ Своего лица.

Два года находился онъ въ этомъ состояніи покаянія (1), до самой смерти Пахомія, и въ продолженіе всего этого времени, онъ съ такою ревностію старался упражнять себя въ смиреніи, что во всемъ велъ себя, какъ новоначальный. Онъ такъ горько оплакивалъ свой проступокъ, что опасались, какъ бы обиліе слезъ его не повредило его зрѣнію (2) наконецъ онъ показалъ столько знаковъ глубокаго смиренія, что Пр. Пахомій не опасался сказать, что въ теченіе сего времени Богъ далъ ему благодать преуспѣть въ совершенствѣ въ семь разъ болѣе, нежели какое онъ имѣлъ прежде.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Пахомія (3), Закхей казначей общества, отправляясь въ Александрію, выпросилъ у него, чтобы Ѳеодоръ сопутствовалъ ему въ семъ путешествіи. Ѳеодоръ (4), по возвращеніи, нашелъ его въ Пахнумѣ, куда онъ удалился послѣ собора въ Литоплѣ и разсказалъ ему о печальномъ состояніи Церкви Александрійской, отъ дерзости Аріанъ; Св. Пахомій вскорѣ послѣ сего впалъ въ болѣзнь, и Ѳеодоръ оставался при немъ до его послѣдняго вздоха.

Предъ смертію Пахомій три раза заповѣдывалъ ему не

---

(1) Ibid. n. 69.
(2) Ibid. n. 78.
(4) Ibid. n. 70.
(3) Ibid. n. 73.

оставлять тѣхъ изъ братій, коихъ онъ увидитъ нерадивыми въ служеніи къ Богу (1).

Пекуза юношей еще былъ принятъ въ монастырь. По причинѣ молодости онъ не былъ еще постриженъ. Но и въ юные годы такъ успѣлъ въ духовной жизни, что Преп. Пахомій далъ ему наименованіе слуги Божія. Его нашелъ св. Ѳеодоръ въ одномъ изъ монастырей пустынножителей, живущихъ на пути въ Литополь. Пекуза пользовался довѣренностію Пахомія и слышалъ отъ него о многихъ откровеніяхъ. Онъ владѣлъ и даромъ чудотвореній, и славился въ монастырѣ святостію своей жизни (2).

Корнелій также съ юности посвятилъ себя на служеніе Богу. Постоянная собранность его духа, его благоговѣніе къ молитвѣ сдѣлала то, что во время Богослуженія его духъ не развлекался посторонними мыслями, онъ былъ весь въ Богѣ (3). Ѳеодоръ Александрійскій однажды жаловался Пахомію, что онъ не можетъ совершать самой краткой молитвы безъ того, чтобы умъ его не развлекался, тогда какъ Корнелій совершаетъ самыя долгія молитвы безъ развлеченія. «Если рабъ, отвѣчалъ Пахомій, видитъ человѣка свободнаго, хотя и бѣднаго, онъ хочетъ сдѣлаться свободнымъ. Если незнатный видитъ вельможу, онъ хочетъ сдѣлаться подобнымъ ему; вельможа видитъ царя, завидуетъ его могуществу и желаетъ царства. Корнелій по благодати Божіей имѣетъ то, что получилъ послѣ долгой борьбы. Трудись, какъ дѣлалъ онъ, и уповай, что Богъ даруетъ нужное (4). Отправляясь основывать монастырь Панесъ, Пахомій взялъ съ собою Корнелія. Одинъ тамошній философъ, желая бесѣдовать съ Пахоміемъ, пришелъ въ новый монастырь. Пахомій поручилъ Корнелію бесѣду

(1) Ibid. n. 75.
(2) Amm. Epist. c. 2
(3) Boll. v. Pach. c. 9. n. 71.
(4) Ibid. c. 7. n. 51.

съ нимъ. « Ты, монахъ, сказалъ философъ, пользуешься славою понимать предметы трудные, дай отвѣтъ на вопросъ: что должно думать о томъ странникѣ, который пришелъ въ Панесъ продавать маслины, гдѣ ихъ большое изобиліе (1). Корнелій понялъ, на что намекаетъ философъ, и отвѣчалъ ему: « правда много маслинъ въ Панесѣ, но не достаетъ въ немъ соли,— и эту-то соль мы принесли вамъ? » Философъ не сталъ болѣе спрашивать и удалился. Однажды Пахомій, плывя въ лодкѣ по Нилу для осмотра монастырей, предложилъ провожавшимъ его инокамъ провести ночь въ молитвѣ. Одинъ промолился всю ночь, другой, не имѣя силъ провести ночь въ молитвѣ, легъ спать. Пахомій прибылъ въ Монхозъ, гдѣ Корнелій былъ экономомъ и настоятелемъ (2). Узнавъ отъ брата, какъ онъ заснулъ во время молитвы, Корнелій сказалъ ему: лѣнивецъ! какъ ты юный лѣтами допустилъ побѣдить себя немощному старцу? Пахомій слышалъ эти слова, и при наступленіи ночи предложилъ Корнелію молиться вмѣстѣ. Они продолжали свою молитву до утра, Корнелій утомился. Утромъ Пахомій предложилъ Корнелію идти къ утреннему Богослуженію. Корнелій признался, что онъ такъ ослабѣлъ, что не можетъ болѣе молиться. «Ахъ, Корнелій, сказалъ тогда Пахомій, такъ ли ты немощному старцу позволилъ побѣдить себя?» Корнелій понялъ обличеніе Пахомія, и исповѣдалъ, что онъ не имѣетъ еще полной любви къ братіи.

Былъ еще въ монастырѣ Монхозѣ инокъ Іона — садовникъ (3). Онъ питался только сухими травами, никогда не вкушалъ онъ вареной пищи, не съѣдалъ плода съ деревъ, за которыми ходилъ. Три овечьихъ кожи сшитыя вмѣстѣ составляли его одежду. Льняный хитонъ онъ надѣвалъ только тогда, какъ причащался Святыхъ Таинъ. Послѣ непрерывныхъ дневныхъ трудовъ въ саду, онъ садился посреди келліи своей

(1) Ibid. c. 3. n. 38.
(2) Ibid, n. 39.
3) Vita Pach. paralj. c. 3. n. 28.

на небольшомъ стулѣ, совершалъ полунощницу или занимался Богомышленіемъ, плетя веревки изъ тростника. Если сонъ такъ овладѣлъ имъ, что онъ не могъ бороться съ нимъ, тогда предавался на короткое время дремотѣ, не выпуская впрочемъ своей работы изъ рукъ. Была среди монастыря смоковница, на которой было много плодовъ. Дѣти, воспитывавшіеся въ монастырѣ, часто лѣзали на нее, соблазняясь плодами. Поэтому Св. Пахомій велѣлъ срубить ее. Іонѣ жаль было этой смоковницы, и онъ упросилъ Пахомія оставить ее. Пахомій согласился. Но на другой день Іона нашелъ, что смоковница засохла. Видя, что Богъ чудеснымъ образомъ сдѣлалъ то, отъ исполненія чего онъ отказывался; Іона пролилъ слезы сожалѣнія, не о смоковницѣ, но о своемъ ослушаніи. Сдѣлавшись боленъ, онъ не измѣнилъ своего образа жизни. Не будучи въ силахъ работать въ саду, онъ трудился въ своей келіи. Онъ не хотѣлъ, чтобы его отвели въ больницу. Наконецъ его нашли почившаго сномъ смертнымъ на стулѣ его, въ рукахъ онъ держалъ веревку изъ тростника, и его схоронили въ его кожанной одеждѣ; потому что не было силъ снять ее.

Тиѳой, бывшій начальникомъ братіи больничной, и потомъ послѣ Эпониха завѣдывавшій женскимъ Тавенскимъ монастыремъ, былъ полонъ такой горячей ревности къ самоумерщвленію, что готовъ былъ претерпѣть мученіе и смерть только бы не отступить отъ правилъ умѣренности. Всю свою жизнь онъ провелъ въ совершенной чистотѣ и подвигахъ истиннаго монаха. Онъ достигъ такой высоты въ молитвѣ, что едва возносилъ свои руки горѣ, какъ духъ его восхищался. Онъ почиталъ за правило, что молитва и воздержаніе—самыя сильныя средства сохранить сердце въ чистотѣ. Авва Матой говорилъ объ немъ, что онъ подобенъ золоту, въ горнилѣ искушенному (1).

(1) Vita Pach. c. 6. n. 30. Достоп сказ. о подвиж. 274. Vit. Pach. c. 7. n. 33.

Кромѣ Ѳеодора Освященнаго былъ у Пахомія другой ученикъ Ѳеодоръ. Онъ былъ чтецомъ Александрійской Церкви, и будучи еще въ мірѣ проводилъ подвижническую жизнь. Услышавъ о св. Пахоміѣ онъ пришелъ къ нему въ Тавенну, дабы жить въ совершенномъ отреченіи отъ міра. Пахомій отдалъ его подъ руководство знавшему языкъ Греческій, пока не выучится Египетскому. Скоро Ѳеодоръ преуспѣлъ въ добродѣтели. Около 335 года Пахомій отдалъ подъ его руководство всѣхъ Грековъ, далъ ему правила для управленія ими. Онъ тринадцать лѣтъ управлялъ небольшою ввѣренною ему братіею, которая подъ его руководствомъ украшалась всѣми добродѣтелями. Ѳеодоръ служилъ переводчикомъ для Пахомія при бесѣдахъ его съ Греками и Латинянами, непонимавшими языка Египетскаго (1). Когда подъ его руководствомъ былъ Аммонъ, то всей братіи у Ѳеодора было двадцать человѣкъ. Помощникомъ у него былъ Авзоній, въ послѣдствіи наслѣдовавшій Ѳеодору Освященному въ управленіи монастырями (2).

Много было и другихъ подвижниковъ среди учениковъ Пахомія. Они хранили такое воздержаніе, что и въ преклонныхъ лѣтахъ во время болѣзни не употребляли вина, не ложились въ постель, послѣдняя минута ихъ жизни заставала ихъ сидящими. Въ числѣ ихъ можно назвать Пафнутія, за добродѣтели названнаго Великимъ, бывшаго великимъ экономомъ въ Пабау (3); его преемникъ въ сей должности Исаіей (4), несмотря на преклонныя лѣта, съ терпѣніемъ и успѣхомъ проходилъ сію должность. Таковъ же былъ Эпонихъ, настоятель женскаго монастыря, Талма подражавшій терпѣнію Іова (5), и Аѳенадоръ. Пораженный проказою, Аѳенадоръ съ такимъ

---

(1) Vit. Boll. c. 10. n. 72 not. E. Epist. Amm. c. t. n. 3.
(2) Ibid. n. 3, 4.
(3) Boll. v. Pach. c. 6. n. 50. c. 9. n. 68.
(4) Ibid. c. 10. n. 79.
(5) Ibid. c. 7. n. 31.

спокойствіемъ переносилъ свою болѣзнь, что для примѣра другимъ Пахомій заставлялъ его жить въ разныхъ монастыряхъ. Онъ вкушалъ только сухой хлѣбъ, каждый день работывалъ по цыновкѣ Вечеромъ передъ сномъ избиралъ какое либо мѣсто Св. Писанія, и размышлялъ о немъ, пока не заснетъ. Однажды, по совѣту брата, вздумалъ было помазать лекарствомъ изцарапанныя тростникомъ руки. Но, не получивъ облегченія, цѣлый годъ оплакивалъ это дѣло, какъ малодушіе и маловѣріе (1). Одного инока во время молитвы укусилъ скорпіонъ. Вмѣсто того, чтобы оставить молитву, онъ сталъ ногою на скорпіона, и такъ докончивалъ свое правило не смотря на то, что болѣзнь уже развивалась въ его тѣлѣ. Св. Пахомій изцѣлилъ его своею молитвою (2).

Еще былъ въ числѣ учениковъ Пахомія Силуанъ. Онъ былъ комедіантомъ, но на двадцатомъ году возраста онъ ушелъ къ Пахомію. Пахомій указывалъ ему на трудность иноческой жизни, но Силуанъ изъявлялъ готовность переносить всѣ труды. Дѣйствительно нѣсколько времени онъ велъ себя истиннымъ монахомъ, но скоро ослабѣлъ, сталъ разсѣянъ, вспомнилъ прежнія шутки, и, служа посмѣшищемъ для другихъ, подавалъ соблазнъ многимъ. Неразъ Пахомій дѣлалъ ему замѣчанія, но, раскаяваясь на время, онъ не оставлялъ своей жизни. Наконецъ старшая братія, видя, что Силуанъ служитъ соблазномъ для братіи, настоятельно просили выгнать его изъ обители. Пахомій, обличивъ въ цѣломъ собраніи дурную жизнь, объявилъ ему, чтобы онъ оставилъ монастырь. Это потрясло Силуана. Схватясь за ноги Преподобнаго Пахомія, умолялъ его оставить въ монастырѣ, обѣщаясь совершенно исправить жизнь. Но Пахомій, неразъ обманутый уже Силуаномъ, не вѣрилъ и теперь искренности обѣщаній. Петроній взялъ Си-

---

(1) Vita Pach. c. 4. n. 35. c. 6. n. 36.
(2) Ibid. c. 9. n. 73. c. 10. n. 77. Parall. c. 3. n. 24.

луана подъ свое поручительство и попеченіе. Силуанъ дѣйствительно сталъ другимъ человѣкомъ. Онъ почти не поднималъ глазъ на братію, говорилъ очень мало, былъ такъ послушенъ, что безъ позволенія Аввы не дерзалъ сорвать листа травы. Его сокрушеніе было такъ велико, что онъ безпрестанно обливался слезами, такъ что не могъ удержать слезъ и во время трапезы. Онъ любилъ проводить время бодрственно. Вечеромъ, когда чувствовалъ утомленіе, онъ садился посреди келліи и проводилъ ночь въ плетеніи цыновокъ.

«Могу ли я не плакать, говорилъ онъ братіи, когда святые иноки прислуживаютъ мнѣ, тогда какъ я долженъ лобызать самый прахъ, попираемый ими? Я изъ комедіантовъ принятъ въ число подвижниковъ, позналъ истину, и до того вознерадѣлъ о своемъ спасеніи, что едва не выгнали меня изъ сего монастыря. Я страшусь, чтобы не разверзлась подо мною земля и не пожрала меня. Я вижу неизмѣримость грѣховъ моихъ и готовъ отдать жизнь, только бы получить прощеніе.»

Это смиреніе было такъ глубоко и искренно, что Пахомій не усумнился предъ всѣми засвидѣтельствовать его высоту. Восемь лѣтъ прожилъ Силуанъ въ подвигѣ покаянія, и когда скончался онъ, Преподобный Пахомій видѣлъ, какъ множество силъ небесныхъ срѣтало душу его и представило Господу, какъ жертву избранную (1).

Руководство такихъ душъ по пути спасенія какъ ни пріятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовало великаго труда. Съ людьми, стоящими на высокой степени нравственнаго совершенства, бываютъ такія искушенія и паденія, отъ которыхъ предохранить, и которыя уврачевать можетъ только мужъ глубоко опытный въ духовной жизни, просвѣщенный небесною благодатію. Таковъ былъ духоносный Пахомій. Онъ старался умѣрять стрем-

(1) Boll. v. Pach. c. 8. n. 66. 67. Et parall. c. 1. n. 2—4

леніе къ особеннымъ подвигамъ, не рѣдко питающимъ тщеславіе. Такъ, не одобрялъ желаніе мученичества за Христа, которое пробудилось въ одномъ инокѣ. Но когда этотъ инокъ, при страхѣ мученій, отвергся Христа,— Пахомій не отвергъ его, обнадеживъ его упованіемъ на безконечное милосердіе Искупителя (2).

Особенно заботился онъ, чтобы чрезвычайныя состоянія облагодатствованныхъ душъ, сверхъестественные дары чудотворенія и прозорливости не повредили смиренію украшенныхъ ими. Какъ избранный сосудъ благодати Божіей, владѣя даромъ чудотворенія и прозорливости, Пахомій всегда сохранялъ смиреніе, и эти дары благодати не нарушали спокойнаго состоянія его духа и не отвлекали отъ обыкновенныхъ занятій. Если когда не исполнялась его молитва о чемъ-либо, онъ покарялся волѣ Божіей. « Для насъ всего полезнѣе то, говорилъ онъ, что̀ даетъ Его милосердіе, а наши просьбы, и съ чистымъ намѣреніемъ приносимыя, можетъ быть, Ему непріятны » (1). Невидимое чудо исцѣленія души онъ училъ предпочитать видимому чуду исцѣленія тѣлеснаго. « Какое чудо выше, говорилъ онъ, исцѣлить ли слѣпаго, или просвѣтить помраченнаго тьмою идолослуженія? Я не знаю высшаго чуда, какъ удержать языкъ отъ празднословія, душу отъ гордости, лѣности и всѣхъ пороковъ, и заставить человѣка по милосердію Божію перемѣнить жизнь, исправить худыя привычки » (2).

Когда одинъ изъ иноковъ просилъ его разсказать о какомъ-либо видѣніи, Пахомій сказалъ: « Такому грѣшнику, какъ я, непозволено желать имѣть видѣнія. Я возсталъ бы этимъ противъ воли Божіей, и впалъ бы въ обольщеніе. Но вотъ самое чудесное видѣніе: если ты увидишь лице человѣка, въ

(1) Paralip. Pach. n. 10. 11.
(2) Vita Pach. n. 38.
(3) Ibid. n. 31.

которомъ отражается чистота и глубокое смиреніе сердца; ибо какое лучше видѣніе, какъ видѣть невидимаго Бога обитающимъ въ человѣкѣ, какъ въ Своемъ храмѣ (1)? » Пахомій предостерегалъ своихъ учениковъ отъ видѣній изъ опасенія, чтобы ложныя видѣнія не совратили ихъ съ истиннаго пути. Онъ самъ искушаемъ былъ отъ діавола чрезъ ложныя видѣнія; но его духовная опытность открыла ему ясный признакъ обманчивости въ томъ смутномъ, тревожномъ ощущеніи, которое производили они. Видѣніе отъ Бога должно производить миръ и тишину въ душѣ (2). Однажды еретики—аріане для доказательства православія предлагали ему пройти по водѣ какъ по суху. « Все мое стараніе, сказалъ Пахомій, и всѣ мои усилія устремлены къ тому, чтобы избѣжать страшнаго суда Божія; какъ же я дерзну искушать Его подобными чудесами? При помощи демоновъ, сказалъ онъ, обратившись къ ученикамъ своимъ, аріане могутъ сдѣлать и это; но царствія Божія не получатъ. » Усердно онъ предохранялъ учениковъ отъ ересей аріанскихъ и отъ сочиненій Оригена, которыхъ не позволялъ имъ и читать (3).

Мудрость наставленій Пахомія привлекала къ нему всѣхъ пустынниковъ окрестныхъ странъ, находились ли они подъ его управленіемъ, или нѣтъ. Въ духовныхъ своихъ нуждахъ они искали его помощи. Настоятели различныхъ монастырей обращались къ нему за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ, какъ къ человѣку, получившему небесное просвѣщеніе. Даже епископы посылали къ нему монаховъ на судъ (4). Не только изъ Египта, но изъ Арменіи и съ Запада слава Пахомія приводила многихъ въ монастырь его, чтобы вступить

(1) Ibid. n. 32.
(2) Vita Pach. n. 55.
(3) Ibid. n. 33. 20. 21. Paralip Pach. n. 7.
(4) Ibid. n. 48.

подъ его руководство. Изъ его монастыря не мало иноковъ заняли епископскіе престолы.

Казалось, что благочестіе обителей Пахомія, такъ прочно устроенное и такъ хорошо основанное, должно было сохраняться долго, долго. Но велика слабость человѣческая! Хотя во времена бл. Іеронима, Руфина, Палладія и Кассіана, то есть, около 50 лѣтъ спустя послѣ смерти Пахомія, иноки Тавенскіе были еще строги; но немного спустя, эти обители представляли только жалкіе остатки прежняго духа.

Будущая горестная судьба Тавенскихъ обителей не сокрылась отъ прозорливаго взора Пахомія. Господь, можетъ быть, для большаго смиренія открылъ ему упадокъ духовной жизни въ основанныхъ имъ монастыряхъ. Однажды, во время молитвы, Пахомій, пришедши въ восторгъ, видитъ, что одни изъ его братіи окружены пламенемъ, изъ котораго не могутъ выйдти; другіе такъ оплетены терніемъ, что оно колетъ ихъ отвсюду; иные стоятъ на краю страшной пропасти, и не могутъ отойти отъ нея. Въ другой разъ, когда онъ молился о будущей судьбѣ своей обители, предъ нимъ открылось другое видѣніе. Предъ его глазами былъ ровъ, наполненный иноками. Они хотятъ выйдти изъ него, но не могутъ, и тогда какъ поднимаются къ берегу, другіе приходятъ и останавливаютъ ихъ. Только немногіе съ трудомъ выходятъ изъ рва, и ихъ осіяваетъ свѣтъ. Съ рыданіемъ повергся на землю Преподобный. «Господи, взывалъ онъ, если такова судьба иноковъ; то за чѣмъ Ты восхотѣлъ, чтобы были киновіи и монастыри? Помяни завѣтъ Твой, въ которомъ Ты обѣщалъ до конца сохранить служащихъ Тебѣ. Ты знаешь, что съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ на себя иноческій санъ, я смирялся передъ Тобою, не вкушалъ досыта хлѣба и воды.» Тогда онъ услышалъ голосъ: «Не хвались, слабый человѣкъ, но проси прощенія. Все держится Моимъ милосеріемъ.» Пахомій, повергшись на землю, умолялъ о прощеніи. Во время смиренной молитвы явился ему Господь Іисусъ и сказалъ: «Сѣмя

твое духовное не оскудѣетъ до конца вѣка. А изъ тѣхъ иноковъ, которые будутъ послѣ тебя, многіе выдутъ изъ глубины мрачнаго рва и явятся высшими нынѣшнихъ иноковъ; потому что безъ руководителей спасутся; иные спасутся черезъ напасти и скорби, и явятся равными великимъ святымъ.» Послѣ сихъ словъ Господь вознесся: и Пахомій вознесъ благодарныя молитвы къ Нему (1). Вѣрно слово Божіе! Хотя въ странѣ, гдѣ основалъ свою обитель Пахомій, нѣтъ почти и слѣда иноческихъ жилищъ; но его правила, его наставленія живы, и въ другихъ странахъ руководятъ иноковъ къ совершенству. Воздвигаются гоненія на иноковъ, ослабляется иногда и духовная жизнь среди ихъ: но всегда среди ихъ есть души, огнемъ ли бѣдствій, или самопроизвольными подвигами возвышающіяся надъ бездной погибели, воспаряющія къ небу и озаряемыя свѣтомъ благодати Божественной; и вѣримъ, что духовное сѣмя Пахомія не оскудѣетъ во вѣкъ.

Пахомій скончался отъ заразительной язвы, которая явилась въ его монастыряхъ. Въ короткое время умерло отъ нея болѣе ста иноковъ,— въ числѣ ихъ много главныхъ подвижниковъ, каковы: Суръ, Корнилій, Пафнутій, и другіе. Пахомій сорокъ дней былъ тяжело боленъ, но постоянно сохранялъ веселое расположеніе духа. За два дни до смерти онъ созвалъ начальниковъ и строителей всѣхъ монастырей своихъ, и сказалъ имъ: «Чувствую, что конецъ мой приближается. Помните все, что я такъ часто вамъ внушалъ. Будьте бодры въ молитвахъ и разсудительны во всѣхъ дѣйствіяхъ. Не имѣйте общенія съ послѣдователями Мелетія, Арія, Оригена; сближайтесь только съ тѣми, которые боятся Бога и могутъ принести вамъ пользу своею бесѣдою, доставляя душамъ вашимъ истинное утѣшеніе. Изберите между вами человѣка, который бы правилъ вами по духу Божію.» По желанію братіи онъ

(1) Vita Pach n. 43. Paralip. n. 17.

назначилъ въ преемники себѣ Петронія. Любимому ученику своему Ѳеодору поручилъ попеченіе о лѣнивыхъ изъ братіи. Оградившись знаменіемъ креста, онъ со свѣтлымъ лицемъ предалъ духъ свой Богу 9 Мая 348 года, 57 лѣтъ отъ роду, 35 лѣтъ подвизавшись въ монашествѣ (1).

(1) Vita Pach. n. 74. День кончины Преподобнаго Пахомія и лѣта его жизни мы опредѣляемъ по разысканію Тиллемона. Том. 7. п. 25. р. 691.

ПРЕЕМНИКИ ПАХОМІЯ

В Ъ

УПРАВЛЕНІИ ТАВЕНСКИМИ МОНАСТЫРЯМИ.

Предъ своею кончиною Преподобный Пахомій назначилъ своимъ преемникомъ Петронія. Онъ былъ начальникомъ монастыря Тисменъ, когда заразительная болѣзнь приблизила къ смерти Св. Пахомія и многихъ другихъ иноковъ. Онъ и самъ былъ застигнутъ сею болѣзнію, когда Пахомій приближаясь къ смерти послалъ къ нему приглашеніе прибыть немедленно въ Пабау. Слабый отъ болѣзни онъ не замедлилъ повиноваться приказанію своего св. Аввы. Но прибывъ въ монастырь нашелъ его уже умершимъ. Самъ Петроній, предчувствуя свою кончину, собралъ братію, чтобы узнать отъ нихъ, кого они желаютъ имѣть преемникомъ. Всѣ просили, чтобы избралъ онъ самъ, такъ же, какъ сдѣлалъ Пахомій. Петроній указалъ на Орсисія, находившагося тутъ, и самъ скончался тридцать дней спустя послѣ смерти Пахомія (1). Орсисій хотя не былъ

(1) Bolland. v, Pach. n. 75.

изъ первыхъ учениковъ Пахомія, но столько успѣлъ въ добродѣтели, преимущественно въ смиреніи, что Пахомій поставилъ его настоятелемъ монастыря Хенобоскъ. Когда Пахомію указали на молодость Орсинія, онъ сказалъ, что на Орсинія можно смотрѣть какъ на свѣщникъ, сіяющій въ домѣ Господнемъ (1). Выборъ Орсинія въ настоятеля пріятенъ былъ всѣмъ, кромѣ самаго избраннаго. Съ слезами говорилъ онъ, что бремя, какое хотятъ наложить на него выше его силъ. Но ни его просьбы, ни его слезы не могли отклонить избранія и онъ долженъ былъ подклонить свою выю подъ это иго (2).

Образцемъ въ управленіи монастырями, онъ всегда ставилъ образъ дѣйствія Пахомія. Своею кротостію въ обращеніи, нисколько не ослаблявшею его ревности, бдительности, заботы о соблюденіи устава онъ привлекалъ къ себѣ иноковъ. Частое посѣщеніе монастырей давало ему возможность близко знакомиться съ духовнымъ состояніемъ иноковъ. Владѣя даромъ мудро говорить о предметахъ духовныхъ, онъ свою рѣчь любилъ пополнять сравненіями и притчами, что дѣлало болѣе пріятною его бесѣду.

« Вы знаете, говорилъ онъ однажды инокамъ, съ какимъ глубокимъ знаніемъ Св. Писанія нашъ св. Отецъ Пахомій обыкновенно говорилъ намъ о предметахъ небесныхъ. Но я думаю, если человѣкъ съ великимъ стараніемъ и прилежаніемъ не хранитъ свою душу, то легко забываетъ все, что слышалъ когда-либо полезнаго, и впадаетъ въ лѣность: такъ что наконецъ демонъ овладѣваетъ его душею, и безъ труда строитъ свои ковы. »

« Это тоже, продолжалъ онъ, какъ если кто, приготовивъ хорошо лампаду для употребленія не подливаетъ въ нее масла.

---

(1) Bolland. v. Pach. n. 73. 76.
(2) Ibid. n. 76.

Напрасно ждать, чтобы она свѣтила; она скоро погаснетъ и оставитъ во тьмѣ. Случается иногда и худшее: мышь, ходящая около съѣдаетъ самую свѣтильну и часто опрокидываетъ самую лампаду, которая тотчасъ разбивается, если она изъ хрупкаго вещества, но ее снова можно приготовить и зажечь, если она изъ вещества твердаго и не ломкаго. Тоже самое можно сказать о душѣ, которая оставляетъ попеченіе о своемъ спасеніи. Духъ Святый мало по-малу оставляетъ ее, пока она совсѣмъ не лишится Божественной теплоты. Тогда врагъ лишаетъ душу всякія бодрости и тѣло поражаетъ изнеможеніемъ. Но тотъ, кто утвердился духомъ своимъ въ служеніи Богу, если временно и впадаетъ въ нерадѣніе, то по милосердію Господь, пробуждая въ душѣ его страхъ Свой и память вѣчныхъ мукъ, возбуждаетъ его и охраняя его съ великою заботливостію, удостоитъ его Своего обитанія. »

Такъ наставлялъ онъ своихъ иноковъ, пользуясь сравненіями, которыя заставляли слушать его съ удовольствіемъ и всегда съ пользою. Но въ послѣдствіи умѣлъ (1) и не прибѣгая къ притчамъ говорить ясно и вразумительно. Всегда главнымъ предметомъ его бесѣдъ было внушать соблюденіе правилъ, утвержденныхъ Св. Пахоміемъ и всѣхъ повелѣній, какія получаютъ они отъ начальниковъ.

Когда Св. Аѳанасій со славою утвердился на своемъ престолѣ въ Александріи, по предсказанію Св. Пахомія, Орсиній послалъ къ нему нѣкоторыхъ изъ своихъ иноковъ, въ главѣ коихъ былъ Закхей, главный экономъ монастырей (2). Они, услыхавъ, что Св. Антоній находится во внѣшней горѣ, захотѣли воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ, чтобы видѣть его и испросить его благословеніе.

---

(1) № 78.
(2) № 77.

Какъ скоро святой старецъ услышалъ, что они пришли къ нему, тотчасъ поднялся съ мѣста, на коемъ сидѣлъ, и, не смотря на свои девяносто восемь лѣтъ, вышелъ къ нимъ съ радостію и съ участіемъ спросилъ ихъ о Св. Пахоміѣ. На его вопросъ они отвѣчали только слезами, кои давали понять, что ихъ Аввы не было въ живыхъ. Утѣшивъ скорбныхъ иноковъ похвалою ихъ Аввѣ, Антоній спросилъ ихъ, кто былъ преемникомъ Пахомія. Они сказали ему, что Пахомій назначилъ Петронія, но тотъ уже умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ, а на его мѣсто поставленъ Орсисій. Потому ли, что слухъ объ Орсисіѣ достигъ уже до Антонія, или Богъ открылъ ему то сверхъестественнымъ образомъ, онъ сказалъ имъ: не называйте его Орсисіемъ, но лучше называйте его Израильтяниномъ: и поелику вы идете къ Епископу Аѳанасію, то скажите ему отъ меня: Антоній проситъ позаботиться о духовныхъ дѣтяхъ Израильтянина. Онъ далъ имъ письмо къ Аѳанасію и преподалъ свое благословеніе.

Святый Аѳанасій принялъ ихъ съ любовію и въ послѣдствіи заботился о поддержаніи ихъ монастырей.

Орсисій съ своей стороны прилагалъ къ тому все свое вниманіе (1), и въ самомъ дѣлѣ монастыри подъ его руководствомъ нѣсколько времени пребывали въ томъ благочестіи и единеніи, въ какомъ оставилъ ихъ Св. Пахомій. Этому много способствовали старцы, ученики Святаго, коихъ пощадила заразительная язва; они были опорами иночества. Изъ числа этихъ старцевъ можно наименовать Псентезія, Пекузія, Корнелія, Павла, Іоанна, Пахомія. Но такъ какъ язва похитила многихъ начальниковъ, то Орсисій имѣлъ обязанность восполнить ихъ недостатокъ. Это было тѣмъ труднѣе, что между нѣкоторыми монахами началъ вкрадываться духъ честолюбія,

(1) № 79.

угрожавшій разрушеніемъ мира, о сохраненіи коего Орсисій старался со всевозможною заботою.

« Я знаю, говорилъ онъ имъ, что нѣкоторые между вами домогаются начальства. Этого не было при жизни вашего блаженнаго отца. Тогда всякій старался отличаться готовностію повиноваться, опасаясь только, чтобы не быть послѣднимъ въ Царствѣ небесномъ. Вы сами знаете какихъ слезъ и скорбей мнѣ стоило рѣшиться послѣдовать Петронію, когда онъ назначилъ меня занять его мѣсто, при мысли, какъ опасно принять на себя бремя управленія душъ. Не я одинъ, но и святые тоже чувствовали. Первый пророкъ Моисей, посланный для освобожденія и управленія народомъ Израильскимъ, умолялъ Господа съ великимъ страхомъ, чтобы Онъ не гнѣвался на него за управленіе, и тогда принялъ назначенное ему служеніе. »

« Мы также, братіе, слыша слова: всякъ возносяй себе смирится, будемъ удаляться отъ всякаго честолюбія. Не всѣ могутъ достойно управлять душами, но только тѣ, которые совершеннѣе другихъ. Выслушайте сію притчу: если необожженый кирпичь полагаютъ въ основаніе зданія, построеннаго недалеко отъ рѣки, онъ не прослужитъ и одного дня; но если онъ хорошо обожженъ. то будетъ крѣпокъ, какъ самый твердый камень. Также бываетъ съ людьми, мудрствующими еще по плоти, если они прежде не воспламенятся огнемъ Божественныхъ Писаній, при самомъ началѣ своихъ стремленій претерпятъ жалкую неудачу; ибо много искушеній для тѣхъ, которые хотятъ управлять множествомъ людей. Но достоинъ похвалы тотъ, кто сознавая свою немощь старается скорѣе сложить возложенное на него бремя, чтобы не ввергнуться въ большія опасности. А тѣ, которые не колеблются въ вѣрѣ, остаются твердыми и крѣпкими во всѣхъ обстоятельствахъ. » Это тайное честолюбіе нѣкоторыхъ, которое Орсисій старался уничтожить, было какъ бы предвѣстіемъ смятенія, происшедшаго между иноками, причинившаго много бѣдъ и безпо-

койствъ (1). Число иноковъ значительно увеличилось; необходимость помѣщать ихъ требовала пріобрѣтенія земель и употребленія другихъ средствъ для ихъ прокормленія. Но заботы временныя, коими занялись съ ревностію и противъ духа устава, во многихъ начальникахъ, или подчиненныхъ настоятеляхъ, ослабили собранность и безстрастіе сердца и ревность къ благочестію.

Первый подалъ къ сему поводъ Аполлоній — настоятель Монхоза. Тогда какъ по уставу Св. Пахомія монастыри должны имѣть все общее, онъ захотѣлъ дѣлать пріобрѣтенія особыя, и даже излишнія для его монастыря. Орсисій по своей обязанности сначала кротко обличалъ его, но потомъ сдѣлалъ строгій выговоръ: но Аполлоній худо принялъ вразумленіе, и побуждаемый духомъ любочестія вздумалъ отдѣлиться отъ Орсисія и сдѣлать свой монастырь независимымъ отъ братства Пахоміева.

Его примѣръ тотчасъ нашелъ подражателей. Сколько ни прилагалъ Орсисій заботы, дабы удержать распространеніе зла, но имѣлъ несчастіе видѣть всѣ свои усилія почти безполезными, по непреклонному упорству этихъ безпокойныхъ и честолюбивыхъ умовъ.

Въ семъ опасномъ случаѣ онъ придумалъ призвать къ участію въ управленіи кого-либо изъ монаховъ, пользующихся особою довѣренностію братіи. Онъ желалъ, чтобы Самъ Господь указалъ ему сотрудника.

Удалясь въ пустынное мѣсто тамъ съ сокрушеніемъ сердца обратился онъ къ Богу съ молитвою. «Господи, такъ онъ молился, рабъ твой Петроній умирая поручилъ мнѣ управленіе братіями и попеченіе о ихъ спасеніи; но кромѣ одной частіи, которая остается вѣрною правиламъ, поставленнымъ

(1) № 81.

святымъ отцемъ нашимъ Пахоміемъ, другіе не хотятъ слушать моихъ наставленій, и хотятъ лучше слѣдовать желаніямъ своего сердца. Горько мнѣ видѣть такое смущеніе въ монастыряхъ и не по моей винѣ или нерадѣнію. Ты вѣдаешь, Господи, что я никому не подавалъ повода къ смятенію. Не одинъ только сей монастырь печалитъ меня, но я вижу, что это проникло и въ другіе, и угрожаетъ совсѣмъ нарушить тишину, и я боюсь, что въ послѣдствіи не останется и слѣдовъ того прекраснаго единенія, которое царствовало здѣсь прежде. Посему я, болѣе не имѣя силъ одинъ поддерживать столь великое бремя, молю тебя, Господи, Самъ укажи мнѣ человѣка болѣе твердаго и мужественнаго и я назову его имъ, дабы мнѣ не сдѣлаться виновнымъ въ погибели ихъ душъ. »

Въ туже самую ночь, Богъ открылъ ему волю Свою въ таинственномъ сновидѣніи, которое ему не трудно было изъяснить (1). Онъ увидѣлъ два ложа, равно прекрасныя и драгоцѣнныя; но одно изъ нихъ было старо и ветхо, другое новое; слѣдовательно послѣднее было крѣпче и тверже перваго. Онъ услышалъ сіи слова: « возлягъ на новое ложе. » По своемъ пробужденіи размышляя о семъ видѣніи, онъ понялъ, что Ѳеодоръ, любимый ученикъ Пахомія, обозначался симъ новымъ ложемъ. Эта мысль облегчила его горесть,— тѣмъ болѣе, что онъ нѣжно любилъ Ѳеодора, и не зналъ человѣка болѣе его способнаго стать выше ропота другихъ, или примирить ихъ кротостію своего смиренія.

На утро созвалъ онъ всѣхъ начальниковъ различныхъ монастырей, исключая Ѳеодора, и видя, что всѣ они собрались, сказалъ имъ: « Вы знаете, какое смятеніе возникло въ братствѣ. Я доселѣ терпѣлъ въ надеждѣ; что буря пройдетъ, случилось напротивъ, зло болѣе увеличилось. Признаюсь вамъ,

(1) № 82.

что не могу болѣе одинъ сносить столько заботъ и безпокойствъ, и надѣюсь вы не станете принуждать меня къ тому, поелику вижу, что не могу помочь. Я думаю, что Ѳеодоръ болѣе меня способенъ въ настоящемъ бѣдственномъ случаѣ управлять монастырями, тѣмъ болѣе, что съ давняго времени онъ заслужилъ уваженіе у всѣхъ иноковъ, также какъ пользовался любовію и нашего Св. Отца.»

Этотъ выборъ всѣми былъ принятъ съ радостію, ибо всегда имѣли большую довѣренность къ Ѳеодору За нимъ послали, чтобы признать его главнымъ Аввою; и между тѣмъ какъ дожидались его Орсисій удалился въ монастырь Хенобоскъ (1); Ѳеодоръ рѣшительно отказался занять мѣсто Орсисія. Онъ сказалъ, что не вкуситъ пищи до тѣхъ поръ, пока не увидится съ Орсисіемъ. Три дни пробылъ онъ безъ пищи. Орсисій пришелъ и успѣлъ убѣдить Ѳеодора принять главное начальство надъ монастырями; а самъ опять удалился въ Хенобоскъ, оттуда нѣсколько времени спустя перешелъ на житье въ Монхозъ, частію для того, чтобы показать, что не имѣетъ никакого огорченія на братію сего монастыря, въ коемъ началось зло, частію для того, чтобы вкушать тамъ выгоды уединенія и послушанія въ состояніи частной жизни.

Но не такъ смотрѣлъ на это Ѳеодоръ; онъ почиталъ себя только его помощникомъ въ управленіи, и хотя Монхозъ гораздо далѣе, чѣмъ Хенобоскъ, отстоялъ отъ Пабау, гдѣ онъ утвердилъ свое пребываніе, не смотря на то, онъ часто ходилъ въ Монхозъ, чтобы испрашивать у Орсисія наставленія во всѣхъ дѣлахъ. Онъ убѣдилъ его перейти жить въ Пабау, дабы давать духовныя наставленія братіи. Онъ хотѣлъ, чтобы Орсисій, какъ и онъ самъ, посѣщалъ монастыри. Наконецъ Ѳеодоръ хотѣлъ быть только викаріемъ Орсисія и ихъ еди-

(1) № 83.

ченіе такъ было тѣсно, что было предметомъ удивленія и утѣшенія для братіи. Орсисій говорилъ, что онъ управлялъ также, какъ и тогда, какъ былъ одинъ настоятелемъ и называлъ Ѳеодора поистинѣ новымъ ложемъ, на коемъ Богъ повелѣлъ ему почить.

Послѣ кончины Преподобнаго Пахомія Ѳеодоръ велъ себя, какъ простой монахъ. Когда Орсисій дѣлалъ наставленія монахамъ, онъ сидѣлъ среди братіи и слушалъ такъ внимательно, какъ будто ничего не зналъ. Когда братія просила у него наставленій или разсказа о видѣніяхъ, которыя имѣлъ Пахомій, онъ отсылалъ ихъ къ Орсисію, какъ къ такому лицу, къ которому всѣ должны обращаться (1). Однажды Орсисій послалъ его въ Пабау для надзора за монастырскими работами. Тамъ увидалъ его Макарій настоятель монастыря Пахнумъ и просилъ его прибыть къ нему для устроенія пекарни, а въ самомъ дѣлѣ желалъ получить чрезъ него утѣшеніе для братіи. Отправляясь водою онъ такъ смиренно велъ себя на лодкѣ, что одинъ монахъ, не знавшій его принялъ его за новоначальнаго и далъ ему наставленія, сообразныя сему степени иночества; скромность, съ какою онъ выслушалъ совѣты и смиренные отвѣты, еще болѣе утвердили монаха въ сей мысли. Какъ же изумился онъ, когда увидѣлъ почетный пріемъ, съ какимъ встрѣтили его монахи?

Такъ какъ главною причиною, по которой Орсисій выбралъ Ѳеодора была та, чтобы водворить миръ и согласіе между братіей (2), посему объ этомъ-то предметѣ и была первая бесѣда новаго начальника; онъ сильно увѣщавалъ братію къ взаимной любви. Онъ представлялъ предъ ихъ очи, что утвержденіе иночества стоило ихъ отцу Св. Пахомію великихъ тру-

(1) № 78 и 83
(2) № 84.

довъ и борьбы съ демонами, и какъ они были бы виновны, своимъ раздѣленіемъ разрушая столь великое дѣло. Онъ представлялъ имъ блаженное состояніе, въ которомъ они были во времена своего святаго отца, и умолялъ ихъ полнымъ единодушіемъ и всецѣлымъ отреченіемъ отъ земныхъ вещей возстановить это состояніе. » Немного прошло лѣтъ, говорилъ онъ имъ, какъ умеръ нашъ отецъ, а кажется мы уже забыли ту радость и спокойствіе, коими наслаждались мы подъ его руководствомъ. Тогда всѣ наши мысли и всѣ наши разговоры обращались около слова Божія, сладчайшаго меда. Мы жили свободные отъ привязанностей къ предметамъ земнымъ, и наша мысль была болѣе въ небѣ, чѣмъ здѣсь на землѣ. Какъ озябшій отъ стужи бѣжитъ изо всѣхъ силъ своихъ, поелику чувствуетъ удовольствіе въ томъ, что нагрѣвается; такъ и мы искали Бога всею силою своихъ желаній, вкушали Его непзрѣченную благость, и сладость Его присутствія, когда имѣли счастіе находить Его. Но теперь въ какомъ бѣдственномъ положеніи находимся мы? Не удалены ли мы отъ Бога? Возвратимся же къ Нему и будемъ надѣяться, что Онъ перемѣнитъ наши сердца дѣйствіемъ Своего великаго милосердія.» Такъ говорилъ онъ имъ и былъ такъ проникнутъ предметомъ бесѣды, что не могъ удержать слезъ, и извлекъ ихъ изъ очей всѣхъ предстоящихъ.

Тотчасъ послѣ сего онъ предпринялъ посѣтить монастыри, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ иноковъ, и пользовался всѣмъ, что внушала ему его любовь, дабы привести умы къ общему единенію; и это ему удалось такъ хорошо, что онъ убѣдилъ и Аполлонія, виновника раздора, начальника Монхоза,— вступить въ общество, отъ коего онъ отдѣлилъ свой монастырь. Такимъ образомъ доброе согласіе было всецѣло утверждено.

Когда кротость и умѣренность Ѳеодора сдѣлались извѣстны во всѣхъ монастыряхъ, то привлекли къ нему такую довѣренность со стороны сихъ иноковъ, что всѣ они сходились къ нему, и безъ затрудненія открывали предъ нимъ тайныя рас-

положенія сердца своего (1). Съ своей стороны онъ ихъ утѣшалъ, одушевлялъ, укрѣплялъ, указывалъ имъ могущественныя средства противостоять искушеніямъ діавола, и врачевалъ ихъ внутреннія раны со всѣмъ искуствомъ и способностію врача духовнаго, опытнаго въ искуствѣ руководить души.

Θеодоръ умѣлъ сохранять терпѣніе и чудную любовь въ обращеніи съ тѣми, которые были нерадивы о своемъ спасеніи; онъ не переставалъ увѣщавать ихъ, чтобы тронуть ихъ, предлагалъ размышленія о судѣ страшномъ, о смерти, и особенно прибѣгалъ къ молитвѣ, чтобы Самъ Господь совершилъ ихъ исправленіе. Его побудило къ этому неутомимому терпѣнію убѣжденіе, что если по причинѣ трудности заставить нерадивыхъ войти въ самихъ себя, оставить безъ наставленія; то Богъ потребуетъ у него отчета въ погибели ихъ и тѣхъ, коихъ можетъ увлечь ихъ худой примѣръ. И этимъ онъ поддерживалъ себя въ постоянной заботѣ о спасеніи всѣхъ, употреблялъ къ тому все свое тщаніе, и нещадилъ трудовъ.

« Страшно, говорилъ онъ, дать отчетъ за самаго себя, но еще болѣе значитъ дать отчетъ за многихъ! » Между тѣмъ не смотря на вниманіе, какое онъ прилагалъ къ тому, на постоянный трудъ, которому онъ предавался, онъ, будучи въ высшей степени смиренъ, не думалъ, что онъ достойно исполняетъ свою должность, увѣряя всегда, что онъ далеко не имѣетъ качествъ хорошаго начальника. Въ этомъ смиренномъ взглядѣ на свое недостоинство онъ утверждался особенно, когда сравнивалъ себя съ своимъ блаженнымъ отцемъ Св. Пахоміемъ, и потому-то онъ непрестанно приводилъ на память своимъ инокамъ добродѣтели и уроки сего святаго Аввы, чтобы придать болѣе вѣса своимъ наставленіямъ, которыя

(1) № 85.

онъ почиталъ малозначительными, если не подкрѣпитъ ихъ авторитетомъ сего великаго святаго.

Его уваженіе къ Епископамъ, коихъ почиталъ преемниками Апостоловъ и своими отцами въ Іисусѣ Христѣ, показываетъ такъ же его вѣру и смиреніе (1). Отъ Св. Пахомія также наслѣдовалъ онъ глубокое уваженіе къ Св. Аѳанасію и повторялъ своимъ монахамъ слова Пахомія, что Богъ въ ихъ времена показалъ въ Египтѣ три чуда для утѣшенія и пользы тѣхъ, кои находились въ скорбяхъ,—Св. Аѳанасія, какъ безтрепетнаго защитника вѣры І. Христовой, Св. Антонія, какъ совершенный образецъ жизни отшельнической,—и общество Тавенское, назначенное служить правиломъ для всѣхъ, кои захотятъ жить въ иноческомъ общежитіи.

Какъ утвержденъ только былъ Аввою (2), Ѳеодоръ двоихъ изъ своихъ монаховъ, Ѳеофила и Копрія, послалъ къ Св. Аѳанасію, чтобы выразить свое уваженіе и послушаніе къ нему. По возвращеніи оттуда они привели изъ Александріи юношу семнадцати лѣтъ по имени Аммона, который по обращеніи къ вѣрѣ, услышавъ въ одной изъ бесѣдъ Аѳанасія похвалу иноческой жизни, рѣшился посвятить себя этой жизни. Сначала онъ хотѣлъ отдаться подъ руководство одного монаха Ѳиваидскаго, бывшаго тогда въ Александріи, но одинъ городской священникъ, съ которымъ онъ совѣтывался о своемъ намѣреніи, сказалъ, что этотъ монахъ еретикъ, и лучше совѣтывалъ ему ввѣрить себя Ѳеодору. Онъ воспользовался возвращеніемъ сихъ двухъ иноковъ, чтобы идти въ Тавенну. Это тотъ самый Аммонъ, который былъ въ послѣдствіи Епископомъ и въ письмѣ къ Ѳеодору Патріарху Александрійскому передалъ слышанное и видѣнное имъ о Св. Ѳеодорѣ. Живымъ словомъ очевидца Аммонъ изображаетъ предъ нами и бытъ

(1) № 87.
(2) Epist. Ammon. c. 1 n. 1.

Тавеннсихъ монаховъ и добродѣтели Св. Ѳеодора. Онъ говоритъ, что когда дошелъ до Пабау Св. Ѳеодоръ встрѣтилъ его въ воротахъ монастыря, сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, одѣлъ его въ иноческую одежду, ввелъ его въ мѣсто, гдѣ братія были собраны въ числѣ шести сотъ, и посадилъ его подлѣ себя подъ финиковымъ деревомъ. Удивительный порядокъ господствовалъ въ столь многочисленномъ собраніи монаховъ. Братія одинъ за другимъ вставали и подходили къ Ѳеодору, прося его предъ всѣми сказать, какіе ихъ недостатки. Ѳеодоръ говорилъ имъ какое-либо мѣсто изъ Св. Писанія, приличное состоянію каждаго, и сіи монахи возвращались на свои мѣста со слезами на глазахъ и съ сокрушеніемъ сердца. Нѣкоторые такъ сильно были тронуты, что проливали обильныя слезы, и извлекали ихъ у сидѣвшихъ рядомъ съ ними. Между тѣми, которые подходили къ Святому, чтобы просить его сказать ихъ недостатки, Аммонъ замѣтилъ одного, по имени Оріона Пателлолія, коему Святой сказалъ сіи слова Апостола: другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ, но объявилъ потомъ братіямъ, что сей монахъ весьма страшенъ для злыхъ духовъ.

Не по одному только опытному познанію нравовъ своихъ иноковъ, Ѳеодоръ былъ въ состояніи каждому изъ нихъ въ особенности давать столь справедливыя примѣненія изъ Писанія, но болѣе по сверхъестественному вѣдѣнію, которое Богъ сообщалъ ему о ихъ душѣ (1). Опыты этой духовной прозорливости открывались въ предсказаніяхъ о будущей судьбѣ Церкви. Одинъ монахъ подошелъ къ нему, какъ дѣлали это другіе, когда увидѣли, что Ѳеодоръ вдругъ замолчалъ, сталъ смотрѣть на небо и потомъ поднялся съ своего мѣста. Всѣ братія поднялись также и образовали около него кругъ, понимая, что онъ долженъ дать имъ важныя наставленія. Тогда

(1) Epist. Ammon. n. 3.

онъ сказалъ имъ: « Я знаю, что люди живущіе по плоти не примутъ моихъ словъ. Но поелику Господь повелѣлъ мнѣ сказать оныя: то я буду говорить. Нѣкоторые люди изъ нашего рода воздвигнутъ гоненіе на Церковь Божію. Оно будетъ имѣть великій успѣхъ и подвергнетъ многихъ бѣдствіямъ. Когда гоненіе усилится, то неожиданно на царскій престолъ вступитъ язычникъ, который будетъ стараться увлечь Христіанъ въ заблужденіе. Но Христосъ посрамитъ коварное намѣреніе его. Мы должны усердно взывать къ Богу, чтобы Онъ продлилъ милость Свою къ Церквамъ, чтобы не погибли многіе. »

Елуріонъ, одинъ изъ братьевъ слышавшихъ сіе пожелалъ знать, когда случится сіе и просилъ Аммона спросить у Ѳеодора. Едва Аммонъ открылъ уста, Ѳеодоръ далъ уже ему отвѣтъ, что сіе исполнится скоро, что Богъ наконецъ умилосердится надъ своею Церковію; что сначала прекратится гоненіе язычниковъ, потомъ прекратится гоненіе Аріанъ, и Аммонъ самъ увидитъ исполненіе сихъ предсказаній.

Скоро это предсказаніе оправдалось изгнаніемъ Св. Аѳанасія, господствомъ Аріанъ, восшествіемъ на престолъ Римскій Іуліана, и потомъ смертію его, и вступленіемъ на престолъ Іовіана, давшаго миръ Церкви.

Симъ предсказаніемъ окончилась первая духовная бесѣда Ѳеодора, которой свидѣтелемъ былъ Аммонъ. Послѣ бесѣды сотворили молитву, и Ѳеодоръ, отпустивъ братію, отдалъ Аммона на руки Ѳеодору Александрійскому. Святой Авва повелѣлъ ему поспѣшить наставить Аммона въ Св. Писаніи, поелику онъ не долго долженъ былъ оставаться въ монастырѣ, но назначенъ служить Церкви въ клирѣ, какъ открылъ сіе ему Богъ (1).

Аммонъ сначала едва вѣрилъ, чтобы Святой могъ узнавать

(1) Epist. Ammon. n 4.

тайны сердца, и съ недоумѣніемъ спрашивалъ Авзонія, можетъ ли быть, чтобы Богъ давалъ людямъ такую благодать, и есть ли на то доказательства въ священныхъ книгахъ? Но скоро разрѣшились всѣ его недоумѣнія. Однажды ночью Аммонъ вышелъ изъ своей келліи, вдругъ слышитъ онъ, что зоветъ его Ѳеодоръ. Хотя Аммонъ былъ въ одномъ только литонѣ, но онъ пошелъ на голосъ Аввы. Ѳеодоръ дѣлалъ выговоръ одному брату за то, что уступаетъ внушеніямъ діавола. Ѳеодоръ такъ ясно излагалъ помыслы искушаемаго брата, что тотъ, пораженный его прозорливостію палъ къ его ногамъ, и умолялъ испросить ему отъ Бога прощеніе. Чрезъ четыре мѣсяца этотъ братъ ушелъ въ міръ, но вскорѣ скончался, непроживъ и году (1).

Аммонъ потомъ вмѣстѣ съ Святымъ пошелъ въ Тавенну, гдѣ Ѳеодоръ исцѣлилъ отравившуюся ядомъ женщину (2).

Нѣсколько времени спустя св. Ѳеодоръ возвратился въ Пабау, гдѣ взялъ съ собою около ста двадцати иноковъ, чтобы идти на островъ Нила собирать тростникъ, изъ коего плели рогожи. Онъ оставался тамъ много дней и по вечерамъ не оставлялъ предлагать имъ духовную бесѣду, какъ дѣлалъ сіе въ монастырѣ. Въ среду, въ то время, какъ онъ произносилъ сію бесѣду, двѣ ехидны ползали у его ногъ. Не прерывая бесѣды Ѳеодоръ сталъ на нихъ ногою и держалъ такъ ихъ до конца бесѣды, послѣ сего онъ велѣлъ ихъ убить. Потомъ онъ сказалъ братіи, что ему явился Ангелъ и открылъ, что одного инока въ Пабау нужно выслать изъ монастыря за худую жизнь. Силуанъ, начальникъ общины изъ двадцати двухъ братьевъ, имѣвшій своимъ помощникомъ Линуфона, и Макарія брата Ѳеодора однимъ изъ своихъ подчиненныхъ, принялъ эти слова за тщеславіе; но въ слѣдствіе страшнаго

(1) Ibid. n. 8 и 9.
(2) Ibid. n. 10.

явленія тотчасъ же пораженъ былъ параличемъ и только молитвами Ѳеодора Александрійскаго, Пекузія, Псамфія, Псеноэисія, Елуріона и Исидора, иноковъ, преуспѣвшихъ въ добродѣтели и уважаемыхъ въ монастырѣ, возвращенъ былъ къ жизни (1).

Не много спустя (2) пришелъ въ Пабау Св. Ѳеодоръ, и поговоривъ съ братіями, онъ просилъ ихъ подождать его нѣсколько на томъ мѣстѣ, гдѣ они были, а самъ съ двумя братіями пошелъ въ трапезную. Тамъ остановилъ онъ молодаго монаха, котораго Ангелъ повелѣлъ ему выгнать изъ монастыря. Потлѣ тщетнаго убѣжденія признаться во грѣхахъ Ѳеодоръ разоблачилъ всѣ тайные изгибы души сего инока. Пристыженный обличеніемъ инокъ самъ ушелъ изъ монастыря.

Другихъ иноковъ онъ обличалъ наединѣ и такъ тронулъ ихъ, что они готовы были предъ всѣми исповѣдать грѣхи свои; но сей мудрый Авва не согласился на это изъ опасенія соблазнить юныхъ и слабыхъ, и удовольствовался тѣмъ, чтобы они признались въ нихъ Пекузію и Псеноэисію.

«Это было, говорилъ Аммонъ, во время четыредесятницы. Во вторникъ предъ Пасхою монахи другихъ монастырей общества собрались въ Пабау, дабы вмѣстѣ праздновать святые дни, какъ обыкновенно они дѣлали каждый годъ. Ѳеодоръ всѣмъ, кои приходили совѣтываться съ нимъ о различныхъ мѣстахъ Писанія, объяснилъ все, что они не хорошо понимали; послѣ чего онъ обличилъ одного брата въ тайноядѣніи. Никто не долженъ, сказалъ онъ въ заключеніе, принуждать себя поститься сверхъ силъ своихъ. Слабые могутъ ѣсть каждый день ввечеру, кромѣ пятка. Виновный въ тайноядѣніи, видя, что его грѣхъ открытъ Ѳеодору, бросился

(1) Ibid. n. 11. 12.
(2) Epist. Amm. n. 12. c. 3.

къ его ногамъ, дабы принести покаяніе: но Ѳеодоръ прикрылъ его лице своею мантіею, дабы не сдѣлать его извѣстнымъ для другихъ».

Другой проступокъ, который сдѣлали монахи, и который людямъ, недовольно понимающимъ совершенство иноческое можетъ показаться совершенно незначительнымъ, подалъ Святому случай дать братіи прекрасное наставленіе.

Взявъ съ собою сорокъ своихъ монаховъ Ѳеодоръ пошелъ на гору рубить лѣсъ, и въ тотъ же день сорокъ другихъ послалъ въ другое мѣсто, и въ руководители далъ имъ монаха Исидора, человѣка полнаго кротости и Евангельской мудрости. На первый день къ вечеру Ѳеодоръ вмѣстѣ съ своими на колѣняхъ совершалъ вечернюю молитву, и Богъ ему открылъ, что четверо изъ общества Исидорова, впрочемъ хорошіе монахи, работая вдали отъ другихъ, занимались смѣхомъ и шутками. Молитва окончилась, онъ сдѣлалъ духовное увѣщаніе и наконецъ сказалъ своимъ монахамъ, что почитаетъ нужнымъ быть въ монастырѣ въ субботу. Двоихъ изъ своихъ монаховъ онъ послалъ къ Исидору сказать ему, чтобы и онъ вмѣстѣ съ братіями, бывшими съ нимъ былъ тамъ же.

Когда всѣ пришли въ Пабау, Ѳеодоръ собралъ ихъ на то мѣсто, гдѣ предлагалъ имъ бесѣды, и сказалъ имъ такъ: «вы знаете, братія, что жизнь монаховъ и дѣвъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу, превышая обыкновенную жизнь людей, есть жизнь Ангельская. Люди, вступающіе въ монашеское званіе умираютъ для обыкновенной жизни человѣческой, живутъ для того, кто умеръ за нихъ и воскресъ; отрекаются жить для самихъ себя и распинаютъ себя со Христомъ. Поелику каждый изъ васъ избралъ таковую жизнь, оставилъ родителей своихъ и пришелъ сюда: то и долженъ уже жить, какъ жилъ Христосъ и имѣть Его образцемъ и руководителемъ на пути жизни, которой мы посвятили себя. Богъ, чтобы ввести насъ въ Царствіе Свое, открылъ намъ два пути

къ тому — Святое Писаніе и примѣръ жизни рабовъ своихъ, которою обыкновенно утверждается вѣра во Христа. Но нѣкоторые изъ нихъ, хорошо проходившіе доселѣ поприще жизни своей поколебались, если не пали совершенно на пути своемъ. Четыре брата, посланные вмѣстѣ съ другими на гору, будучи тамъ въ отдаленіи отъ нихъ, начали разговаривать между собою о непристойныхъ предметахъ, смѣяться и хохотать такъ, что нужно, чтобы они очистили себя слезами и покаяніемъ. Имѣли ли для всей братіи какую-нибудь силу слова Пророка Іереміи: Господи Боже силъ не сѣдохъ въ сонмищѣ ихъ играющихъ, но бояхся отъ лица руки Твоея: на единѣ сѣдяхъ, яко горести исполнихся (Іер. 15, 17). Почему вы не вспомнили словъ Іова: Аще ходихъ съ посмѣятели, печаль ко мнѣ приходитъ? (Іова 31, 5). Неужели не знаете, что Богъ для спасенія рабовъ своихъ наказываетъ не только великіе, но и малые грѣхи ихъ? Развѣ вы не слышали, что сказалъ Соломонъ: яко же гласъ тернія подъ котломъ, тако смѣхъ безумныхъ? (Екк. 7, 7) и еще: смѣху рѣкохъ: погрѣшеніе (Екк. 2, 2), блага ярость паче смѣха (Екк. 7, 4)? Обратите вниманіе на себя и послушайте, что говоритъ Апостолъ: смѣхъ вашъ да обратится въ плачь и радость въ печаль (Іак. 4, 9). Опасайтесь, чтобы и къ вамъ не относились строгія слова Спасителя: горе вамъ смѣющіеся нынѣ, яко восплачите и возрыдаете (Лук. 6, 25). Плачьте и рыдайте лучше теперь въ кратковременной жизни сей, чтобы противъ воли не плакать и не рыдать вамъ во всю вѣчность. Каждый изъ насъ долженъ говорить Богу: яко азъ на раны готовъ (Псал. 37, 18)».

Таково было спасительное наставленіе, которое Ѳеодоръ далъ симъ четыремъ инокамъ, кои находились въ толпѣ братій, но отдѣлились отъ нихъ, начали плакать и рыдать, и пали ницъ, признаваясь въ своемъ грѣхѣ и просили братію молить за нихъ, что извлекло слезы у всего собранія, и сіи четыре инока такъ исправились, что для всѣхъ живущихъ въ

монастырѣ служилъ образцемъ и примѣромъ въ дѣлѣ спасенія (1).

Не такова судьба была другаго монаха, по имени Моисея, который заслужилъ, чтобы тѣло его предано было діаволу за то, что онъ предалъ душу свою ему, своимъ упорствомъ во грѣхѣ. Св. Ѳеодоръ, пославшій его вмѣстѣ съ другими братіями на одинъ островъ Нила для собиранія травъ, кои солили на пищу братіи, по истеченіи пяти дней, послалъ сказать ему, чтобы онъ возвратился въ монастырь. Онъ отвѣчалъ, что воротится вмѣстѣ съ другими, когда кончитъ свое дѣло, но его принудили повиноваться.

По возвращеніи онъ нашелъ Ѳеодора, плачущимъ, — при немъ стояли Псенѳаисій и Исидоръ. Ѳеодоръ посмотрѣвъ на него, сказалъ: « для чего мнѣ объявлено о смерти души твоей, а не тѣла, что было-бы гораздо лучше? Сидя съ тобою въ келліи твоей, не говорилъ ли я тебѣ день и ночь, что душа твоя занимается худыми предметами и что порочныя твои желанія хуже всякаго грѣха? Худыя мысли многихъ погубили. Ты говорилъ мнѣ тогда, что злые духи внушаютъ тебѣ сіи порочныя мысли, а я тебѣ отвѣчалъ, что злымъ духамъ не позволено нападать на тебя, но что ты самъ подкладываешь дрова подъ себя, самъ даешь пищу нечистымъ духамъ и привлекаешь ихъ къ себѣ нечистыми мыслями? До чего наконецъ довела тебя худая жизнь твоя? »

Моисей, слѣпой и упорный въ своей злобѣ, хотѣлъ снова извинить себя и прикрыть свой проступокъ; но Святой указалъ ему мѣсто и время, когда онъ охотно бесѣдовалъ съ мыслями, за кои онъ упрекалъ его; и когда тотъ еще хотѣлъ отвѣчать, что это только было навожденіемъ діавола, въ коемъ онъ не принималъ участія, Ѳеодоръ сказалъ ему: « доселѣ злой духъ не имѣлъ власти надъ тобою: теперь, по-

(1) Ibid. n. 14. 16.

елику ты принялъ въ сердце свое худыя мысли и сдѣлался жилищемъ злыхъ духовъ, напрасно живешь здѣсь въ монастырѣ; мнѣ приказано изгнать тебя отсюда ». Въ тоже время самое онъ приказалъ четыремъ молодымъ и сильнымъ братіямъ вывести его вонъ изъ монастыря, и проводить его до деревни, изъ коей онъ былъ родомъ; но едва только вышелъ онъ изъ монастыря, какъ имъ овладѣлъ діаволъ; и онъ побѣжалъ въ свое селеніе. Тамъ четыре монаха связали его (1).

Если Ѳеодоръ имѣлъ случай оплакивать погибель сего инока, то Богъ вознаградилъ его за сіе увѣреніемъ о спасеніи другаго. Однажды Ѳеодоръ былъ на вечернемъ собраніи братіи, лице его вдругъ просіяло радостію, и онъ сказалъ имъ: « объявляю вамъ, братія, о милости, какую Богъ далъ брату нашему Каруру, находящемуся въ Птолемаидѣ. Богъ сейчасъ освободилъ душу его отъ тѣла и съ великою славою вознесъ его на небо; потому что Каруръ старался строго слѣдовать церковнымъ догматамъ, сохранилъ чистоту тѣла своего и имѣлъ другія добродѣтели, а грѣхи свои онъ очистилъ различными болѣзнями, которымъ былъ подверженъ ». Восемь дней спустя пришли два брата изъ Птолемаидскаго монастыря и сказали, что Каруръ умеръ въ тотъ самый день и часъ, когда сказалъ Освященный.

Угрожая вѣчнымъ судомъ неразкаяннымъ грѣшникамъ, Ѳеодоръ всегда старался подкрѣплять вѣру въ спасеніе у тѣхъ, которые слезами покаянія омывали свои грѣхи. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того же года Ѳеодоръ съ братіями отправился на островъ Нила собирать дрова. Братіи собралось до трехъ сотъ. Ѳеодоръ собравши всѣхъ сталъ говорить: « я теперь намѣренъ сказать вамъ то, что Богъ давно открылъ мнѣ и теперь повелѣлъ вамъ объявить: почти во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только проповѣдано имя Христово, были люди, которые, сдѣ-

(1) Ibid. n. 16.

лавши много грѣховъ послѣ святаго крещенія, плакали объ нихъ и приносили Богу искреннее раскаяніе въ нихъ; и Богъ прощалъ ихъ, если они только твердо сохраняли Апостольскую вѣру. Итакъ, если кто изъ васъ истинно оплакалъ грѣхи свои, тотъ долженъ быть увѣренъ, что онъ получилъ отъ Бога прощеніе въ нихъ». Какъ бы въ подтвержденіе истинности словъ Ѳеодора, Ѳеофилъ и Копрій прибыли въ это время изъ Александріи съ письмомъ отъ Великаго Антонія, въ которомъ сей подвижникъ писалъ тоже, что «истинно покланявшіеся Христу и сердечно оплакавшіе грѣхи свои, сдѣланные ими послѣ крещенія и искренно раскаявшіеся въ нихъ, опять приняты Богомъ и Онъ простилъ имъ грѣхи ихъ, и всѣмъ подобнымъ лядямъ прощаетъ грѣхи даже до сего дня». Ѳеодоръ велѣлъ прочитать это письмо предъ всею братіею.

Выслушавши письмо великаго старца, братія пали на землю и такъ плакали предъ Богомъ, что когда бывшій съ ними Священникъ кончилъ молитву, Ѳеодоръ сказалъ: «повѣрьте мнѣ, что всѣ небесныя разумныя твари возрадовались о семъ плачѣ вашемъ. Богъ принялъ молитву вашу, и простилъ грѣхи нѣкоторымъ монахамъ, которые теперь здѣсь такъ горько плакали (1).

Много опытовъ сверхъ-естественной прозорливости Ѳеодора слышалъ Аммонъ отъ Авзонія и Елуріона. Для насъ замѣчательно и назидательно сужденіе самаго Ѳеодора объ откровеніяхъ.

«Великъ даръ видѣній, какъ даръ Святаго Духа; но велика должна быть при семъ и осторожность. Да не мыслитъ о себѣ такой человѣкъ много, будучи самъ ничто, и да не увлекается желаніемъ владѣть болѣе даромъ видѣній, дабы все его благочестіе и вѣра не обратились въ дымъ и тѣнь, что со многими случалось. Это говорю не тѣмъ только, которые

(1) Ibid. n. 19 20.

не достигли высшаго степени совершенства, но и тѣмъ, которые стоятъ на немъ, дабы всѣ мы о себѣ и своихъ дѣлахъ думали смиренно и молились о томъ, чтобы избѣжать вѣчныхъ мученій. Объ этомъ молились Богу и самые святые,— Давидъ не говоритъ ли: сохрани душу мою и избави мя (Пс. 24, 20). Св. Павелъ не говоритъ ли также: и избавленъ бых отъ устъ львовыхъ (2 Тим. 4, 17)».

«Поистинѣ мы имѣемъ дѣло со врагомъ тонкимъ и хитрымъ, который часто заблужденіе и ложь прикрываетъ видомъ истины такъ что, не имѣя особаго дара различенія, мы всегда въ опасности обмануться. Но тотъ не будетъ прельщенъ, кто во всемъ безъ исключенія повинуется Богу и его рабамъ. Наблюдая сіе, братія, каждый да хранитъ данную ему мѣру благодати, пастырь ли онъ душъ или овца. Но всѣ будемъ молиться, дабы быть въ числѣ овецъ. Ибо одинъ только есть истинный Пастырь, — это Тотъ, Кто сказалъ о Себѣ: Азъ есмь пастырь добрый. Но послѣ того, какъ Господь Богъ явился, послѣ того какъ и Слово Божіе приняло образъ и подобіе человѣка, и по особой милости, чрезъ познаніе истинной вѣры поставило насъ на путь спасенія; потомъ восходя на небо поставило преемниками себѣ Апостоловъ, мы и теперь имѣемъ нужду въ пастыряхъ, чтобы пастись въ Господѣ. Знаемъ, что Апостоламъ въ достоинствѣ отцевъ преемствовали Епископы. Тѣ, которые въ ихъ голосѣ слышатъ голосъ Іисуса Христа, суть истинно сыны Божіе, хотя бы не были изъ клира и не имѣли степеней Церковныхъ».

Такимъ образомъ сей святой человѣкъ, коего опытность въ благодати видѣній и откровеній не могла быть большею, научаетъ насъ судить о нихъ только по сообразности съ рѣшеніями Церкви и сужденіе Епископовъ, назначенныхъ для наставленія, предпочитать всѣмъ частнымъ откровеніямъ.

Аммонъ прожилъ при Ѳеодорѣ около трехъ лѣтъ (1).

(1) Bolland. v. Pach. c. 11. n. 87

Узнавъ, что отецъ искалъ его по разнымъ монастырямъ, и уже считалъ умершимъ, что мать была безутѣшна, не имѣя возможности узнать куда онъ дѣвался; онъ просилъ св. Ѳеодора дать ему двоихъ иноковъ, съ коими бы могъ сходить, утѣшить ее и возвратиться потомъ въ монастырь. Но Ѳеодоръ сказалъ ему: « мать твоя приняла Христіанскую вѣру. Ты долженъ отсюда переселиться въ страну, которая ближе къ мѣсту твоего рожденія. Посему я совѣтую тебѣ поселиться въ горѣ Нитрійской, тамъ много святыхъ и Богоугодныхъ мужей ». Со слезами простился Аммонъ съ Ѳеодоромъ, поручая себя молитвамъ Освященнаго. Посѣтивъ своихъ родителей онъ удалился въ Нитрійскую гору.

Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ удаленія Аммона въ Нитрію, начало исполняться все, что св. Ѳеодоръ предсказалъ о гоненіи Аріанъ, Іуліанѣ отступникѣ, о возвышеніи Іовіана, давшаго миръ Церкви. Аммонъ вспомнилъ предсказанія Ѳеодора и утѣшалъ пустынниковъ предсказаніемъ о прекращеніи бѣдствій церкви. Почти въ тоже время самъ Ѳеодоръ прислалъ къ Нитрійскимъ монахамъ письмо, въ которомъ утѣшалъ подвижниковъ предсказаніемъ о прекращеніи гоненія.

«Утѣшайте, братія, писалъ онъ инокамъ, тѣхъ, которые въ вашей странѣ терпятъ гоненіе отъ Аріанъ, чтобы не ослабѣла вѣра ихъ. Ибо грѣхи Аріанъ не достигли еще полноты своей ». Это письмо, прочитанное въ субботу въ общемъ собраніи иноковъ, было для нихъ радостною вѣстію (1).

Между тѣмъ какъ еретики напрягали всѣ усилія къ тому, чтобы съузить, такъ сказать, предѣлы Царства Іисусъ Христова въ душахъ, распространяя свои заблужденія, св. Ѳеодоръ старался разширить ихъ, умножая число монастырей, гдѣ служили Богу съ такою же вѣрностію, съ какимъ невѣріемъ нечестивые оскорбляли Его.

---

(1) Epist. Ammoni n. 21. 22.

Въ жизни Св. Пахомія мы видѣли, что онъ основалъ девять монастырей. Ѳеодоръ прибавилъ къ нимъ десятый въ первый же годъ, какъ сдѣлался Аввою, при Птолемаидѣ въ верхней Ѳиваидѣ, весьма не далеко отъ Пабау. Онъ основалъ еще три, изъ коихъ два, именуемые Каисъ и Оби, по совѣту Орсисія, основаны были недалеко отъ великаго Ермиполя, на сѣверномъ предѣлѣ нижней Ѳиваиды и третій при Ермутисѣ или между Латоплемъ и Ѳивами въ верхней Ѳиваидѣ. И наконецъ онъ основалъ женскій монастырь въ Беарѣ, на разстояніи отъ Пабау на полумилѣ; это былъ другой женскій монастырь въ семъ обществѣ (1).

Онъ посѣщалъ сіи монастыри (около 361 года), и находился подлѣ Каиса, когда встрѣтилъ на Нилѣ военачальника Артемія, имѣвшаго отъ Императора повелѣніе найти св. Аѳанасія и задержать его; онъ направлялся въ Пабау, думая, что Аѳанасій скрылся между монахами Тавенскими, поелику всѣмъ извѣстно было, что онъ весьма любилъ ихъ. Артемій думалъ найти Аѳанасія въ главномъ монастырѣ Тавенскомъ Пабау. Приплывъ къ нему рѣкою, окружилъ его воинами, допросилъ иноковъ, объискалъ монастырь и ничего не нашелъ. Иноки пришли было въ сильное смущеніе, но Пекузій успокоилъ ихъ. Безтрепетно они называли Аѳанасія святаго своимъ отцемъ достоуважаемымъ. По заповѣди своего отца Ѳеодора они отказались молиться съ Артеміемъ; потому что онъ имѣетъ общеніе съ Аріанами, и Артемій одинъ молился въ храмѣ. Во время гоненія Юліана на св. Аѳанасія, онъ удалился къ инокамъ въ верхній Египетъ. Для нихъ ничего не стоило и потерпѣть за своего Архипастыря какія бы то нибыло страданія: они считали это гораздо богоугоднѣе и выше продолжительныхъ постовъ, возлежанія на голой землѣ и другихъ подвиговъ самоумерщвленія. Святый Аѳанасій прибылъ въ Ан-

(1) Bollad. v. Pach. annot. c. 81.

типой къ Аввѣ Піаммону. Сюда явился къ нему и Ѳеодоръ Освященный, имѣвшій на противоположномъ берегу Нила близъ Гермополя монастырь. Святый Аѳанасій хотѣлъ плыть далѣе. Ѳеодоръ далъ ему крытую лодку и иноковъ для управленія, и вмѣстѣ съ Піаммономъ старался утѣшить его. «Повѣрьте, говорилъ Святый Аѳанасій спутникамъ своимъ, мое сердце не бываетъ столько полно упованія во дни мира, сколько во время гоненія. Ибо я увѣренъ, что страдая за Христа, и укрѣпляемый Его благодатію, если и буду умерщвленъ, обрѣту еще большую милость у Него». Но на этотъ разъ прозорливые старцы могли возвѣстить нѣчто болѣе обыкновенныхъ утѣшеній. Въ одно время оба они получили откровеніе. «Въ настоящій часъ Юліанъ палъ въ Персіи», сказалъ Ѳеодоръ. И вмѣстѣ предрекъ, что преемникъ его будетъ Христіанинъ; но не долго будетъ царствовать и потому совѣтовалъ святому Аѳанасію тайно поспѣшить ко двору новаго государя, «ты встрѣтишь его на пути, прибавилъ Ѳеодоръ, будешь принятъ имъ съ любовію и возвратишься въ свою Церковь (1)».

Нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ св. Ѳеодоръ предсказалъ сіе Аѳанасію, между монахами распространилась смертность, и не было ни одного дня, чтобы не умиралъ одинъ или двое изъ нихъ (2). Такъ какъ имѣли обыкновеніе погребать ихъ въ горѣ, а Нилъ тогда началъ наводняться и воды его не были еще высоки для того, чтобы плавать на суднѣ, то затруднялись, какъ перенести перваго умершаго, и спрашивали о томъ Святаго. Онъ отвѣчалъ имъ, что Богъ призритъ на ихъ вѣру и остановитъ теченіе зла; какъ онъ предсказалъ, такъ и случилось, ни одинъ изъ монаховъ не умеръ въ продолженіе наводненія.

Столь многіе опыты прозорливости св. Ѳеодора могли по-

(1) Epist. Amm. n. 23. Theodor. hist. L. 3. c. 3.
(2) Bolland. vit. Pach. n. 90.

дать поводъ думать объ немъ очень высоко. Чтобы избѣжать сей славы онъ нерѣдко говорилъ объ искушеніяхъ, которымъ подвергался, прибавляя, что боится пасть въ нихъ и быть отверженнымъ отъ Бога, будучи постоянно обезпокоиваемъ врагомъ спасенія, который не даетъ ему ни одной минуты отдыха. « Если видимъ, говорилъ онъ, что пали Ангелы; если видимъ паденія между Пророками и Апостолами, учениками Св. Павла, какъ намъ не бояться того же? »

Продолжая далѣе свою бесѣду, онъ говорилъ имъ объ опасностяхъ сей жизни, о страхѣ и осмотрительности, съ какою мы должны вести ее. « Представьте, говорилъ онъ, гору, поднявшуюся до облаковъ, простирающуюся отъ востока до запада; на сей горѣ вообразите одну дорожку въ четыре фута ширины, съ одной стороны ея возвышаются скалы, а съ другой находятся пропасти. Подумайте, что человѣкъ возрожденный въ крещеніи, принявшій званіе иноческое, вооруженный знаменіемъ креста, идетъ по сему пути къ востоку. Онъ безопасенъ, когда разсматриваетъ, какъ тѣсенъ путь и какъ обрывисты бездны; если же удалится отъ прямаго пути, подвергается опасности погибнуть ».

« Пропасть на лѣво, — это нечистыя пожеланія плоти, утесы на право, — это гордость человѣческая. Но кто заботливо, со страхомъ Божіимъ твердыми шагами идетъ къ востоку, тотъ, достигнувъ конца пути, узритъ Спасителя міра, сѣдящаго на высокомъ престолѣ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ многими легеонами Ангеловъ и получитъ неувядаемые вѣнцы, уготованные тѣмъ, кои прямо прошли по пути ».

« Но скажутъ, по этому, если человѣку случится однажды пасть въ грѣхъ, то онъ совершенно погибъ, и нѣтъ уже для него мѣста покаянію? На это скажу въ отвѣтъ, что не можетъ быть, чтобы господь допустилъ совершенно погибнуть человѣку, истинно кающемуся, если онъ постоянно пребываетъ въ истинномъ исповѣданіи вѣры и соблюденіи Божественныхъ заповѣдей, хотя бы и нѣсколько ослабѣлъ въ первоначальной

своей ревности. Ибо писано: мои же вмалѣ не подвижастеся нозѣ (Псал. 72, 2). Побуждаемый болѣзнями, скорбями, или самымъ стыдомъ грѣха такой человѣкъ при помощи Божіей возвращается на средину тѣснаго пути, пока не научится проходить его непретковенною стопою. Если и послѣ сего кто падаетъ съ пути, уподобляетъ себя Іудѣ-предателю, который, будучи свидѣтелемъ столькихъ чудесъ и участникомъ высокихъ даровъ, пренебрегъ благодѣяніями Божіими и низвергнулся въ вѣчную погибель. Напротивъ люди, проводящіе право жизнь, хотя по человѣческой немощи иногда и забываютъ нужное для спасенія, но очищаясь искушеніями, какъ золото огнемъ, мало по малу истребляютъ въ себѣ порочныя наклонности».

Ѳеодоръ въ своей бесѣдѣ указалъ и на средство, какъ истреблять въ себѣ худыя наклонности и пріобрѣтать противоположныя имъ добродѣтели. «Если человѣкъ хочетъ напримѣръ освободиться отъ гнѣва, то слыша насмѣшки, пусть говоритъ къ душѣ своей: вотъ я пріобрѣлъ сребренникъ въ свою пользу; если нанесутъ обиду, пусть считаетъ ее высшимъ пріобрѣтеніемъ, тогда онъ не будетъ гнѣваться. Если онъ пріучитъ себя такъ переносить обиды, то сладкимъ для него покажется и поношеніе. Ибо заповѣди Божіи истинно вожделѣнны паче злата и камени честна и сладши паче меда и сота. И если мало ихъ желаемъ мы или мало объ нихъ заботимся, то причиной наше помышленіе, устремленное къ плоти и чувствамъ». Далѣе Ѳеодоръ указалъ на примѣръ мучениковъ, которые не только мужественно терпѣли страданія, но и молились за своихъ мучителей. Свою бесѣду онъ заключилъ слѣдующими словами, способными воодушевить всякаго къ терпѣнію.

«Но скажи мнѣ человѣкъ, что ты сдѣлалъ равнаго тому наслѣдству, какое уготовалъ тебѣ Богъ? Потерпѣлъ ли ты гоненіе или смерть за имя Іисусъ Христово? Не достаточно ли былъ бы ты награжденъ одною людскою похвалою, если на-

града должна быть соразмѣрна съ дѣломъ? Ибо кто не воздастъ похвалы тѣмъ, кои вѣрно служили Богу, и особенно святымъ мученикамъ? Истинно велика и безконечна благость Божія. Богъ поступаетъ въ отношеніи къ тебѣ такъ же, какъ человѣкъ, который сказалъ бы: принесите мнѣ глиняные сосуды, которые вы имѣете, предоставьте мнѣ свободу распоряжаться ими, и разбить, если захочу я; вмѣсто ихъ я дамъ вамъ сосуды золотые, украшенные драгоцѣнными камнями. Но вѣрно сбывается надъ нами слово Писанія: человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ (Псал. 48, 13)».

Послѣ того, какъ далъ онъ сіи дивныя наставленія своимъ монахамъ, онъ взялъ съ собою болѣе уважаемыхъ въ братствѣ, и имѣющихъ лучшій голосъ въ пѣніи, и пошелъ на встрѣчу святому Аѳанасію, который, пользуясь миромъ Церкви, посѣщалъ Египетъ и въ то время по Нилу плылъ въ Ѳиваиду. Онъ встрѣтилъ его повыше округа Ермипольскаго. По обоимъ берегамъ рѣки было безчисленное множество народа, среди коего находились Епископы, великое число клириковъ и множество иноковъ, кои стеклись туда изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ (1).

Святый Аѳанасій, увидавъ Ѳеодора съ иноками, сказалъ словами Пророка: кіи суть, иже яко облацы летятъ и яко голуби со птенцами ко мнѣ? (Исаіи 60, 8). Онъ съ любовію привѣтствовалъ Ѳеодора, и съ отеческимъ участіемъ спрашивалъ о состояніи его обителей.

Святый Аѳанасій, выйдя на берегъ, сѣлъ на осла, котораго святый Ѳеодоръ, взявъ за узду, провелъ чрезъ толпу народа, шедшаго съ горящими факелами, при пѣніи иноками псалмовъ и священныхъ пѣсней. Аѳанасій, видя смиреніе Ѳе-

(1) Bolland. vit. Pach. n. 90. 91. 92.

одора и ту радость, съ какою онъ совершалъ свое дѣло, сказалъ окружающимъ слова, свидѣтельствующія о смиреніи какъ Ѳеодора, такъ и самаго Аѳанасія. « Смотрите съ какою ревностію идетъ впереди насъ сей начальникъ множества иноковъ. Вотъ истинные отцы, болѣе заслуживающіе носить сіе имя, чѣмъ мы, по своему смиренію и покорности ради любви Божіей. Какъ блаженны и достойны уваженія тѣ, кои постоянно носятъ крестъ своего Спасителя, славу свою полагаютъ въ уничиженіи, покоѣ въ трудѣ до тѣхъ поръ, пока воспріимутъ вѣнецъ изъ рукъ ихъ Владыки ».

Посѣтивъ города Антиной и Ермиполь, Аѳанасій пришелъ въ монастыри Конисъ и Оби, основанные Ѳеодоромъ, бывшіе недалеко оттуда. Снова съ истинною радостію сердца видѣлъ онъ, какъ искренна и достоуважительна любовь братіи, съ какою они приняли его, и прославилъ за сіе Господа. Онъ хотѣлъ видѣть Церковь, трапезную, келліи и вообще все, находящееся въ монастырѣ, и все это нашелъ въ столь хорошемъ положеніи, что сказалъ святому Аввѣ: « Ѳеодоръ! ты дѣлаешь по истинѣ великое дѣло, такъ наставляя души. Я слышалъ, что съ похвалою говорили о твоемъ монастырскомъ уставѣ, и нахожу, что онъ совершенъ. Кажется ты наслѣдовалъ благодать блаженнаго отца своего Пахомія, и видя тебя вѣрю, что вижу въ тебѣ истиннаго раба Іисуса Христа».

Приближался праздникъ Пасхи, Ѳеодоръ, по обыкновенію братства, долженъ былъ праздновать его въ Пабау вмѣстѣ съ братіями. Святый Аѳанасій, знавшій о семъ, не хотѣлъ удерживать его болѣе и далъ ему письмо къ Орсисію и другимъ братіямъ. Въ семъ письмѣ онъ выражалъ радость, что видѣлъ Ѳеодора и иноковъ, жившихъ подъ его руководствомъ, и видѣлъ въ немъ блаженнаго Пахомія. Ѳеодоръ, прощаясь съ нимъ, просилъ вспомнить о немъ, и Святый Патріархъ отвѣчалъ сими словами Псалма: аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя, прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе (Псал. 136, 6, 7). Между тѣмъ

Ѳеодоръ въ полное распоряженіе Архіепископа предоставилъ судно съ монахами, кои должны сопровождать его.

Письмо Святаго Аѳанасія доставило Орсисію великое утѣшеніе среди скорби, какую причиняло ему нерадивое поведеніе нѣкоторыхъ братій. Ибо хотя въ братствѣ много было ревностныхъ иноковъ, тѣмъ не менѣе было въ немъ много и такихъ, для коихъ забота о вещахъ временныхъ была еще камнемъ преткновенія, и эта забота уменьшала въ нихъ попеченіе о духовномъ. Объ нихъ скорбѣлъ Орсисій. Святый Ѳеодоръ, вызвавъ изъ монастыря Монхоза въ Пабау, старался утѣшить его, но и самъ глубоко скорбѣлъ. Онъ у Господа просилъ указанія средства къ изцѣленію сего недуга. Онъ постился весьма строго, носилъ власяницу и проливалъ горячіе слезы, часто также удалялся отъ братій на гору, гдѣ была могила Святаго Пахомія и другихъ братьевъ, и тамъ-то съ большею ревностію изливалъ сердце предъ Богомъ, дабы привлечь Его благословеніе на свои попеченія, и особенно просилъ о перемѣнѣ тѣхъ иноковъ, коихъ нерадѣніе было причиною столькихъ скорбей для него.

Однажды одинъ изъ братій, любопытствуя знать, зачѣмъ онъ ходитъ на гору, послѣдовалъ за нимъ издалека, и увидѣлъ, что онъ взошелъ на могилу святаго Пахомія и приблизясь болѣе услышалъ, какъ онъ молился такъ: «Господи Боже отца нашего Пахомія, на могилѣ коего нахожусь я теперь, накажи меня, если хощешь; ибо мѣра нашего нерадѣнія исполнилась, и нѣтъ среди насъ живущихъ право. Но, Господи, не оставь твоихъ рабовъ, и хотя мы лѣностно служимъ тебѣ, но возбуди насъ живымъ страхомъ вѣчныхъ мукъ и даруй намъ бодрственно идти твоимъ благимъ и спасительнымъ путемъ. Ибо ты, Господи, создалъ насъ и не пощадѣлъ единороднаго Сына Твоего, но предалъ его на смерть для спасенія всѣхъ (1)».

(1) Ibid. n. 93.

Но близко было уже совершенное освобожденіе Ѳеодора отъ всѣхъ скорбей и заботъ. По возвращеніи въ монастырь, въ великую субботу вечеромъ, закрывъ глаза одному изъ своихъ иноковъ Герону, онъ сказалъ присутствовавшимъ, что за этою смертію послѣдуетъ другая, которой они не ожидали.

На утро въ праздникъ Пасхи были похороны Герона; послѣ праздника Святый Ѳеодоръ говорилъ поученіе братіямъ, собравшимся изъ всѣхъ монастырей на праздникъ и съ особою силою увѣщавалъ ихъ въ добродѣтели, чувствуя, что въ послѣдній разъ даетъ имъ свои наставленія; за тѣмъ онъ началъ чувствовать припадки, болѣзни, отъ коей и умеръ (1).

Орсисій, присутствовавшій при его болѣзни, съ крайнею горестію видѣлъ, что не остается иной надежды, кромѣ молитвы. Онъ собралъ всѣхъ иноковъ въ Церковь молиться за него, и просилъ Господа, чтобы онъ лучше взялъ изъ міра его самаго, чѣмъ Ѳеодора; но Богъ уже услышалъ желанія сего послѣдняго, и онъ приближался къ кончинѣ. Прежде смерти при всѣхъ онъ спросилъ Орсисія, не оскорбилъ ли его чѣмъ нибудь. Орсисій не могъ говорить, потому, что слезы и рыданія препятствовали ему говорить; и святый Авва прибавилъ: « моя совѣсть не упрекаетъ меня, чтобы я чѣмъ-либо оскорбилъ тебя, или кого-либо изъ братій, и Богъ видитъ, что, сколько возможно было, я не былъ нерадивъ ни о своемъ спасеніи, ни о спасеніи другихъ. Но это было дѣломъ одного милосердія Божія ». Окончивъ сіи слова онъ испустилъ духъ. Это было 27-го апрѣля 367 или 368 г. на 53 году его жизни (2).

Съ слезами и воплями иноки окружали смертный одръ Ѳеодора, и долго не могли успокоиться при мысли о лишеніи своего отца. Многіе упрекали себя въ томъ, что своимъ не-

(1) Boll. v. Pach. n. 94.
(2) Bolland. v. Pach. prol. § 2. n. 17. p. 291. et annot. p. 334.

радѣніемъ о спасеніи они заставили его молить Бога о томъ, чтобы онъ взялъ его отъ міра сего. Ѳеодора похоронили на горѣ вмѣстѣ съ другими иноками; но когда сошли въ долину, старецъ Нафарсъ, занимавшій второе мѣсто въ Пабау, возвратился на нее вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ братій и перенесъ его тѣло къ могилѣ Святаго Пахомія (1).

Заключимъ жизнь Святаго Ѳеодора словами Святаго Аѳанасія, который послѣ смерти его писалъ къ Орсисію (2). « Аѳанасій Аввѣ Орсисію, отцу монаховъ, и всѣмъ тѣмъ, кои съ нимъ держатъ исповѣданіе истинной вѣры и жизни пустынножительской, возлюбленнымъ братіямъ, спасеніе о Господѣ ».

« Безъ крайней печали не могъ я слышать о смерти блаженнаго Ѳеодора, зная, какъ онъ былъ вамъ полезенъ и даже необходимъ. Еслибы умеръ не Ѳеодоръ, я имѣлъ бы нужду предложить вамъ долгое размышленіе и смѣшать мои слезы съ вашими для вашего утѣшенія, помышляя, какъ должно страшиться суда Божія, оставляя сію жизнь; но когда нужно говорить о Ѳеодорѣ, котораго вы знаете и котораго я знаю самъ такъ хорошо, что ничего не могу болѣе сказать, развѣ только то, что блаженъ, который не ходилъ по пути грѣшныхъ! Въ самомъ дѣлѣ, если мы называемъ блаженнымъ того, кто боится Бога, какъ не назвать такимъ того, коего спасеніе несомнѣнно? О еслибы нѣкогда и мы были участниками въ его блаженствѣ! О если бы и мы окончили свое теченіе такъ, какъ онъ окончилъ его! О если бы и мы, еще плавающіе по житейскому морю, такъ же благополучно привели свое судно въ блаженную пристань, гдѣ соединясь съ нашими отцами могли бы сказать вмѣстѣ съ ними: вотъ покой, который я избралъ, и гдѣ буду обитать вѣчно! »

« Посему, возлюбленные братія мои, не плачьте о смерти

(1) Tillem. T. 7. p. 497. et. not. 7. p. 671. vit. Pach. n. 95.
(2) Bolland. v. Pach. n. 96. p. 333.

Ѳеодора. Никто при мысли о немъ да не проливаетъ слезъ. Позаботимся лучше подражать его добродѣтелямъ. Совѣмъ не должно печалиться объ участи того, кто счастливо достигъ убѣжища, избѣжавъ всѣхъ скорбей: сіе вообще заповѣдаю вамъ »

« А тебя, Орсисій возлюбленный, прошу принять на себя всю заботу и попеченіе о братіи вмѣсто почившаго мирно Ѳеодора. Вспоминай то, что когда онъ жилъ, вы дѣйствовали въ согласіи и въ тѣсномъ единеніи, когда одного не было, другой восполнялъ его отсутствіе. Живя вмѣстѣ вы какъ бы одними устами говорили возлюбленнымъ своимъ о спасеніи. Дѣлай и теперь тоже, и увѣдомляй меня, въ какомъ состояніи будешь находиться ты и твои монахи. Моли Господа, чтобы Онъ подалъ Церкви своей продолжительный миръ. Теперь же мы имѣемъ утѣшеніе праздновать праздникъ Пасхи и пятидесятницы въ спокойствіи, что доставляетъ намъ не малую радость. Привѣтствуй отъ насъ всѣхъ, кои имѣютъ истинный страхъ Господень. Находящіеся со мною привѣтствуютъ тебя. Желаю, чтобы Господь сохранилъ васъ невредимыми, возлюбленная братія » (1).

Съ смертію Ѳеодора Орсисій опять остался одинъ править монастырями Тавенскими. Въ Ѳеодорѣ онъ лишился лучшаго для себя помощника въ управленіи братіей. Онъ такъ скорбѣлъ объ этой потерѣ, что желалъ самъ умереть вмѣстѣ съ нимъ.

« Вотъ Господи, такъ взывалъ онъ въ слезной молитвѣ, простершись на землѣ, Ты взялъ отъ насъ нашего отца, которому далъ прекрасную способность утишать сердца, возмущаемые различными искушеніями. Кому теперь довѣришь ты попеченіе о нашихъ душахъ? Возми меня лучше изъ сего міра,

(1) Ibid n. 98.

и даруй братіямъ того, кто болѣе меня способенъ руководить ихъ къ совершенству ».

Онъ еще долгое время управлялъ всѣмъ обществомъ въ счастливой тишинѣ. Господь въ подкрѣпленіе даровалъ ему новую силу и большую способность разумѣть Писаніе. Дошло до насъ одно сочиненіе Орсисія, состоящее изъ собранія изреченій Священнаго Писанія съ изъясненіемъ ихъ и приложеніемъ къ жизни иноческой (1).

Въ этомъ сочиненіи Орсисій сначала предостерегаетъ иноковъ, чтобы они за ихъ невѣрность не были лишены небеснаго отечества и не были преданы жестокому рабству діавола, какъ Израильтяне за свои грѣхи были изгнаны изъ своей страны и отведены плѣнными въ чужую землю. Потомъ внушаетъ, что иноки должны помышлять, что Богъ, хотя не всегда наказываетъ за грѣхъ, въ то время, когда совершаютъ его, но тѣмъ строже грѣшники будутъ наказаны послѣ смерти.

« Поэтому, продолжаетъ Орсисій, разсмотримъ каковы пути, по которымъ мы идемъ. Изслѣдуемъ внимательно наши поступки, дабы видѣть правы ли они. Не будемъ предаваться гибельному нерадѣнію. Съ мужествомъ и терпѣніемъ предпримемъ труды покаянія и исполненія добродѣтелей иноческихъ, и будемъ стараться идти по слѣдамъ Святыхъ, и особенно Господа Іисуса Христа, нашего Начальника и Вождя, пребывая постоянно въ томъ святомъ званіи, въ какое мы вступили».

Онъ обращается потомъ къ начальникамъ монастырей и даетъ имъ превосходныя наставленія, какъ руководить души, ввѣренныя имъ. Онъ хочетъ, чтобы они сами и ихъ монахи постоянно ожидали пришествія Спасителя и были всегда готовы къ борьбѣ, какъ воины подъ оружіемъ. « Начальники

(1) Tillem. T. 8. n. 8. vit. s. Theod. p. 761. Biblioth. Patr. T. 4. p. 92. Holst. reg. mon. Tom. I.

не должны, пишетъ онъ, такъ сильно прилѣпляться къ временному, чтобы оставлять въ нерадѣніи духовное или столько предаваться духовному, чтобы своихъ подчиненныхъ заставлять терпѣть нужду во временномъ. Они должны предусматривать ихъ нужды, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя, изъ опасенія, какъ бы не подать инокамъ повода впасть въ разслабленіе ».

«Начальники не должны смотрѣть на подчиненныхъ имъ иноковъ, какъ на рабовъ, но скорѣе, какъ на своихъ братьевъ, и своихъ учениковъ. съ которыми они раздѣляютъ скорби и утѣшенія. Они не должны воображать, что исполнили уже всѣ заповѣди Божіи, заботясь только о своемъ спасеніи, а не устроя спасенія подчиненныхъ, потому что они подвергаются праведному осужденію, которое одинъ Пророкъ сдѣлалъ пастырямъ Израильскимъ, довольствовавшимся тѣмъ, чтобы напитать самихъ себя, не думая о прокормленіи ихъ стада. Нужно, чтобы они такъ внимательно бодрствовали надъ душами, чтобы не оставить безъ вразумленія ни одной изъ нихъ; они должны непрестанно наставлять ее, учить, увѣщевать, воодушевлять и подавать ей добрый примѣръ ».

«Начальники не должны любить однихъ и удаляться отъ другихъ потому, что они могутъ полюбить того, кто менѣе пріятенъ Богу и вознепавидѣть другаго, кого любитъ Богъ». Это правило Орсисій почиталъ столь важнымъ для начальниковъ. что возвращается къ нему не разъ, дабы глубже напечатлѣть его въ памяти « Я буду говорить о семъ часто, присовокупляетъ онъ, и не престану повторять сіе. Не нужно любить однихъ и ненавидѣть другихъ; о тѣхъ имѣть попеченіе, о сихъ нерадѣть. Вы погубите мзду вашихъ трудовъ; и тогда, когда будете надѣяться достигнуть пристани спасенія, вы потерпите гибельное кораблекрушеніе за свою несправедливость; потому что великій Судія, неимѣющій ни къ кому лицепріятія, въ день суда, поступитъ съ вами также, какъ вы поступали съ вашими братіями ».

Привязанность, которую начальники имѣютъ къ кому ни-

будь изъ своихъ подчиненныхъ не должна простираться до того, чтобы прикрывать ихъ недостатки и нерасположеніе не должно побуждать ихъ дѣлать вредъ кому-нибудь. Если какой нибудь подчиненный будетъ нерадивъ, не будетъ слѣдовать внушеніямъ ихъ, они не должны говорить въ своемъ сердцѣ: пусть онъ идетъ своимъ путемъ, его вина—если онъ погибнетъ, — это языкъ ненависти и гнѣва. Они должны быть болѣе тронуты грѣховнымъ состояніемъ своего брата, нежели обидою, которую получили отъ него.

Начальники должны вести себя во всемъ такъ, чтобы всегда имѣть въ виду тотъ день, когда мы явимся предъ судилище Іисуса Христа и размышлять, что если страшно отдать тамъ отчетъ и за себя самаго, то имъ нужно еще болѣе бояться, поелику они обязаны отвѣчать и за другихъ. Пусть не думаютъ, что тамъ забудутъ о какомъ-либо изъ ихъ дѣйствій. Тамъ не будетъ недостатка въ свидѣтеляхъ, они будутъ имѣть своими судіями не только законъ и пророковъ, но и отца нашего Пахомія. « И такъ, говоритъ Орсисій, вы управляющіе монастырями должны постоянно заботиться о пользѣ братіи въ правотѣ и страхѣ Господнемъ. Не злоупотребляйте изъ гордости своею властію, но съ кротостію будьте образцами для другихъ, какъ дѣлалъ сіе нашъ Спаситель и Святый Павелъ, коего попеченіе простиралось на всѣхъ, который самъ плакалъ съ скорбящими и примѣнялся къ нуждамъ каждаго въ особенности ».

« Остерегайтесь еще, продолжалъ онъ, чтобы никто изъ ввѣренныхъ вамъ не соблазнился вами, и не палъ ради вашихъ грѣховъ. Не презирайте ни чьей души изъ опасенія, чтобы она не погибла ради вашего невниманія, что не преставалъ намъ заповѣдать святой отецъ нашъ Пахомій ».

« Начальники различныхъ общинъ должны быть всегда готовы отвѣчать на различные вопросы, которые предложатъ имъ монахи касательно спасенія души своей. Нужно, чтобы они учили тѣхъ, кои имѣютъ въ томъ нужду, помогали ма-

лодушнымъ, укрѣпляли слабыхъ; поступали въ отношеніи ко всѣмъ съ кротостію и терпѣніемъ и были внимательны къ сему наставленію Апостола: отцы не раздражайте чадъ своихъ, но воспитовайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ (Еф. 6, 4.), зная, что болѣе взыщется съ того, кому болѣе дано, и кому довѣрены болѣе важные предметы (Колос. 3). Кромѣ того они должны обращать вниманіе не на то, что имъ прилично, но на то, что полезно ихъ братіямъ. Если случится какое-либо зло въ общинахъ по нерадѣнію начальниковъ, сіи должны думать, что не одни подчиненные, но и они сами виновны предъ Богомъ, потому что по недостатку ихъ бдительности содѣланъ грѣхъ; и о семъ-то нашъ блаженный отецъ обыкновенно напоминалъ намъ такъ часто ».

Помощники въ каждой общинѣ должны стараться быть смиренными и искренними, и точно слѣдовать правиламъ старцевъ. Они должны сообразоваться съ общею жизнію и бодрствовать надъ соблюденіемъ всего, дабы спасти свою душу.

Послѣ того, какъ Орсисій показалъ начальникамъ, каковы ихъ обязанности, онъ обращаетъ слово свое къ монахамъ простымъ, и съ силою многими мѣстами Писанія убѣждаетъ ихъ трудиться надъ своимъ спасеніемъ. « Будьте, говоритъ онъ, какъ вѣрные рабы, которые ожидаютъ своего господина, имѣя чресла препоясанными и свѣтильники въ рукахъ. Продолжительность труда да не утомляетъ васъ, когда вы станете помышлять, что нѣкогда введены будете на праздникъ небесный. Служите Господу съ радостію, будьте покорны своимъ начальникамъ; удаляйтесь ропота и суетныхъ разсужденій; занимайтесь своими обязанностями съ простотою, дабы украшенные добродѣтелями и страхомъ Божіимъ вы содѣлались достойными усыновленія, которымъ Богъ почтилъ васъ ».

« Помните, что вы храмъ Божій. Онъ погубитъ васъ, если вы имѣете несчастіе оскорбить Его. Не опечаливайте Духа Святаго въ себѣ; живите въ великой чистотѣ, дабы можно было сказать о васъ, что вы садъ заключенный и источникъ

запечатлѣнный. Отказывайтесь отъ всѣхъ суетныхъ удовольствій земныхъ и старайтесь о томъ только, чтобы исполнять волю Господа ».

Потомъ Орсисій представляетъ имъ превосходство и выгоды ихъ призванія и сильныя средства, какія они имѣютъ къ тому, чтобы всецѣло быть въ Богѣ « Подумайте, говоритъ онъ, какова благодать, которую Богъ чрезъ святаго отца нашего Пахомія далъ намъ, дабы отречься отъ міра и всѣхъ попеченій мірскихъ. Какой поводъ и какой предлогъ представимъ мы къ тому, чтобы занимать духъ нашъ заботами временными? Мы имѣемъ начальниковъ, которые заботятся о насъ, которые пекутся о нашемъ содержаніи, о нашей одеждѣ и пищи, какъ во время болѣзни, такъ во время и здоровья. Но будучи облегчены отъ всего тяжкаго ига, остережемся наложить его на насъ снова своимъ желаніемъ имѣть какія-либо вещи или страхомъ потерять ихъ. Это значило бы возвратиться на свою блевотину ».

« За чѣмъ, на самомъ дѣлѣ имѣть намъ излишнюю одежду, пищу болѣе изысканную, ложе спокойное, когда мы должны заботиться о единобразіи съ братіями и когда нѣтъ ничего лучше креста Христова? ».

« Вспомнимъ, что посредствомъ законовъ, которые дали намъ отцы наши, они утвердили насъ на непоколебимыхъ основаніяхъ Апостоловъ и Пророковъ, на ученіи Евангельскомъ, и особенно на краеугольномъ камнѣ, который есть Іисусъ Христосъ. Послѣдуя сему божественному Учителю, мы отъ гордости, причиняющей смерть, перешли къ смиренію, руководствующему къ жизни; оставили богатства, чтобы прилѣпиться къ нищетѣ, перемѣнили опасныя удовольствія на жизнь воздержную и самоумерщвленную ».

« Умоляю васъ, говорилъ онъ также, постоянно сохранять себя въ той рѣшимости, какую вы приняли, вступая въ званіе иноческое. Смотрите на уставъ отца нашего, какъ на таинственную лѣствицу восхожденія на небо. Не желайте того,

что вы попрали ногами. Довольствуйтесь необходимымъ для нуждъ вашей жизни, и не ищите излишняго. Два левитона, малая мантія, два наглавника, поясъ, милоть, жезлъ для тѣхъ, кои находятся въ должностяхъ внѣшнихъ, — вотъ все нужное: вамъ должно остерегаться желанія владѣть какою-либо изъ сихъ вещей, какъ собственностію; ибо это великое преступленіе и даже святотатство ».

« Добрые иноки со смиреніемъ и самоумерщвленіемъ, подвергшіеся игу иноческой нищеты, — сей блаженной нищеты, которая обогащаетъ ихъ, убожа временно; сіи добрые иноки, покидая писское облачепіе—тѣло, получатъ счастіе быть причисленными къ Патріархамъ, Пророкамъ и Апостоламъ, и успокоятся, какъ Лазарь въ лонѣ Авраама; но о тѣхъ, кои осмѣлятся присвоить себѣ въ монастыряхъ то, что служитъ къ общему употребленію всѣхъ братій, скажутъ по выходѣ изъ сего міра, какъ и о богатомъ Евангельскомъ, что они обладали благами въ сей жизни; тогда какъ ихъ братія жили въ трудѣ, постѣ, самоумерщвленіи и отреченіи отъ всего; посему справедливо, чтобы сіи наслаждались блаженствомъ въ вѣчности, поелику для него они отреклись отъ выгодъ земныхъ; но тѣ, кои не хотѣли сообразоваться съ Евангеліемъ заслуживаютъ только мученія и страшныя скорби ада ».

Орисей даетъ изъ сего видѣть, какъ онъ заботился о сохраненіи нищеты иноческой; ее внушаетъ онъ всего болѣе. Онъ совѣтуетъ не беречь ничего безполезнаго; но только то, что позволено уставомъ, — и самое необходимое. Онъ говоритъ, что если кто нибудь присвояетъ себѣ какую-либо утварь и бережетъ ее у себя, или даетъ на сбереженіе другому брату, тогда виновны и тотъ и другой, и ихъ нужно почитать не въ числѣ братьевъ, но болѣе въ числѣ мздоимцевъ, людей постороннихъ, соблазнителей и разрушителей благочинія иноческаго.

Онъ присовокупляетъ, что если кто-нибудь, приходя изъ міра, дабы вступить въ общество, захочетъ сохранить что-либо

изъ того, чѣмъ онъ владѣлъ въ мірѣ и не оставитъ того до смерти, даже въ угожденіе братіямъ; онъ былъ бы не смысленъ, обольщенъ діаволомъ; и съ его стороны было бы сумазбродствомъ желать быть монахомъ, и въ тоже самое время пользоваться сбереженнымъ. « Посему, говоритъ онъ, отречемся отъ міра, чтобы какъ люди совершенные могли слѣдовать за Іисусомъ Христомъ, образцемъ совершенства. Тѣ, кои допускаютъ овладѣть собою любостяжанію, смотрятъ на нищету Іисуса Христа, какъ на безуміе; но въ семъ они послѣдуютъ гнусной страсти жадныхъ Фарисеевъ, которые съ насмѣшками слушали проповѣдь объ отреченіи отъ благъ земныхъ ».

« Монахи, говоритъ онъ еще, по заботливости начальниковъ общинъ, не имѣя недостатка ни въ какой вещи, какую только дозволяетъ употреблять уставъ, ничего не должны принимать отъ своихъ родителей и друзей, даже левитона, или малой мантіи. Еслибы случилось, что у кого-либо изъ нихъ недостаетъ чего-либо, чѣмъ уставъ велитъ снабжать ихъ, то въ семъ виноватъ будетъ настоятель общины и долженъ подвергуться наказанію ».

Вотъ болѣе замѣчательныя наставленія въ аскетическомъ сочиненіи Орсисія. Остальное есть увѣщаніе къ любви, самоумерщвленію, подражанію Святымъ отцамъ и соблюденію правилъ Святаго Пахомія, на котораго онъ указывалъ часто.

Хотя онъ весьма заповѣдуетъ любовь и единеніе, но не одобряетъ тѣхъ человѣческихъ, естественныхъ дружествъ, кои противны общей любви, и образуютъ частныя привязанности. Особенно онъ возстаетъ противъ того, чтобы въ то время, когда начальникъ дѣлаетъ выговоръ одному, другой подъ предлогомъ дружбы или любви осмѣлился принимать на себя его защищеніе и брать его сторону противъ начальника. « Ибо, говоритъ онъ, того воздвигаютъ, а ты повергаешь его на землю. Его возвращаютъ отъ заблужденія, а ты заставляешь

его блуждать еще болѣе. Горе тебѣ, такимъ образомъ ослабляющему своего брата, подносящему ему питье, которое возмущаетъ его умъ. Горе тебѣ, который совращаешь слѣпца съ пути. Ты внушаешь горделивую независимость тому, кто былъ покоренъ; ты наполняешь его сердце горечью, тогда какъ онъ вкушаетъ сладость любви; ты возмущаешь его, когда онъ покоренъ уставу, ты раздражаешь противъ того, кто имѣетъ цѣлію только наставленіе въ заповѣдяхъ Божіихъ! »

Такъ оканчиваетъ свое наставленіе старецъ Орсисій, какъ видно уже близкій къ смерти: « Вотъ послѣднее слово мое, возлюбленныя чада мои. Съ тѣхъ поръ какъ Господь возложилъ на меня заботу о вашемъ поведеніи, я не переставалъ давать наставленія каждому изъ васъ въ особенности и со слезами увѣщавать быть угодными Богу. Меня нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы я скрылъ отъ васъ что-либо изъ того, что почиталъ полезнымъ для спасенія вашей души. Теперь я препоручаю васъ Господу, и желаю, чтобы благодать укрѣпляла васъ и научала достигнуть небеснаго наслѣдія. Будьте бодрственны, трудитесь съ ревностію; не теряйте никогда изъ виду цѣли, предположенной вами, и выполняйте въ точности обѣты, которые вы дали ».

« Что касается до меня, я чувствую, что отхожу и что время моего разлученія съ вами приближается. Я подвигомъ добрымъ подвизался; теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ. Остается получить вѣнецъ правды, который Богъ, какъ Праведный Судія соблюдаетъ для меня въ день оный, а также и для всѣхъ тѣхъ, кои возлюбили правду и соблюдаютъ заповѣди нашего отца. Окончу сими словами, кои заключаютъ въ себѣ все, что только я могу сказать вамъ: Бога бойтесь; храните заповѣди Его; ибо на Судѣ своемъ Онъ испытаетъ всѣ дѣла людей и добрыя и злыя ».

Судьба Тавенскихъ обителей послѣ смерти Орсисія мало извѣстна. Но есть свидѣтельство о томъ, что жизнь иноческая до половины пятаго вѣка была въ цвѣтущемъ состояніи. Пе-

троній, посѣщавшій Египетскіе монастыри еще въ концѣ четвертаго вѣка, разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ Ѳиваидѣ Аммона, отца около трехъ тысячъ монаховъ Тавенскихъ. «Они, продолжаетъ Петроній, соблюдали великій уставъ Пахоміевъ, носили милоти, пищу принимали съ лицемъ покрытымъ, опустивъ глаза внизъ, чтобы не видать, какъ ѣстъ близъ сѣдящій братъ; и всѣ хранили такое строгое молчаніе, что казалось находишься въ пустынѣ. За трапезой они, вѣрнѣе сказать, только касались пищи, а не принимали ее, такъ что и за столомъ были, и постъ соблюдали. А это большее воздержаніе — не ѣсть тогда, какъ предъ глазами и въ рукахъ пища». Здѣсь же Петроній удивлялся кротости старца Вина. Онъ никогда не божился, не лгалъ, никто не видалъ его гнѣвнымъ, никто не слыхалъ отъ него празднаго слова, жизнь его проходила въ великомъ безмолвіи, нравомъ былъ тихъ, смиреніе его было безпредѣльное, онъ считалъ себя предъ всѣми за ничто. Послѣ долгой прозьбы, чтобы онъ сказалъ что-нибудь въ назиданіе, онъ едва сказалъ нѣсколько словъ о кротости. За сіе Богъ прославилъ его даромъ чудотвореній (1).

Палладій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Петронія, посѣщавшій Египетъ, пишетъ, что главный монастырь имѣетъ около тысячи трехъ сотъ человѣкъ. Въ другихъ живетъ по двѣсти и по триста человѣкъ. Между монахами Пахоміева монастыря, объ Аѳоніѣ своемъ другѣ, экономѣ монастырскомъ, пишетъ Палладій: «Его, какъ недоступнаго соблазнамъ, обыкновенно посылаютъ въ Александрію по монастырскимъ нуждамъ, какъ-то—для продажи рукодѣлій и для покупки припасовъ». Палладій описываетъ Тавенскій монастырь въ Панесѣ. «Въ немъ было, пишетъ онъ, триста человѣкъ братіи. Здѣсь занимаются всякимъ ремесломъ и остатки отъ вырученнаго употребляютъ на содержаніе женскихъ монастырей и на подаянія въ

(1) Ruffin. Hist. Mon. c. 111. IV.

темницы. Вставши рано утромъ всѣ принимаются за свои ежедневныя работы; одни трудятся въ поварнѣ, другіе готовятъ трапезу. Ставятъ столы, раскладываютъ по столамъ хлѣбъ. За столъ приходятъ не въ одно время, каждый разрядъ знаетъ свой часъ. Занятія ихъ состоятъ вотъ въ чемъ: одинъ воздѣлываетъ землю, другой работаетъ въ саду, кто на кузницѣ, на мельницѣ, на кожевнѣ, иные идутъ въ мастерскую плотничать, иные валяютъ сукна, другіе плетутъ корзины и всѣ за работою читаютъ наизусть Св. Писаніе (1).

Кассіанъ, бывшій въ Египтѣ въ первой половинѣ пятаго вѣка, также съ отличною похвалою отзывается о Тавенскихъ монастыряхъ.

« Тавенскіе монахи, пишетъ онъ, имѣютъ въ Ѳиваидѣ многочисленное и строгое общежитіе. Въ немъ одинъ Авва управляетъ болѣе, нежели пятью тысячами братіи, кои всегда такъ послушны старцу, что у насъ такъ покаряться не могутъ и на краткое время ». Онъ говоритъ о постоянномъ ихъ пребываніи въ монастырѣ, о смиреніи и покорности и о тѣхъ правилахъ, коими они образуются такъ, что до преклонной старости остаются въ общежитіи. « И если достигаютъ они, замѣчаетъ Кассіанъ, высшихъ степеней совершенства, то это потому, что такое имѣютъ постоянство съ самаго начала отреченія, какого никто въ нашихъ монастыряхъ и въ продолженіе года не сохранялъ ».

« Что касается до послушанія, то младшіе безъ вѣдома и позволенія старца не только не дерзаютъ выходить изъ келлій, но и не смѣютъ самопроизвольно удовлетворять общей нуждѣ. Поэтому все, что приказываетъ старецъ, они безъ замедленія и прекословія исполняютъ, какъ божеское повелѣніе, такъ что иногда безъ сомнѣнія принимаются за исполненіе невозможныхъ приказаній ».

---

(1) Палл. Лавс. гл. 33.

«Не буду я говорить о томъ трудномъ и высокомъ воздержаніи, котораго мы не можемъ сохранить ни по климату, ни по нашей немощи; ибо они считаютъ величайшимъ наслажденіемъ, если на трапезѣ братіи предложена вареная капуста дикая, приправленная солію; но скажу о томъ, сохраненію чего не можетъ намъ воспрепятствовать ни нѣмощь плоти, ни климатъ. Такъ когда сидя въ своихъ келліяхъ за рукодѣліемъ или размышленіемъ они слышатъ призывъ на молитву или къ какому дѣлу; то каждый тотчасъ выходитъ изъ своей келліи, такъ что занимавшійся письмомъ бросаетъ писать и томъ мѣстѣ, гдѣ застанетъ призывъ, не смѣя даже докончить начатой буквы; потому что они не столько пекутся о совершеніи дѣла и своей пользѣ, сколько о томъ, чтобы доказать свое послушаніе, которое они предпочитаютъ не только рукодѣлію, чтенію, молчанію, покою, но даже всѣмъ добродѣтелямъ, такъ что они готовы претерпѣть всѣ невыгоды для того, чтобы не оказаться преслушными».

«Они живутъ въ такой скудости, что кромѣ левитона, небольшой епанечки, сандалій, милоти и рогожи ничего не имѣютъ. Тавеннскіе монахи такъ молчаливы, что когда братія сидятъ за столомъ, то, кромѣ старца, начальствующаго надъ десятью, никто не смѣетъ слова вымолвить; но и тотъ, если что нужно подать на столъ, или взять со стола, даетъ знать болѣе стучаніемъ, нежели голосомъ; они почитаютъ святотатствомъ не только вкушать, но и дотрогиваться до того, что не предлагается всѣмъ открыто, и не приготовляется экономомъ чрезъ братій же». Кассіанъ разсказываетъ о пресвитерѣ Пинуѳіѣ, подвизавшемся въ Тавеннскихъ монастыряхъ. Будучи Аввою одного Ѳиваидскаго монастыря, онъ, желая избѣжать славы человѣческой, рѣшился удалиться въ общежитіе Тавеннское, зная, что и по обширности страны, и по множеству братіи онъ легко могъ тутъ остаться неузнаннымъ. Его долго не впускали въ монастырь, думая, что по глубокой старости онъ не можетъ перемѣнить привычекъ, ко-

торыя пріобрѣлъ живя въ мірѣ. И когда приняли его, то какъ неспособнаго къ тяжкимъ работамъ, приставили къ саду и отдали подъ надзоръ одному изъ младшихъ братьевъ. Онъ съ радостію упражнялся въ вожделенномъ смиреніи и повиновался своему приставнику съ такою ревностію, что не только усердно смотрѣлъ за садомъ, но еще дѣлалъ всѣ дѣла, за которыя другіе или боялись или стыдились приняться, почему, весьма многое дѣлалъ тайно ночью, такъ что не знали кто это дѣлалъ. Три года провелъ онъ въ неизвѣстности, въ смиренныхъ трудахъ, пока одинъ изъ его иноковъ не призналъ въ немъ своего Авву. Тогда Пинуѳій плакалъ, что по зависти діавола лишился возможности упражняться въ смиреніи и окончить жизнь въ послушаніи, доказать которое онъ, послѣ долгаго исканія, обрѣлъ было самый лучшій случай. Его увели въ монастырь, но онъ опять скрылся и уже не въ Египетъ, но въ Палестину. Ревнители благочестивой жизни нашли его и здѣсь и сохранили для памяти потомства драгоцѣнное наставленіе его брату, недавно принятому въ общежитіе.

« Наконецъ, такъ говорилъ Пинуфій, послѣ многодневныхъ испытаній ты принятъ, но тебѣ должно знать, почему ты съ такимъ затрудненіемъ допущенъ, ибо на томъ пути, на который вступить желаешь, ты много можешь получить пользы, если надлежащимъ образомъ узнавъ оный, будешь исправлять служеніе Христово постепенно и какъ должно ».

« Какъ тѣмъ, кои вѣрно служатъ Богу и питаютъ къ нему такую любовь, какая требуется нашими правилами, обѣщается безконечная слава: такъ и тѣмъ, кои небрегутъ о томъ, чтобъ приносить обѣщанные плоды святости, уготованы вѣчныя казни; ибо по словамъ Писанія, лучше не обѣщать, нежели обѣщавъ, не исполнить; и проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. Посему мы долго тебя не принимали не потому, что непріятно было твое или чье-либо спасеніе, и чтобы мы не хотѣли споспѣшествовать тѣмъ, кои хотятъ обратиться ко Христу; но потому, чтобы принявъ

тебя безъ разсужденія, самимъ не сдѣлаться виновными въ легкомысліи, а тебя не подвергнуть тягчайшему наказанію, еслибы, бывъ принятъ тогда, какъ еще не разумѣлъ важности нашего званія, въ послѣдствіи или охладѣлъ, или не устоялъ въ обѣтѣ. И такъ помни сущность твоего отреченія, и изъ оной научайся тому, что тебѣ должно дѣлать ».

« Отреченіе есть не что иное, какъ доказательство того, что мы распялись міру и умерли. И такъ знай, что ты сегодня умеръ для міра, дѣлъ и похотей его, или по Апостолу, распялся ему, а онъ—тебѣ. Держи же въ умѣ крестъ, подъ знаменіемъ коего ты долженъ жить, ибо не ты уже живешь, но живетъ въ тебѣ Распявшійся за тебя; и какъ онъ за насъ висѣлъ на крестномъ древѣ, такъ и мы, пригвоздивши ко страху Господню плоть, волю и всѣ желанія наши, не должны служить страстямъ нашимъ, но постоянно умерщвлять ихъ, дабы такимъ образомъ исполнить заповѣдь Господню: иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ. Но, можетъ быть, скажешь: какъ можно человѣку непрестанно носить крестъ свой, или какъ распятый можетъ жить? Послушай краткое объясненіе сего ».

« Крестъ нашъ состоитъ въ страхѣ Господнемъ; почему, какъ распятый не можетъ двигать членовъ своихъ, или обращать ихъ, какъ бы ему хотѣлось, такъ и мы должны хотѣть не того, что пріятно намъ и что льститъ нашимъ похотямъ, но того, чего отъ насъ требуетъ законъ Божій; и какъ пригвожденный ко кресту не думаетъ о настоящемъ и предметахъ своей страсти, не заботится о будущемъ, не желаетъ владѣній, не гордится, не споритъ, не ревнуетъ, не скорбитъ о настоящихъ, не помнитъ прошедшихъ обидъ, но думаетъ только о томъ, куда онъ пойдетъ чрезъ нѣсколько минутъ: такъ и мы, пригвоздившись ко страху Господню, должны умереть всему, и обратить все вниманіе туда, куда можемъ каждую минуту переселяться; ибо такимъ образомъ мы можемъ умертвить всѣ наши похоти и плотскія страсти ».

« И такъ остерегайся тѣхъ вещей, коихъ ты уже отрекся, и вопреки повелѣнію Господню не возвращайся съ села дѣланія Евангельскаго, дабы взять одежду, которой ты совлекся, т. е., не обращайся къ земнымъ похотямъ и занятіямъ, и съ кровли совершенства не сходи за тѣмъ, что ты бросилъ; остерегайся вспоминать о родителяхъ, о прежнемъ пристрастіи, не вдавайся въ мірскія заботы, дабы, обратившись вспять, тогда какъ ты взялся за рало не лишиться царствія небеснаго; смотри, чтобы та гордость, которую ты нынѣ попралъ вѣрою и смиреніемъ, не стала пробуждаться въ тебѣ, когда будешь заниматься псалмопѣніемъ и усовершенствоваться въ нынѣ принятомъ тобою званіи; но паче старайся пребыть до конца жизни въ той нищетѣ, которую обѣщалъ предъ Богомъ и Ангелами Его. Того смиренія и терпѣнія, съ коими ты, въ продолженіе десяти дней просилъ, стоя за монастырскими воротами, чтобы тебя приняли сюда, ты не только не оставляй, но еще въ немъ усовершайся и возрастай; ибо бо́льшее бѣдствіе угрожаетъ тому, кто послѣ такого начала, вмѣсто того, чтобы восходить къ совершенству, дѣлается несовершеннѣйшимъ; потому что, только сохраняющій сіи добродѣтели до конца спасенъ будетъ ».

« Такъ какъ хитрѣйшій змій не престаетъ блюсти пяту, т. е., полагаетъ намъ преткновенія, и до конца жизни нашей старается насъ уязвить; то ты не получишь пользы отъ того, что хорошо только начнешь и покажешь ревность только при началѣ вступленія въ монастырь, а въ послѣдствіи не принесешь надлежащаго плода, и не сохранишь до конца жизни нищеты и смиренія Христова, согласно обѣщанію своему. А чтобы тебѣ сохранить ихъ, ты всегда блюди главу змія, т. е., первые помыслы, внушаемые имъ, и не медля открывай старцу своему; ибо если ты не будешь стыдиться открывать ихъ старцу, то научишься сокрушать вредоносную главу его ».

« И такъ, рѣшившись служить Богу, пребывай въ страхѣ Божіемъ и приготовь душу твою не къ покою, бездѣйствію и

наслажденію, а къ искушеніямъ и огорченіямъ, ибо скорбями подобаетъ внити въ царствіе Божіе, потому что путь и врата, вводящія въ царствіе небесное, тѣсны; почему немногіе ихъ обрѣтаютъ. Знай, что ты въ числѣ немногихъ избранныхъ, и смотря на примѣръ немногихъ, не охладѣвай, но живи такъ, какъ живутъ немногіе, дабы съ этими немногими удостоиться тебѣ царствія небеснаго; ибо много званныхъ, а мало избранныхъ, и мало то стадо, которому Отецъ благоизволитъ дать царство. Знай, что тяжко грѣшитъ тотъ, кто, обѣщавшись быть совершеннымъ, дѣлается несовершеннѣйшимъ. Къ совершенству же восходятъ по слѣдующимъ степенямъ».

«Начало и ограждение нашего спасенія есть страхъ Господень, посредствомъ коего наставляемые на путь совершенства обращаются отъ грѣховъ, очищаются отъ пороковъ и утверждаются въ добродѣтели. Сей страхъ, проникая душу человѣческую, производитъ отвращеніе къ мірскимъ вещамъ и заставляетъ забыть родителей и весь міръ; а отвращеніе отъ стяжаній производитъ смиреніе, которое сопровождается тѣмъ, что человѣкъ, имѣющій его, вопервыхъ умерщвляетъ волю свою; вовторыхъ не только дѣла, но и помыслы свои открываетъ старцу своему; вътретьихъ, все дѣлаетъ по суду старца, и ничего по своему; вчетвертыхъ постоянно послушенъ, кротокъ и терпѣливъ; вопятыхъ, не только не обижаетъ никого, но и своихъ обидъ не ищетъ; вшестыхъ, ничего не дѣлаетъ такого, что несогласно съ общимъ уставомъ, или не одобряется примѣромъ большей части; вседьмыхъ, доволенъ всякимъ состояніемъ, какъ бы оно ни было низко, и все повелѣваемое ему исполняетъ рабски; восьмыхъ, почитаетъ себя не только словомъ, но и дѣломъ, худшимъ всѣхъ; вдевятыхъ, удерживаетъ свой языкъ и не говоритъ громко; вдесятыхъ, не смѣется. Вотъ въ какихъ признакахъ обнаруживается истинное смиреніе; и оно-то скоро доведетъ тебя до любви, чуждой страха, воодушевившись ко-

сю ты то самое, что прежде исполнялъ изъ-за страха наказанія, будешь исполнять единственно по чувству любви къ добродѣтели ».

« Чтобы достичь сего, живя въ обществѣ, ты долженъ избрать себѣ въ примѣръ подражаніе немногимъ, а лучше одному, или двумъ. Кромѣ того, что немного можно найти совершенныхъ въ жизни, это полезно потому, что если ты будешь подражать одному и образовать себя по одному образцу; то тогда усерднѣе займешься симъ дѣломъ ».

« А чтобы тебѣ быть въ постоянномъ подчиненіи сему правилу; то, живя въ обществѣ, ты долженъ соблюдать три правила, кои соблюдалъ и псалмопѣвецъ, который, по собственному его призванію, какъ глухой не слыхалъ, какъ нѣмой не отверзалъ устъ своихъ и былъ, какъ человѣкъ, неслышай и неимый во устѣхъ своихъ обличенія. Точно такъ и ты будь слѣпымъ, глухимъ и нѣмымъ;—слѣпымъ, дабы тебѣ, подобно слѣпому, не смотрѣть, кромѣ избраннаго тобою для подражанія, на неслужащее къ назиданію, чтобы соблазнившись, не избрать худшаго; — глухимъ—дабы не внимать, подобно глухому, тѣмъ словамъ, кои произносятъ непокорные, преслушники и пустословы и пересудчики, кои очень легко могутъ своимъ примѣромъ развратить; — нѣмымъ, по примѣру Псалмопѣвца, который говоритъ: рѣхъ: сохраню путь моя, еже не согрѣшати ми языкомъ; положихъ устомъ моимъ хранило, внегда востати грѣшному предъ мною: онѣмѣхъ и смирихся и умолчахъ отъ благъ, дабы быть тебѣ неподвижнымъ, когда ты слышишь злословія, когда наносятъ тебѣ обиды. Къ симъ правиламъ надобно присовокупить четвертое, которое требуетъ того, чтобы ты, по ученію Апостола, былъ буй въ мірѣ семъ, дабы содѣлаться тебѣ премудрымъ, т. е, не разсуждай о томъ, что тебѣ приказано будетъ, но въ простотѣ сердца и съ вѣрою неси послушаніе, почитая святымъ, полезнымъ и мудрымъ только то, что тебѣ повелѣваетъ законъ Божій, или старецъ. Когда ты будешь утвержденъ въ сихъ

правилахъ; то постоянно пребудешь въ семъ ученіи, и вопреки всѣмъ искушеніямъ и кознямъ врага, не выдешь изъ общежитія ».

« Не думай, что ты пріучишься къ терпѣнію тогда, когда никто тебя не будетъ огорчать, (что впрочемъ не въ твоей власти); но его породятъ въ тебѣ твое смиреніе и долготерпѣніе, кои въ твоей власти ».

« Дабы тебѣ удобнѣе принять сердцемъ все заключающееся въ сей пространной рѣчи, я сокращу ее, дабы ты легче могъ удержать въ памяти сокращенное. И такъ вотъ какимъ образомъ безпрепятственно восходятъ къ высшему совершенству: по словамъ Писанія, начало нашего спасенія и премудрости есть страхъ Господень; отъ страха Господня раждается спасительное сокрушеніе сердечное, а отъ сего—отвращеніе отъ всѣхъ стяжаній, — корень смиренія; отъ смиренія же происходитъ умерщвленіе воли, а умерщвленіе воли истребляетъ всѣ пороки, кои, если истребятся, то добродѣтели плодятся и растутъ такъ, что производятъ чистоту сердечную, коею пріобрѣтается совершенство любви Апостольской (1).

Этимъ прекраснымъ наставленіемъ мы должны окончить исторію Тавенскихъ монастырей, потому что нѣтъ дальнѣйшихъ объ нихъ извѣстій.

---

(1) Cass. de coenob. instit. Lib. 4.

НАЧАЛО

ЖЕНСКИХЪ ИНОЧЕСКИХЪ ОБИТЕЛЕЙ

ВЪ ЕГИПТѢ.

Египетъ, въ которомъ началась и приняла опредѣленный видъ и уставъ иноческая жизнь мужей, представляетъ и первые примѣры правильнаго устройства иноческой жизни женъ. « Въ странѣ Египетской, пишетъ Святый Златоустъ, можно видѣть Христово воинство, и чудное общество и образъ жизни, свойственный горнимъ силамъ И это открыто можно видѣть не только на мужахъ, но и на женщинахъ. Ибо и онѣ любомудрствуютъ не менѣе мужей. Онѣ не берутъ щитовъ, не садятся на коней, какъ повелѣваютъ славные Греческіе законодатели и философы, но вступаютъ въ иную, гораздо труднѣйшую брань. Ибо онѣ какъ и мужи вступаютъ въ брань съ діаволомъ и властями тьмы; и въ сей брани естественная слабость пола вовсе не служитъ имъ препятствіемъ; ибо нужно судить о таковыхъ бранях не по естеству тѣлъ, но по произволенію души. Посему и жены часто превосходили подвигами своими мужей и воздвигали славнѣйшія знаменія по-

бѣды (1)». О Христѣ Іисусѣ, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, нѣсть полъ мужскій, ни женскій (Гал. 3, 28). Какъ всѣ призываются въ царство благодати Іисуса Христа, такъ всѣмъ же даруются благодатныя силы; а потому всѣ добродѣтели и подвиги, какими просіяли святые, мужи можно находить и въ святыхъ женахъ. Не обладая крѣпостію силъ и воли мужа, жены, одаренныя болѣе живымъ чувствомъ и воспріимчивостію, прилѣплялись всѣмъ сердцемъ къ жизни иноческой, и пламенѣя любовію къ Господу Іисусу рѣшались на всѣ лишенія ради царствія небеснаго. Ихъ живое чувство, ихъ безпредѣльная любовь къ Господу давала имъ силу проходить путь подвижничества столь же строгій, какъ и путь подвижническій мужей. Мы удивляемся строгому воздержанію, смиренію, самоумерщвленію, нестяжательности и величайшему терпѣнію св. мужей, обитавшихъ въ пустыняхъ, горахъ и вертепахъ; но не болѣе ли должно удивляться точно такимъ же подвигамъ въ немощныхъ по естеству святыхъ женахъ?

Женъ—подвижницъ мы находимъ въ Египтѣ еще въ то время, какъ великій Антоній только что начиналъ свою иноческую жизнь. Рѣшившись проходить отшельническую жизнь, онъ отдалъ свою сестру на попеченіе дѣвственницамъ. Въ первый разъ пришедши съ горы Колзимъ посѣтить свой монастырь Писперъ, онъ нашелъ свою сестру начальницею и учительницею многихъ дѣвъ. Конечно его примѣръ и наставленія руководили это первое общество женскаго иночества. Въ поученіяхъ святаго Антонія къ инокамъ мы находимъ наставленія и для дѣвъ. Въ посланіи о дѣвствѣ, послѣ похвалы дѣвству, Великій Антоній дѣлаетъ обращеніе къ дѣвамъ: «дѣвственница, пишетъ онъ, не должна въ себѣ питать чувствъ, приличныхъ женамъ. Она должна удаляться нечистыхъ мыслей, гордости и всего, что пріятно діаволу. Должна любить всѣхъ

(1) Бесѣда 4-я на Матѳ.

людей, убѣгать славы мірской, быть преданною Богу, обуздывать языкъ, и строго хранить постъ. Если все сіе будетъ она исполнять, содѣлается чистою и Богоугодною жертвою. Если же дѣвственница будетъ заботиться о роскошной пищѣ, и тщеславиться дѣвствомъ, то, вмѣсто славы, подвергнется стыду. Если не будетъ обуздывать своего языка, то тщетно будетъ ея дѣвство » (1). Такимъ образомъ можно почти сказать, что отшельническое женское иночество началось въ Египтѣ съ Антоніемъ также какъ и начало женскому иноческому общежитію положилъ великій Пахомій, основатель сего рода жизни для мужей.

Святыя жены, подвизавшіяся въ молчаніи кроткаго и терпѣливаго духа оставили немного свѣденій о себѣ. Мы соберемъ свѣденія прежде о женахъ, подвизавшихся въ отшельничествѣ, потомъ скажемъ объ учрежденіи женскаго иноческаго общежитія.

Въ Александріи и ея окрестностяхъ было много дѣвственницъ, изъ которыхъ одни жили вмѣстѣ, другія въ отдѣльныхъ келліяхъ. Исидоръ страннопріимецъ имѣлъ сестеръ, съ которыми жило въ одной обители семьдесятъ дѣвъ (2). Діоскоръ, Аммоній, Евсевій и Евѳимій имѣли также сестеръ, которыя, устроивъ монастырь, жили въ пустыни въ значительномъ разстояніи отъ монастыря Аммонія, и тамъ подвизались (3). Палладій говоритъ, что въ его время въ церкви Александрійской было много не только мужей, но и женъ, совершенныхъ въ добродѣтели и достойныхъ наслѣдовать землю кроткихъ. Знаменитый писатель Дидимъ разсказывалъ ему объ одной служанкѣ Александрѣ. Узнавъ о сильной страсти къ ней одного человѣка, она, не желая ни огорчать его, ни безчестить себя, рѣшилась лучше заключить себя въ гробницѣ, не-

(1) Слова Ант. къ мон. 7-е Христ. чт. ч. 20, стр. 323.
(2) Палл. Лавс. гл. 1.
(3) Тамъ же гл. 12.

жели соблазнять его душу. Оставивъ городъ, она заключилась въ гробницѣ и получала пищу чрезъ отверстіе, а сама не показывалась ни мущинамъ, ни женщинамъ лѣтъ около десяти. Съ перваго часа утра до девятаго она молилась, потомъ около часу пряла ленъ, въ остальные часы припоминала себѣ свѣденія о вѣрѣ святыхъ отцевъ и патріарховъ и подвигахъ блаженныхъ Апостоловъ, пророковъ и мучениковъ. Когда наступалъ вечеръ, она, принесши славословіе Богу, ѣла хлѣбъ, а ночь проводила въ молитвѣ, ожидая конца своей жизни. Она сама себя приготовляла къ погребенію. Прислуживавшія ей женщины, подошедши по обычаю къ отверстію и не получивъ отвѣта, увидѣли, что она почила.

Палладій говоритъ также, что Аѳанасій великій шесть лѣтъ укрывался у одной дѣвственницы въ Александріи: она сама умывала ноги его, служила во всемъ, добывала книги и доставляла нужное. — Недалеко отъ мѣстажительства Палладія, близъ Антиноя, жила дѣвственница, которая не выходила изъ келліи съ тѣхъ поръ, какъ отреклась отъ міра, шестьдесятъ лѣтъ провела въ подвижничествѣ. Передъ кончиною ей явился мученикъ Коллуѳъ, предсказалъ время ея отшествія и блаженную участь (1).

Въ писаніяхъ Исидора Пелусіота есть посланіе къ иноки-нямъ Александрійскимъ (σανδαλάριαις) (2). Онъ пишетъ: «природа не знаетъ прозьбы о пощадѣ. Женскій полъ не имѣетъ права на снисхожденіе; ибо можетъ мужественно противостоять обольщенію и отражать нападенія пожеланій. Учитъ этому славная Сусанна и дочь Іефѳая и достойная удивленія Іудиѳь, — одна побѣдившая въ юности наглость старцевъ, другая мужественно пріявшая смерть и отшедшая съ пѣснями сопутствуемая дѣвствомъ, а третья въ награду за цѣломудріе

(1) Палл. Лавс. гл. 20. 120. 123.

(2) Онѣ названы такъ вѣроятно потому, что носили сандаліи.

получила отъ Бога силу убить тиранна. А глава женскихъ побѣдъ и трофеевъ всехвальная Ѳекла, стоявшая вѣчнымъ столпомъ дѣвства, какъ огонь возгорѣвшись изъ среды волнъ страстей, приплыла въ безопасную пристань. Если желаете быть таковыми, сохраняйте неугасимыми лампады; ибо скоро придетъ женихъ. И да не усыпитъ васъ какой-либо сонъ сладострастія, который сонливыхъ и нерадивыхъ оставляетъ за дверями брачнаго чертога (1)».

Въ другомъ посланіи Исидоръ обличаетъ инокинь, ходящихъ часто въ городъ. «Вы не заботитесь о чести пола и своемъ подвижничествѣ; не устрашились обольщеній, какія представляетъ городъ и для взора и для слуха; не убоялись будущей за сіе угрозы, часто ходя въ городъ. Если опять будете посѣщать его, то и не желая подвергнетесь искушенію; бѣжите брани шума мірскаго, которая страшными стрѣлами поражаетъ подвижничество (2)».

Павелъ Фермейскій разсказывалъ Макарію Александрійскому, что въ одномъ селеніи живетъ дѣвственница, которая подвизается уже тридцатый годъ. Кромѣ субботы и воскресенья, она не вкушала пищи и каждый день совершала по семи сотъ молитвъ.

Около Александріи была одна дѣвственница, престарѣлая лѣтами, она еще болѣе была возрастна по добродѣтелямъ. Одинъ старецъ спросилъ ее, какъ она достигла такого степени святости. Сначала она отвѣчала одними стенаніями и вздохами. Потомъ разсказала, что у ней былъ отецъ весьма благочестивый, тихій, терпѣливый, скромный и такъ уединенный въ своемъ семействѣ, что почти не зналъ, что происходило въ его деревнѣ. Онъ обработывалъ свое поле, и плоды съ него приносилъ домой на содержаніе своего семейства. Будучи слабъ

(1) Oper. Isid. Pel. Lib. 1. Epis. 87.
(2) Lib. 11. Epist. 397.

здоровьемъ, онъ часто хворалъ. Болѣзнь свою онъ переносилъ съ такимъ терпѣніемъ, что не только не слыхали отъ него жалобы, но даже слова объ ней. Такимъ образомъ жизнь его проходила въ трудѣ и страданіи. Когда онъ умеръ, послѣ долгой и мучительной болѣзни, сдѣлалась такая сильная буря, сопровождаемая громомъ, молніей и дождемъ, что три дня нельзя было вынести его тѣла изъ дому для погребенія. Жители селенія смотрѣли на это событіе, какъ на свидѣтельство, что жизнь его столь же неугодна Богу, какъ и онъ мало любилъ людей. Наконецъ дождь кончился, его отнесли въ могилу безъ всякой погребальной церемоніи.

Жена его была совершенно противоположнаго характера. Она была зла, разсѣянна и вела себя дурно послѣ мужа, но всегда пользовалась добрымъ здоровьемъ и была любима сосѣдями и когда умерла, всѣ провожали ея гробъ. Это различіе конца мужа благочестиваго и несчастливаго, и жены злой и счастливой поразило юную дѣвицу. Что пользы, говорила она въ душѣ своей, отъ благочестія отца? Онъ всю жизнь терпѣлъ скорби и болѣзни, и конецъ его былъ безчестенъ, а мать пользовалась всѣми временными удовольствіями въ жизни, и когда умерла, ей оказали уваженіе всѣ ее знавшіе. Не благоразумнѣе ли идти по слѣдамъ матери, нежели отца, пользуясь лучше вѣрнымъ, чѣмъ дожидаться неизвѣстнаго?

Когда она волновалась этими мыслями, ей въ сонномъ видѣніи открыта была блаженная участь отца и страшныя мученія матери; не колеблясь ни минуты, она посвятила себя подвижнической жизни (1).

Жена Аммона Нитрійскаго, послѣ удаленія своего мужа въ пустыню Нитрійскую, въ своемъ домѣ собрала до семидесяти дѣвственницъ, и въ постѣ, и молитвѣ подвизалась съ ними. Два

(1) Rosweid. vita PP. Lib. 1 n. 13.

раза въ годъ она посѣщала своего мужа, чтобы пользоваться его совѣтами и наставленіями.

Въ области Александрійской была подвижница Сарра. Она шестьдесятъ лѣтъ прожила въ келліи на берегу Нила и ни разу не наклонилась, чтобы посмотрѣться въ водѣ (1). Тринадцать лѣтъ мужественно она боролась съ вожделеніями плоти и никогда не молилась о прекращеніи сей брани, но только взывала: Боже, дай мнѣ силу! Однажды, когда врагъ спасенія ея сильно возбудилъ нечистыя движенія, представляя ей суетные предметы міра, она, вооружась страхомъ Божіимъ и строгимъ постомъ, усердно молилась на верху своего дома и побѣдила силою Господа Іисуса Христа нечистыя движенія.

Ее посѣщали и великіе подвижники. Однажды пришли къ ней пустынники. Она предложила имъ корзинку съ плодами. Оставляя хорошіе плоды, они ѣли только гнилые. Сарра сказала имъ: истинно вы пустынники. Въ другой разъ пришли къ ней два старца, великіе отшельники Пелузскіе и, отходя, рѣшились дать ей урокъ въ смиреніи. Смотри, не превозносись умомъ твоимъ и не говори: вотъ и отшельники ходятъ ко мнѣ женщинѣ. «Я женщина по тѣлу, а не по уму», отвѣчала она. Не тщеславіе скрывалось въ сихъ словахъ, но сознаніе, что слабость пола женскаго не препятствуетъ подражать мужамъ въ подвигахъ духовныхъ. Она говорила: «если я буду просить Бога, чтобы всѣ люди были мною довольны, то должна буду стоять у дверей каждаго. Но лучше буду молиться Богу, чтобы сердце мое было чисто передъ всѣми».

Всегдашняя мысль ея была мысль о смерти. «Когда я поднимаю ногу, чтобы взойти на лѣстницу, я представляю себѣ предъ очами смерть и потомъ всхожу на лѣстницу». «Хорошо подавать милостыню, говорила она, и для людей; ибо хотя

(1) Достоп. сказ. о подв. Отцевъ стр. 268.

она подается и по человѣкоугодію, но послѣ можетъ послужить къ умилостивленію Бога ».

Была другая знаменитая отшельница, вблизи Александріи, Ѳеодора, жившая во время Архіепископа Ѳеофила. Ея наставленія также дышатъ высокою мудростію. « Старайтесь, говорила она, входить тѣсными вратами. Ибо какъ дерева не могутъ приносить плодовъ, если не вытерпятъ зимнихъ бурь и дождей, такъ и для насъ сей вѣкъ есть зима, и мы неиначе можемъ сдѣлаться наслѣдниками царства небеснаго, какъ чрезъ многія скорби и искушенія ». Она говорила еще : « истинное безмолвіе — великое дѣло для дѣвственницы или для монаха, особенно для молодыхъ. Но какъ скоро начинаетъ кто-либо безмолвствовать, тотчасъ душа отягчается унынiемъ, малодушiемъ и помыслами, а тѣло болѣзнями, усталостію, разслабленiемъ : но если будемъ мы бодрствовать, все это изчезнетъ ». Въ подтвержденіе словъ своихъ она указывала на примѣръ одного отшельника, который, пришедши на правило, почувствовалъ себя больнымъ. Но монахъ сказалъ : « вотъ я теперь болѣнъ, и можетъ быть скоро умру ; встану же передъ смертію и совершу молитву. Онъ сталъ молиться и болѣзнь его прошла. Рѣшившись подвизаться въ одномъ мѣстѣ, не должно перемѣнять его, ибо отъ себя не уйдешь. « Не спасетъ насъ, говорила она также, ни подвижничество, ни бдѣніе, ни другой трудъ, если мы не будемъ имѣть смиренія (1) ».

Палладій еще разсказываетъ о дѣвственницѣ Піамунѣ, которая всю жизнь провела съ своею матерію и съ нею на единѣ принимала пищу вечеромъ, а днемъ пряла лепъ. Она удостоилась дара пророческаго и дара чудотворенія (2).

Были жены, которые подвизались среди мужей. Таковы были : Евфросинія, Ѳеодора. Евфросинія, дочь знатнаго гра-

---

(1) Достоп. сказ. о подв. Отцевъ. стр. 202.
(2) Палл. Лавс. гл. 33.

жданина, получила прекрасное воспитаніе, и отецъ готовилъ ее въ супружество достойному. Но желаніе посвятить свою жизнь единственно Господу Іисусу увлекло ее изъ дому родительскаго. Опасаясь, чтобы отецъ не нашелъ ее въ женскомъ монастырѣ, она одѣлась мужчиною и подъ именемъ Смарагда принята была въ мужскій монастырь Аввы Ѳеодосія, въ которомъ подвизались триста пятьдесятъ иноковъ. Ей было 18 лѣтъ, когда она вступила въ монастырь и въ уединенной келліи провела она тридцатъ восемь лѣтъ въ подвигахъ, только въ день смерти открывшись своему отцу (1).

Ѳеодора, мучимая раскаяніемъ за невѣрность, сдѣланную мужу, оставила свой домъ и сначала вступила въ женскій монастырь. Но опасаясь, чтобы здѣсь не нашелъ ее мужъ, она, подъ видомъ евнуха, вступила въ мужской монастырь, бывшій въ шести поприщахъ отъ города. Авва сначала не принималъ ее, и она цѣлую ночь провела за воротами. На другой день настоятель, видя ея терпѣніе, принялъ въ монастырь, обязавши ее быть въ совершенномъ повиновеніи всѣмъ инокамъ. На нее возложена обязанность смотрѣть за садомъ и носить воду, гдѣ она понадобится, мести домъ и другія тяжелыя работы, не оставляя поста, бдѣній, молитвы и Божественной службы. Все это Ѳеодора охотно исполняла, и ей казалось этого мало для заглажденія ея преступленія, она хотѣла увеличить свой трудъ, принимала пищу однажды въ недѣлю, за свои подвиги и смиреніе она сподобилась дара чудотворенія. Чтобы показать въ ней образецъ совершеннаго терпѣнія, Богъ попустилъ ей искуситься клеветою.

Одна дѣвица оклеветала ее въ своей беременности, Ѳеодора не стала оправдываться; съ терпѣніемъ перенесла безчестіе и изгнаніе изъ монастыря и поселилась въ хижинѣ недалеко отъ него, воспитывая дитя—мнимый плодъ ея связи съ дѣви-

(1) Act. S. Bolland. febr. 11.

цею. Тамъ подвизалась она семь лѣтъ. Потомъ иноки сосѣдняго монастыря позволили ей вступить въ ихъ монастырь, гдѣ она прожила два года. Только при смерти узнали, кто она; изумились ея терпѣнію и смиренію.

Приближенная къ Императору Юстиніану, Анастасія возбудила зависть въ Θеодорѣ. Избѣгая ея зависти и вмѣстѣ проникнутая чувствомъ суетности всего земнаго, взявши съ собою, сколько могла денегъ, удалилась въ Египетъ и тамъ, недалеко отъ Александріи, выстроила женскій монастырь. Здѣсь она оставалась до смерти Θеодоры. Но когда дошелъ до нея слухъ, что Императоръ ищетъ ее, она рѣшилась оставить окрестности города и удалиться въ пустыню. Ночью она оставила свой монастырь и пошла въ пустыню Скитскую, чтобы тамъ искать безопаснаго убѣжища. Здѣсь нашла она Авву Даніила, и, открывшись предъ нимъ, просила его дать ей пріютъ. Онъ облекъ ее въ одежду инока и велѣлъ жить ей въ пещерѣ не подалеку отъ своего жилища, предписавши ей правила для жизни. Между прочимъ она не могла сдѣлать шагу за порогъ своей келліи, ни впускать кого-либо въ свою келлію. Его ученикъ носилъ ей каждую недѣлю сосудъ воды и ставилъ у ея келліи, не говоря съ ней ни слова.

Двадцать восемь лѣтъ провела Анастасія въ постоянномъ постѣ и молитвѣ. Много борьбы вынесла она отъ діавола, но силою Божіею вышла побѣдительницею. Она предузнала день своей кончины, который открытъ былъ также и Аввѣ Даніилу. Онъ пришелъ къ ней съ своимъ ученикомъ въ послѣдній день ея, причастилъ ее Святыхъ Таинъ, принялъ ея послѣдній вздохъ. Ея келлія была для ней гробомъ. Вотъ примѣры подвиговъ женщинъ въ образѣ мужчинъ. Но эти примѣры только исключительные. Такая жизнь предпринималась только по особому указанію Промысла и не могла служить образцемъ. Соборъ Гангрскій (прав. 13) запретилъ подобные случаи.

Еще раньше Анастасіи, въ пустынѣ Скитской, около Ликополя, въ пещерѣ, подвизалась одна женщина. Авва Дула съ

своимъ учителемъ Виссаріономъ идя по пустынѣ, пришли къ одной пещерѣ и тамъ нашли брата, который сидѣлъ и дѣлалъ веревку. Онъ не взглянулъ на нихъ, не привѣтствовалъ ихъ и не хотѣлъ говорить. Виссаріонъ сказалъ ученику своему: пойдемъ отсюда, можетъ быть старцу не угодно говорить съ нами. Возвращаясь изъ Ликополя, Виссаріонъ опять проходилъ мимо пещеры и зашедши въ нее, нашелъ брата уже умершимъ (1). Когда они стали приготовлять его къ погребенію, увидали, что это была женщина. «Вотъ какъ и женщины побѣждаютъ сатану», сказалъ Виссаріонъ.

Дочь Императора Анеима, (467 — 471) Апполинарія, воспламененная любовію къ иноческой жизни, посѣтивъ святыя мѣста, и приплывъ въ Александрію, пришла къ гробу св. Мины. Отсюда отправилась къ отцамъ Скитскимъ, гдѣ остановилась подлѣ озера на источникѣ, который послѣ назывался источникомъ Аполлинаріи, и тогда какъ спали ея провожатые облеклась въ иноческую мужскую одежду и скрылась въ пустыни. Много лѣтъ провела она здѣсь въ борьбѣ съ діаволомъ. Тѣло ея, изъѣденное комарами, покрылось какъ бы чешуею. Потомъ вышла изъ болота, и назвалась Еввухомъ Дороѳеемъ.

Съ нею въ пустынѣ встрѣтился Макарій Египетскій. Преподавъ другъ другу благословеніе, Дороѳей спросилъ Макарія, кто ты? Я Макарій отвѣчалъ старецъ. Сдѣлай милость, сказалъ Дороѳей, позволь мнѣ обитать съ братіями. Макарій далъ новому брату тотчасъ же келлію. Здѣсь Апполинарія въ строгомъ подвигѣ проводила жизнь свою, дни и ночи совершая молитвы. Вскорѣ посѣтилъ ее Макарій и спросилъ ее объ имени. Имя мое Дороѳей, отвѣчала она; услышавъ о добродѣтеляхъ живущихъ здѣсь иноковъ я пожелалъ здѣсь подвизаться съ ними. Какое ты знаешь рукодѣлье, спросилъ ее Макарій? Что ты повелишь, отвѣчалъ Дороѳей, то и буду дѣлать. Макарій ве-

(1) Достоп. сказ. о подв. Отцевъ стр. 31. 32.

лѣлъ плесть веревки. Въ это время другая дочь Императора Анеима сдѣлалась бѣсноватою, и говорила, что если не пошлете меня въ пустыню, то я не буду здорова. Императоръ отправилъ ее къ Скитскимъ отцамъ и Макаріи поручилъ Дороѳею молиться о ея исцѣленіи. Я грѣшный, слабый человѣкъ сказалъ Дороѳеи, оставь меня оплакивать грѣхи, которыхъ такъ много. Много отцевъ, сказалъ Макаріи, которые могутъ это сдѣлать, но тебѣ я поручаю дѣло. Дороѳеи принялъ свою сестру въ келлію и изцѣлилъ ее молитвою. Возвращенная къ родителямъ сестра Дороѳея вскорѣ опять подверглась бѣсованію, и бѣсъ обвинялъ Дороѳея въ растлѣніи дѣвицы. Дороѳеи, призванный ко двору вторично изцѣлилъ свою сестру. Возвратившись въ Скитъ Дороѳеи узналъ свое отшествіе къ Богу, и призвавъ Макарія, просилъ его, чтобы монахи не хоронили его. Какъ это можетъ быть? сказалъ Макарій. По смерти мнимаго евнуха иноки пришли погребсти его, и тутъ только узнали, что это была женщина. Въ изумленіи возвали иноки: слава Тебѣ, Христе, имѣющему многихъ сокровенныхъ рабовъ. Послѣ уже Макарію открыто было въ видѣніи, кто была эта подвижница. Ее погребли съ восточной стороны церкви въ пещерѣ Преп. Макарія, и много чудесъ совершилось отъ ея гроба (1).

Авва Серапіонъ возбудилъ раскаяніе въ одной блудницѣ, повелъ ее въ женскій монастырь и поручилъ матери настоятельницѣ, сказавъ ей: прими сію сестру и не налагай на нее заповѣди, какъ на другихъ сестеръ, подавай, чего она захочетъ. По прошествіи немногихъ, дней сія женщина сказала: я желаю вкушать пищу черезъ два дни. Еще нѣсколько дней спустя она сказала: много грѣховъ у меня, и я желаю поститься по сорока дней. Наконецъ еще чрезъ нѣсколько дней она упрашивала настоятельницу такъ: сильно оскорбила я Бога

(1) Act. SS. Bolland. Tom. I. Jan. p. 260. 261.

моими беззаконіями, сдѣлай же милость отведи меня въ келлію, запри ее и подавай мнѣ въ окно немного хлѣба и рукодѣлье. Мать исполнила ея просьбу и бывшая блудница въ остальное время своей жизни благоугождала Богу (1).

Другую подобную женщину обратилъ къ богоугодной жизни Авва Тимоѳей и она вела въ монастырѣ строгую жизнь (2).

Между сочиненіями Аѳанасія Великаго сохранилось письмо о дѣвствѣ, писанное къ дѣвѣ, которое можетъ познакомить съ уставомъ жизни дѣвственницъ, проводившихъ жизнь иноческую, но не вступившихъ въ монастыри. Наставленія о прохожденіи дѣвственной жизни, заключающіяся въ семъ, обнимаютъ не только внѣшній порядокъ жизни дѣвственницъ, но объясняютъ и внутренній духъ прохожденія сей жизни. Можетъ быть быстрое и обширное распространеніе жизни дѣвственной заставило написать сіе посланіе, какъ уставъ для жизни дѣвъ, не имѣвшихъ руководства въ своихъ домашнихъ благочестивыхъ упражненіяхъ, а потому нерѣдко и при благочестивыхъ намѣреніяхъ, уклонявшихся отъ истиннаго пути.

«Горе, пишется въ посланіи, дѣвѣ, неподчиненной никакому правилу: въ семъ случаѣ она подобна неимѣющему кормчаго кораблю, который, по сокрушеніи кормила, не имѣя правителя, несется въ ту и другую сторону, пока не погибнетъ, разбившись о камень. Въ такомъ же состояніи находится дѣва безъ руководителя, влушающаго ей страхъ. Блаженна та дѣва, которая подчинена правиламъ. Она подобна плодоносному винограду, растущему въ вертоградѣ. Дѣлатель онаго, пришедши къ нему, очищаетъ вѣтви его, напаяетъ его и исторгаетъ растущія около него безполезныя травы, и виноградъ приноситъ благовременно прекрасный плодъ».

---

(1) Достоп. сказ. о подв. Огцевъ стр. 265.
(2) Тамъ же стр. 273. 276.

Руководимый сими мыслями Аѳанасій даетъ для дѣвственницъ правила жизни.

« По словамъ блаженнаго Павла, пишетъ Аѳанасій, тайна велика есть то, что всякъ прилѣпляющійся къ женѣ, бываетъ съ нею едино тѣло. Такъ точно всякій мужъ или жена, прилѣпляющіеся къ Богу, становятся единъ духъ съ Нимъ (1 Кор. 6, 17). Если прилѣпляющіеся къ міру оставляютъ отца и матерь и соединяются съ человѣками смертными: то дѣва цѣломудренная не паче ли обязана оставить все земное и прилѣпиться къ Единому Господу? Всякая дѣва или вдовица цѣломудренная если печется о мірскомъ, то сіе попеченіе бываетъ ей вмѣсто мужа; заботится ли она о богатствѣ, или о другихъ вещахъ, — сія забота оскверняетъ ея душу. Мірскіе образы оскверняютъ душу и тѣло цѣломудренной — и она уже не бываетъ свята по тѣлу и по духу. А та, которая печется о дѣлѣ Божіемъ, имѣетъ женихомъ своимъ Христа и творитъ волю Жениха своего. Воля же Христова состоитъ въ томъ, чтобы прилѣпляющійся къ Нему совершенно ни къ чему не имѣлъ пристрастія, что принадлежитъ вѣку сему, и нисколько не пекся бы о земномъ, а только бы несъ крестъ Распятаго за него, день и ночь имѣлъ бы попеченіе и заботу о томъ, дабы прославлять Его неумолкными пѣснями и славословіями, имѣть просвѣщенное око ума, знать волю Его и творить оную, имѣть простое сердце и умъ чистый, быть милосердымъ, подражая Его милосердію—быть кроткимъ, тихимъ и терпѣливымъ, ни кому не воздавать зломъ за зло, терпѣливо сносить множество оскорбленій. Смиреніе есть также великое средство къ спасенію. Сатана сверженъ съ небесъ не за блудъ, или прелюбодѣяніе, или хищеніе, но гордость низринула его въ преисподнюю. Богъ есть Богъ смиренныхъ. Пламенною любовію возлюбимъ постъ; ибо постъ есть великая твердыня, равно какъ и молитва и милостыня, поелику они избавляютъ человѣка отъ смерти. Какъ Адамъ за яденіе и преслушаніе изгнанъ изъ рая; такъ тотъ,

кто желаетъ паки войти въ рай, входитъ въ оный постомъ и послушаніемъ. Сею-то добродѣтелію, дѣва, украшай тѣло свое, — и угодна будешь Небесному Жениху. Если же нѣкоторые придутъ и скажутъ тебѣ: не постись часто, чтобы не ослабѣть тебѣ, то не вѣрь имъ и не слушай ихъ, ибо таковыхъ подсылаетъ врагъ. Смотри, что дѣлаетъ постъ: онъ врачуетъ болѣзни, изсушаетъ кровоточивые потоки, изгоняетъ демоновъ, прогоняетъ злые помыслы, просвѣщаетъ умъ, дѣлаетъ сердце чистымъ, освящаетъ тѣло и поставляетъ человѣка предъ престоломъ Божіимъ. Постъ есть жизнь Ангеловъ, и кто пребываетъ въ немъ, тотъ причисляется къ лику Ангеловъ. Но не подумай, возлюбленная, что постъ состоитъ только въ тѣлесномъ воздержаніи. Тотъ не постится должнымъ образомъ, кто воздерживается только брашенъ: истинный постъ бываетъ тогда, когда человѣкъ воздерживается отъ всякаго злаго дѣла. Если ты постишься и не воздерживаешься отъ словъ лукавыхъ, отъ гнѣва, лжи, клятвы, осужденія ближняго, отъ сребролюбія, то постъ ничего не пользуетъ, напротивъ губитъ весь трудъ. Не постись неумѣренно, чтобы не сдѣлать тѣла немощнымъ, но проведши девять часовъ дня въ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ, вкуси хлѣба съ плодами, приправленными елеемъ. Передъ трапезой своей такъ благодари Господа: благословенъ Богъ, милующій и питающій насъ отъ нашей юности и дающій пищу всякой плоти, — исполни радостію и веселіемъ сердца наши, дабы мы всегда, имѣя всякое довольство, богаты были для всякаго дѣла благаго, во Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Тебѣ подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь. Когда сядешь за столъ и начнешь раздроблять хлѣбъ, то ознаменовавши оный трижды знаменіемъ креста, благодари такимъ образомъ: благодаримъ Тебя, Отче нашъ, за святое воскресеніе Твое; ибо ты явилъ оное намъ чрезъ отрока Твоего Іисуса, и какъ хлѣбъ сей, лежащій на трапезѣ, нѣкогда состоявшій въ различныхъ зер-

нахъ, будучи совокупленъ, сдѣлался едино: такъ да соберется Церковь Твоя отъ концевъ земли въ царствіе Твое, потому что Твоя есть сила и слава во вѣки вѣковъ. Аминь. Когда же раздробивъ хлѣбъ, положишь его на столъ и хочешь сѣсть за трапезу, тогда прочти всю молитву: Отче нашъ. Когда встаешь изъ за стола, то опять произнеси молитву: благословенъ Богъ и трижды повтори: щедръ и милостивъ Господь: пищу даде боящимся Его; Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Послѣ сего славословія продолжай молиться такъ: Богъ Вседержитель и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Имя, высшее всякаго имени! Благодаримъ и хвалимъ Тебя, что Ты удостоилъ насъ насладиться Своими благами, тѣлесною пищею; — молимъ и взываемъ къ Тебѣ, Господи, даруй намъ и небесную пищу; даруй намъ боятися страшнаго и честнаго имени Твоего и не преступать заповѣдей Твоихъ; законъ Твой и оправданія Твоя вложи въ сердца наши, освяти нашъ духъ, душу и тѣло чрезъ возлюбленнаго Твоего Сына Іисуса Христа и Господа нашего, съ Которымъ Тебѣ подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь».

«Не садись вкушать пищу съ женами нерадивыми и любящими смѣяться. Дѣвы благочестивыя и боголюбивыя да ядятъ съ тобою. Не вечеряй съ гордыми. Когда сидитъ съ тобой за столомъ жена богатая и ты увидишь бѣдную, то пригласи ее къ пищи и не стыдись сего предъ богатою».

«Одежды твои не должны быть изъ драгоцѣнной матеріи. Верхняя твоя одежда должна быть черною некрашенною; головное покрывало такого же цвѣта безъ бахрамы; рукава должны быть шерстяныя, покрывающія руки до перстовъ; волосы на головѣ подрѣзаны кругомъ; головная повязка шерстяная, кукуль и надшейная одежда безъ бахрамы. Если встрѣтишься съ мущиною, покрой лице твое и не обращай его къ человѣку, но только къ Богу. Когда ты станешь на молитву, то надѣвай на ноги сандаліи. Не раздѣвайся до на-

тоты, чтобы не только другая женщина, но и ты сама не видала своей наготы. Безъ нужды не погружай тѣла въ воду, но умывай только лице, руки и ноги и то одною водою. Не намащай тѣла своего мастію, и одеждъ своихъ ароматами».

«Все время жизни своей проводи въ постахъ, молитвахъ и милостыняхъ. Да будетъ всегдашнимъ занятіемъ твоимъ упражненіе въ Священномъ Писаніи. Имѣй Псалтирь и учи Псалмы».

«Восходящее солнце да видитъ въ рукахъ твоихъ книгу и по третьемъ часѣ посѣщай церковныя собранія. Въ церкви соблюдай молчаніе, ничего не говори, но только внимай чтенію. Въ шестомъ часу совершай молитвы съ псалмами, плачемъ и прошеніемъ: ибо въ сей часъ Сынъ Божій былъ повѣшенъ на крестѣ. Въ девятомъ часу въ пѣніяхъ и славословіи умоляй Бога: ибо въ сей часъ Господь, вися на крестѣ, предалъ духъ свой Богу. А когда наступитъ двѣнадцатый часъ, то должно умножить и усугубить хваленіе; ибо въ оный часъ Господь нашъ сошелъ во адъ. Посему въ оный часъ мы должны обращать вниманіе на себя и со слезами ночью призывать Господа: ибо слезы составляютъ великую и превосходную добродѣтель; слезами омываются весьма тяжкіе грѣхи и беззаконія. Вставай въ полночь и воспѣвай Господа Бога твоего, ибо въ оный часъ Господь нашъ восталъ изъ мертвыхъ и воспѣлъ Отца; посему и намъ заповѣдано воспѣвать Бога въ сей часъ. Вставши, сначала прочти слѣдующій стихъ: полунощи возстахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея (Псал. 118, 62). Потомъ помолись и начни читать 50 псаломъ до конца. Исполняй это каждый день и читай псалмовъ, сколько можешь прочесть стоя; каждый псаломъ заключай молитвой и колѣнопреклоненіемъ, исповѣдуя предъ Господомъ грѣхи своя и умоляя Его о прощеніи оныхъ. Послѣ трехъ псалмовъ говори: Аллилуія. Если же будутъ съ тобою дѣвы, то и онѣ должны пѣть псалмы и одна послѣ другой совершайте молитву. По утру же читайте сей псаломъ: Боже, Боже мой къ тебѣ утреннюю: возжада Тебѣ душа моя

(Псал. 62), а предъ разсвѣтомъ: благословите вся дѣла Господня Господа (Дан. 3, 57); также: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе. Хвалимъ Тя, благословимъ Тя и проч.».

«Такимъ образомъ, раба Христова, встаешь ли или сидишь, занимаешься ли чѣмъ, или принимаешь пищу, отходишь ли ко сну, или пробуждаешься, непрестанно воспѣвай пѣснь Богу».

«Не унывай, когда случится съ тобою какое-либо несчастіе; не печалься, когда причиняютъ тебѣ вредъ или обиду; ибо печаль міра сего производитъ смерть. Сокрушайся только о грѣхахъ своихъ, и ни о чемъ другомъ не скорби. Никому не отвѣчай со гнѣвомъ; ибо раба Господня не должна раздражаться. Да не исходитъ изъ устъ твоихъ проклятіе, ниже обида, ниже злословіе; ибо уста твои освящены хвалебными Богу пѣснями и славословіями. Сколько возможно, люби уединеніе. Не забывай рабовъ Божіихъ. Если святой мужъ внидетъ въ домъ твой, то прими его, какъ Сына Божія; ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ (Матѳ. 10; 40). Если же придетъ къ тебѣ мужъ праведный, со страхомъ и трепетомъ встрѣть его и поклонись къ ногамъ его до земли; ибо ты не ему будешь кланяться, но Богу, пославшему его; потомъ возми воды и умой ноги его, и со всякимъ благоговѣніемъ слушай слова его. Не полагайся много на свое цѣломудріе, дабы не пасть, но опасайся сего: ибо доколѣ ты будешь бояться, дотолѣ не подвергнешься паденію. Для воздержной весьма полезно въ уединеніи вкушать хлѣбъ свой. Если же ты сидишь за трапезой съ дѣвами, то вкушай съ ними все предлагаемое. Ибо когда ты не будешь ѣсть, то они будутъ думать, что ты ихъ осуждаешь. Даже, если онѣ пьютъ и вино, для нихъ ты должна выпить немного. Если же съ тобою находятся старицы, и будутъ принуждать тебя выпить болѣе, ты скажи имъ: «вы провели юность вашу въ великомъ воздержаніи, а я еще не достигла и первой степени». Поступай такъ, чтобы никто не

зналъ о твоемъ подвижничествѣ, даже изъ самыхъ близкихъ твоихъ родственниковъ. Но если что дѣлаешь, дѣлай втайнѣ— и Отецъ твой небесный, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ (Матѳ. 6, 4). Если же откроешь жизнь свою, то отъ сего родится въ тебѣ тщеславіе и ты потерпишь вредъ. Тщательно избѣгай тщеславія и надмѣнности. Если тебѣ придетъ на мысль, что ты, успѣвши въ добродѣтели, содѣлалась великою и славною, то не вѣрь сему. Ибо это врагъ опутываетъ тебя и внушаетъ тщеславіе. Если же тебѣ представится мысль, что ты можешь спастися и не изнуряя себя столь тяжкими трудами, то не слушай оной Ибо это врагъ возбуждаетъ тебя къ безпечности и нерадѣнію, дабы отвлечь отъ добродѣтельной жизни. Не принимай похвалъ человѣческихъ и не презирай невоздержныхъ. Если найдешь душу, которая согласна съ твоею и также работаетъ Богу, какъ и ты, то ей открой свою жизнь. Ты получишь великую награду, если чрезъ тебя спасется какая-либо душа. Если тебѣ придетъ мысль что-либо сдѣлать, не рѣшайся безъ разсужденія, чтобы не посмѣялся надъ тобою врагъ твой; но все предпринимай съ совѣта старшихъ. Сохраняй любовь, которая выше всего. Сколько бы ни трудился человѣкъ, но если онъ не имѣетъ любви къ ближнему, то вотще будетъ трудиться. И такъ оказывай любовь къ ближнему не на словахъ только, но и на дѣлахъ. Не удерживай въ сердцѣ своемъ зла, причиненнаго тебѣ другими, иначе молитва твоя не будетъ чиста предъ Богомъ. Имѣй кротость, терпѣніе, великодушіе и младенческую простоту. Никогда не долженъ оскудѣвать елей въ лампадѣ твоей, дабы не погасла она прежде пришествія Жениха: ты не знаешь, когда онъ придетъ въ первый сонъ или по утру. Посему всегда будь готова встрѣтить Его съ мудрыми дѣвами, имѣя въ своей лампадѣ елей т. е. благія дѣла. Всегда помни исходъ свой; каждодневно имѣй предъ глазами смерть: помни предъ Кѣмъ ты должна предстать».

Такими правилами должна руководствоваться дѣвственница.

Но если тяжелымъ представляется отшельническая жизнь для мужей, то тѣмъ тяжелѣе она для женъ, которыя болѣе требуютъ нужды въ поддержаніи и защитѣ. Посему учрежденіе общежитія иноческаго для женъ, ревнующихъ о жизни для Господа, не можетъ не почесться великимъ благодѣяніемъ.

Господу угодно было, чтобы Пахомій, учредитель общежитія для иноковъ, былъ учредителемъ его и для инокинь.

У Преподобнаго Пахомія осталась въ мірѣ сестра. Желаніе видѣть Пахомія и лично убѣдиться въ тѣхъ чудесахъ, которыя объ немъ разсказывали, привели ее въ Тавенну. Отрекшись отъ міра и связей родственныхъ, Пахомій всегда избѣгалъ бесѣды съ женщинами. Когда привратникъ сказалъ ему, что сестра желаетъ его видѣть, Пахомій велѣлъ сказать, что съ нее довольно знать, что онъ живъ и чтобы она возвратилась домой, отказавшись отъ надежды видѣть его. Но не желая совершенно лишить ее спасительнаго совѣта, онъ предложилъ ей, не хочетъ ли она подражать его роду жизни; Богъ по ея примѣру можетъ быть привлечетъ другихъ къ святой жизни, и если ей угодно, то онъ поручитъ братіи выстроить ей монастырь. Огорченная сначала пріемомъ Пахомія, она съ радостію приняла его предложеніе.

Пахомій поблагодарилъ Бога за такую скорую готовность его сестры. Онъ приказалъ болѣе почтеннымъ изъ братій устроить для сестры его монастырь на мѣстѣ Минъ не далеко отъ Тавенскаго монастыря на другой сторонѣ Нила. Живя здѣсь въ страхѣ Божіемъ, она вскорѣ собрала около себя ликъ женщинъ, ввѣрившихся ея руководству. Она учила ихъ и дѣлами, и словами, забывая все земное, прилѣпляться къ одному небесному.

Пахомій ввелъ въ ея монастырь тѣже самыя правила, какъ и въ мужескихъ; у нихъ была таже и одежда, только они не носили милоти. Волосы они стригли и покрывали голову клобукомъ, прикрывавшимъ голову и плеча. Ручнымъ рукодѣль-

емъ ихъ была обдѣлка льна и шерсти, которыя закупалъ для нихъ главный экономъ Тавенскій, равно какъ и все для нихъ потребное.

Никто изъ монаховъ Пахоміевыхъ монастырей безъ особеннаго позволенія не могъ войти въ женскій монастырь. Если у кого была въ монастырѣ сестра или мать, то только въ сопровожденіи старца испытанной добродѣтели онъ могъ войти туда. Онъ сначала спрашивалъ настоятельницу, которая призывала инокиню въ сопровожденіи старицы и въ присутствіи ея онъ могъ разговаривать скромно и чинно. Онъ не могъ ни дарить что-либо, ни самъ получать; потому что ни тотъ ни другой не имѣли собственности, которую могли бы дать. Новости міра не имѣли мѣста въ ихъ разговорѣ, они говорили только о предметахъ благочестія и утѣшались одною надеждою веселиться въ блаженной вѣчности (1).

Когда инокини имѣли нужду въ присутствіи братій для постройки или для другаго подобнаго дѣла, тѣ, коимъ назначено было оказать эту помощь, приводимы были самымъ почтеннымъ инокомъ и съ любовію и страхомъ Божіимъ совершали свой трудъ. Они не могли ни пить, ни ѣсть у инокинь, но въ часъ, назначенный для отдыха, возвращались въ монастырь.

Священникъ и діаконъ, назначенные имъ для служенія, приходили только по воскресеньямъ. Первый правитель монастыря, инокъ Петръ, мужъ престарѣлый и высокій по жизни, умертвилъ въ себѣ страсти.

По его смерти Ѳеодоръ, бывшій настоятелемъ Тавенскихъ монастырей, назначилъ правителемъ женскаго монастыря Минъ и монастыря Бехре, Епониха, человѣка святаго и престарѣ-

(1) De puellarum disciplina. Regul. S. Pach. Holsten. cod. regul. Tom II. p. 30.

лаго (1). Ему преемствовалъ Тиѳой. Чрезъ него главный экономъ раздавалъ инокѝнямъ ленъ и шерсть для работы (2). Въ этомъ монастырѣ были и дѣвицы и вдовы. Здѣсь постриглись сестры Петронія, одного изъ первыхъ учениковъ Пахомія и его преемника въ управленіи Тавенскими монастырями. Здѣсь же въ иночествѣ подвизались мать и сестра Ѳеодора освященнаго, любимаго ученика Преподобнаго Пахомія (3). Когда скончается одна инокѝня, другіе, приготовивъ ее къ погребенію, выносятъ и полагаютъ на берегу рѣки. Иноки, переплывши рѣку, переносятъ умершую на свой берегъ, держа въ рукахъ пальмовыя и оливковыя вѣтви и поя псалмы, и погребаютъ въ своихъ гробницахъ (4). Палладій говоритъ, что въ его время было въ монастырѣ Минъ 400 сестръ (5). Палладій разсказываетъ объ одной великой подвижницѣ изъ сего монастыря Исидорѣ, которая по рѣдкому смиренію и уничиженію показывала себя юродивой и безумной. Служа въ поварнѣ, она исполняла всякое послушаніе для всѣхъ сестеръ; не носила куколь, а покрывалась ветхой повязкой. За трапезу никогда не садилась, никогда не брала себѣ и ломтя хлѣба. Никто изъ сестеръ не видалъ, чтобы она ѣла; она питалась крошками, собираемыми со стола и остатками въ сосудахъ, которые мыла. Обуви никогда не носила. Какъ надъ безумной — надъ ней нерѣдко издѣвались, но она никогда не обижала и ни полсловомъ не показывала ропота. Святость сей подвижницы открыта была святому отшельнику Питирину. Его объяли однажды помыслы тщеславія. «Для чего превозносишься своими подвигами? сказалъ ему представшій предъ нимъ Ангелъ. Ступай въ женскій Тавенскій монастырь и найдешь тамъ

(1) Boll. v. Pach. n. 86. n. 50.
(2) Ibid. c. 11. n. 86.
(3) Ibid. c. 3. n. 26. Rufin. v. pp. L. 3. n. 34.
(4) Палл. Лавс. гл. 33.
(5) Тамъ же гл. 33.

женщину въ повязкѣ, она лучше тебя, ибо подвизается среди многолюдства, служитъ всѣмъ, и, хотя всѣ ее осмѣиваютъ, она сердцемъ никогда не отступала отъ Бога. А ты, сидя здѣсь и никогда не живши въ мірѣ, блуждаешь мыслію по городамъ». Питиримъ изъ Порфирита пошелъ въ Тавенскій монастырь и пожелалъ видѣть всѣхъ инокинь. Собрались всѣ, но онъ не видѣлъ той, которую искалъ. Питиримъ просилъ привести всѣхъ и когда ему отвѣчали: мы всѣ здѣсь, кромѣ безумной, которая въ поварнѣ: Питиримъ велѣлъ привести и ее. Насильно привели Исидору, ибо она не хотѣла идти. Увидѣвъ ее Питиримъ, палъ ей въ ноги и сказалъ: благослови меня мать. Она, упавъ ему въ ноги, просила его благословенія. Авва! не срами себя, она безумная, сказали инокини. Вы безумныя, отвѣчалъ Святой старецъ, она лучше и васъ, и меня, она мать наша, и я молюсь, чтобы оказаться равнымъ ей въ день суда. Услышавъ это инокини, съ плачемъ поверглись на землю, прося простить ихъ за оскорбленія, нанесенныя святой. Спустя немного послѣ удаленія Питирима Святая Исидора, не терпя славы, чести, которыя стали оказывать ей, тайно удалилась изъ монастыря, и никто не зналъ, куда она скрылась и гдѣ кончила свою жизнь (1).

Блаженный Іеронимъ говоритъ, что Маркелла заимствовала образъ жизни иноческой у Тавенскихъ монахинь (2).

Блаженный Августинъ говоритъ, что инокини служили Богу съ великою ревностію и чистотою. Отдаленныя другъ отъ друга, они соединены были взаимною любовію и подражаніемъ добродѣтелямъ. Молодымъ инокамъ не позволялось близко подходить къ монастырю. Даже старцы, доставлявшіе все нужное, только входили въ сѣни, а не въ домъ инокинь (3).

---

(1) Палл. Лавз. гл. 37. 38.
(2) Epist. 16 ad princ. vig. c. 4
(3) August. de mor. Eccles. L. 1 c. 31.

Кромѣ монастырей Тавенскихъ, много еще монастырей женскихъ воздвигнуто было въ верхней и нижней Ѳиваидѣ. Въ городѣ Оксиринтѣ было до 20,000 инокинь. Палладій говоритъ, что въ городѣ Антиноѣ было двѣнадцать женскихъ обителей, въ которыхъ вели жизнь богоугодную. Онъ видѣлъ тамъ старицу Аматалиду, восемдесятъ лѣтъ пребывающую въ подвижничествѣ. Съ ней жило шестьдесятъ отроковицъ, которые, подъ руководствомъ Аматалиды, свято проходили поприще подвижничества; всѣ они любили ее и безвыходно удерживаемы были въ монастырѣ безмѣрною къ ней любовію и святыми ея наставленіями усовершаясь въ цѣломудріи. Въ томъ же монастырѣ уже тридцать лѣтъ жила дѣвственница Таора, ученица Аматалиды. Она никогда не хотѣла взять ни новой одежды, ни нарамника, ни обуви, говоря: я въ этомъ не нуждаюсь. Она безвыходно въ своемъ рубищѣ сидѣла въ келліи. Она рубищемъ скрывала свою красоту, своею скромностію приводя въ стыдъ и страхъ самое безстыдное око (1).

Въ царствованіе Ѳеодосія Великаго посѣщала женскіе монастыри въ Ѳиваидѣ вдова богатаго сенатора Антигона бывшаго въ родствѣ съ Ѳеодосіемъ, Евпраксія съ дочерью, носившею тоже имя. Они нашли здѣсь монастырь, въ которомъ жило болѣе ста инокинь. Жизнь въ этомъ монастырѣ была столь строгая, что инокини не ѣли плодовъ, не употребляли ни вина, ни масла, а питались только травами и бобами безъ всякой приправы. Менѣе строгія изъ нихъ принимали пищу только разъ въ день и то по вечеру. Многія по два, по три дни не ѣли ничего. Они не мыли не только тѣло, даже и ногъ.

Постелью для нихъ служила власяница изъ лошадинаго волоса, очень короткая и узкая, посланная на голую землю: одеждою ихъ была тоже власяница, простирающаяся до ногъ. Они не выходили изъ монастыря и трудились по мѣрѣ силъ.

---

(1) Палл. Лавс. стр. 282. 283.

Если какая сестра дѣлалась больна, они не прибѣгали къ лекарствамъ, а предоставляли больную волѣ Божіей, которая могла исцѣлить ее, если то было угодно. Строгая жизнь угодницъ имѣла благодѣтельное вліяніе на всю область въ исправленіи правовъ и въ помощи въ скорбяхъ — душевныхъ и тѣлесныхъ.

Евпраксіи такъ понравилась эта обитель, что она считала для себя лучшимъ наслажденіемъ ходить въ нее и брала съ собою свою юную дочь, которой было не болѣе семи лѣтъ. Она желала подѣлиться съ обителью своимъ богатствомъ, но любовь къ нищетѣ инокинь не хотѣла приношеній. Евпраксія предложила сумму въ двадцать или тридцать фунтовъ золота настоятельницѣ. Намъ не нужно денегъ, отвѣчала она, мы отреклись отъ богатства мірскаго и всѣхъ благъ его, чтобы удостоиться сокровищъ и радостей вѣчныхъ. Единое приношеніе, которое принимали они, были благовонія для куренія въ церкви, свѣчи для освѣщенія и масло для лампады.

Настоятельница не рѣдко бесѣдовала съ юной Евпраксіей, въ которой усматривала раннее расположеніе къ благочестію, и однажды спросила ее: любитъ ли она монастырь и всѣхъ сестеръ, которыя въ немъ. Да, отвѣчала она съ сердечнымъ чувствомъ. Но если ты насъ любишь, останься у насъ. Я этого очень желалабъ, если бы это не огорчило матери.

Когда нужно было выходить изъ монастыря, юная Евпраксія не хотѣла оставить его. Принимая это не болѣе, какъ за капризъ дитяти, мать оставила ее на ночь. Но и на другой день повторилось тоже. Евпраксія не хотѣла оставить монастыря и изъявляла желаніе совсѣмъ остаться въ немъ. Благочестивая мать вмѣстѣ съ настоятельницею, усматривая здѣсь особенное призваніе благодати, оставили ее въ обители. Немного спустя юная Евпраксія въ храмѣ облечена была въ иноческую одежду, которую она съ радостію приняла, какъ даръ небеснаго жениха. Мать жила подлѣ монастыря, помогая ему имуществомъ и проводя жизнь, подобную подвижницамъ; она не употребляла

ни вина, ни масла, ни рыбы и только по вечеру вкушала немного овощей. Чрезъ нѣсколько лѣтъ ей открыто было въ видѣніи, что наступаетъ время ея кончины. Она, привыкшая считать землю только мѣстомъ изгнанія и всегда своими желаніями переноситься къ Небу, съ радостію готовилась къ переходу въ лучшую жизнь. Юная Евпраксія предалась сначала сильной горести при мысли, что она останется сиротою, но мать утѣшила ее говоря, что ей нечего бояться, когда у неѣ Отцемъ и Женихомъ Христосъ Іисусъ, а мѣсто матери займетъ настоятельница. Послѣднее наставленіе ея Евпраксіи было такое: «старайся исполнить то, что ты обѣщала Богу. Бойся Бога и люби сестеръ Не мысли въ себѣ, что ты царскаго рода и они должны тебѣ служить, но служи всѣмъ со смиреніемъ. Будь бѣдною на землѣ, чтобы получить богатство на небѣ. Тебѣ принадлежитъ все мое имѣніе, отдай его монастырю и молись за твоего отца и за меня, чтобы мы удостоились милосердія у Господа». Это было послѣднее наставленіе матери; скоро она скончалась и была погребена въ монастырѣ. Евпраксіи было не болѣе 12-ти лѣтъ, когда скончалась ея мать. Но она старалась подвизаться подобно взрослымъ. Сначала она вкушала пищу разъ въ день, но потомъ принимала ее чрезъ два или чрезъ три дня, а наконецъ только разъ въ недѣлю. Она исправляла со смиреніемъ и охотою самыя низкія работы въ монастырѣ, никогда она не скорбѣла на множество труда; забывала и свои лѣта и свое происхожденіе, а служила какъ будто съ юности предназначенная къ самымъ низкимъ работамъ. Различные помыслы, внушаемые духами злобы, она разсѣявала немедленнымъ признаніемъ предъ настоятельницею и выходила побѣдительницею изъ этой трудной борьбы. Всегда стоя на стражѣ своихъ помысловъ, полная смиренія и преданности волѣ Божіей, она небоязненно выносила самыя сильныя нападенія врага. Зная, что послушаніе и отсѣченіе своей воли есть лучшее средство къ побѣдѣ надъ врагами спасенія, настоятельница, бдительно слѣдившая за

духовною жизнію Евпраксіи, старалась преимущественно упражнять ее въ послушаніи. Желая испытать ее послушаніе, настоятельница разъ велѣла перенести съ одного мѣста на другое кучу камней, которыя съ трудомъ могли сворачивать съ мѣста двѣ сестры. Евпраксіи не пришло и на мысль, что ей даютъ дѣло, высшее силъ, — она спѣшила исполнить приказаніе и сдѣлала это. Много разъ еще настоятельница заставляла ее перетаскивать эти камни съ мѣста на мѣсто. Она всегда съ готовностію исполняла ея приказанія.

Послѣ этого опыта настоятельница велѣла ей смѣсить хлѣбы, испечь и разрѣзать, чтобы они готовы были сестрамъ въ тотъ же вечеръ. Она исполнила и это. Стоя по цѣлымъ часамъ предъ монахинями, приготовляла кушанье, служила за столомъ, мела монастырь, колола и носила дрова въ поварнѣ, мѣсила и пекла хлѣбы для всѣхъ сестеръ — таковы были ея ежедневныя занятія днемъ, но и ночью она не оставляла псалмопѣнія. Но во всѣхъ низкихъ службахъ — при всемъ ея смиреніи видна была печать какого-то величія, которое свидѣтельствовало о ея высокомъ происхожденіи. Тяжкія работы не изнуряли ея тѣла. Въ двадцать лѣтъ она выше всѣхъ сестеръ была ростомъ, сильнѣе и крѣпче ихъ, и красота нисколько не утратилась, но получила болѣе прелести.

Любимая и уважаемая всѣми сестрами, она умѣла сохранять любовь и къ тѣмъ, которые дѣлали ей непріятности. Одна сестра стала ее упрекать въ лицемѣріи и честолюбіи за ея великій ростъ и труды; когда настоятельница узнавши это, хотѣла наказать сестру, Евпраксія первая была ходатаицею за нее и упросила и другихъ старшихъ инокинь просить за нее, и виноватая была прощена. Много перенесла она искушеній и отъ діавола, но всегда мужественная, всегда полная надежды на Бога, она не страшилась его нападеній. Сестры видѣли особенно почивающую въ ней благодать Божію, которая вскорѣ обнаружилась даромъ чудотвореній. Одна женщина принесла въ монастырь своего ребенка глухаго и нѣмаго, прося мо-

литвъ о исцѣленіи. Настоятельница велѣла Евпраксіи взять дитя у воротъ монастыря и принести къ ней. Увидѣвъ дитя въ такомъ жалкомъ положеніи, Евпраксія, проникнутая жалостію, сказала ему, ознаменовавъ крестнымъ знаменіемъ: Сотворившій тебя изцѣлитъ тебя. Потомъ она хотѣла взять его на руки, чтобы нести къ настоятельницѣ, но лишь только взяла его, какъ увидала, что онъ совсѣмъ здоровъ. Въ другой разъ привели бѣсноватую женщину и настоятельница велѣла Евпраксіи попросить у Бога ей исцѣленіе: смиренная Евпраксія пришла въ трепетъ отъ этого приказанія. Посыпавъ голову пепломъ и упавъ на землю въ чувствѣ собственнаго недостоинства, она восклицала: увы мнѣ! кто я ничтожная, чтобы дерзнуть мнѣ изгнать бѣса, котораго не могли осилить молитвы всѣхъ сестеръ? Но не смѣя прекословить волѣ настоятельницы, съ горячею молитвой она повергласъ въ церкви, и бѣсъ оставилъ женщину. Эти опыты чудотворенія только увеличивали въ Евпраксіи чувство смиренія. Въ немногіе годы Евпраксія достигла мѣры возраста совершенныхъ, и Господь въ сонномъ видѣніи открылъ настоятельницѣ, что Пресвятая Дѣва введетъ Евпраксію въ жилище небесное и это случится чрезъ десять дней. Съ трепетомъ приняла это извѣстіе Евпраксія; зная одни свои немощи, съ горькими слезами повергласъ она къ ногамъ настоятельницы и молила ее испросить ей у Господа еще годъ жизни, чтобы плакать, видя себя лишенною добродѣтелей и имѣющею нужду въ покаяніи. Настоятельница подняла ее и внушала ей твердость и преданность воли Божіей. Между тѣмъ у Евпраксіи открылась горячка, настоятельница велѣла отнести ее въ церковь,—тамъ весь день сидѣли при ней сестры, ночью смѣнила ихъ настоятельница съ сестрою Юліей, болѣе близкой къ Евпраксіи. Евпраксія сильно изнемогала; сестры собрались къ ней, простилась съ нею и Юлія. Евпраксія на тридцатомъ году своей жизни скончалась. Сестра Юлія, бывшая наставницей у Евпраксіи и молившая ее передъ смертію взять съ собою чрезъ

пять дней послѣ смерти Евпраксіи тоже отошла въ блаженную вѣчность. Не болѣе тридцати дней прожила послѣ смерти Юліи и настоятельница монастыря. Ей открыта была блаженная участь Евпраксіи и Юліи и обѣщано ей тоже упокоеніе. Собравъ сестеръ и испросивъ ихъ молитвъ, она просила ихъ избрать вмѣсто себя настоятельницу. Сестры выбрали Θеогнію. « Сестры избрали тебя, сказала ей настоятельница, чтобы ты управляла ими по закону Божію и по правиламъ монастырскимъ. Заклинаю тебя именемъ Пресвятой Троицы, не искать имуществъ и богатствъ мірскихъ, не допускать сестеръ до заботъ земныхъ, пусть они презираютъ блага временныя, чтобы быть достойными благъ небесныхъ. Потомъ, обратясь къ сестрамъ, сказала: любезныя мои сестры, помните о томъ, какъ жила среди васъ Евпраксія, старайтесь идти по ея слѣдамъ, если хотите получить ея блаженную участь ». Давши наставленіе, она затворилась въ молитвенной храминѣ. На другой день нашли ее здѣсь уснувшею вѣчнымъ сномъ праведныхъ. По ея желанію она похоронена была вмѣстѣ съ Евпраксіей и Юліей (1).

Въ ряду подвижницъ Египта одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Синклитикія. Чѣмъ для иноковъ былъ Антоній, тѣмъ для инокинь Синклитикія. Ея высокая подвижническая жизнь и глубокая опытная мудрость съ древнихъ временъ заслуживали особенное вниманіе. Если и не самимъ великимъ Аѳанасіемъ описана была жизнь ея, то покрайней мѣрѣ составленіе ея принадлежитъ къ временамъ, недалекимъ отъ Аѳанасія (2).

Родители Синклитикіи были знатнаго и богатаго рода Македонскаго и переселились въ Александрію по усердію къ Христіанству. Она имѣла сестру и двухъ братьевъ. Одинъ изъ

---

(1) Acta. SS. Bolland. 13 Martii. Память Евпраксіи Греческая Церковь празднуетъ 28 го Іюля, а Римская 13-го Марта.

(2) Жизнь Синклитикіи помѣщена въ переводѣ въ Христ. чт. ч. 3. 1821 г.

братьевъ скончался въ юности, другой достигшій двадцати лѣтъ, принуждаемый вступить въ бракъ, не задолго до дня брака переселился въ небесное жилище. Будучи еще въ домѣ родителей, Синклитикія болѣе всего любила Бога. Непорочная душею была прекрасна и тѣломъ. Не смотря на многія предложенія о супружествѣ, она желала соединенія съ однимъ Небеснымъ Женихомъ, и всегда избѣгала обращенія съ мущинами, удалялась отъ всѣхъ увеселеній, вредныхъ и худыхъ разговоровъ; любила постъ, и принятіе пищи ранѣе вечера дѣлало ее больною. По смерти родителей, она взяла съ собою сестру, лишенную зрѣнія и поселилась въ могильномъ памятникѣ своего родственника. Распродавши свое имѣніе и раздавши нищимъ, она призвала пресвитера и остригла власы. Благодѣяніе иноческаго сана она считала столь великимъ, что не знала, чѣмъ возблагодарить за него Бога, ущедрившаго ее. Въ первые годы подвижнической жизни она превзошла многихъ, но скрывала свои подвиги. Она не только вкушала мало хлѣба и скудную мѣру воды, но хлѣбъ у ней былъ отрубяной. Постъ она увеличивала, смотря по тому, если воздвигалась противъ нее брань врага, увеличивала тогда и молитву. Но въ мирныя минуты она давала ослабу своему тѣлу. «Во всю жизнь, говорила она, сохраняй умѣренное правило поста. Не постись четыре или пять дней съ тѣмъ, чтобы потомъ разрѣшить его на множество яствъ. Неумѣренность всегда вредна». Ея жизнь была Апостольская, въ вѣрѣ и убожествѣ сосредоточенная.

Слава о ея подвигахъ привлекала къ ней многихъ женъ, которые просили у ней назиданія. Долго она однимъ молчаніемъ отвѣчала на ихъ просьбы, отрекаясь давать наставленія: «зачѣмъ, говорила она, вы столько думаете обо мнѣ грѣшницѣ, какъ будто бы я дѣлала и говорила что либо доброе? мы имѣемъ одного Учителя — Господа. Изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ почерпаемъ духовныя воды,—изъ однихъ и тѣхъ же сосцевъ—Ветхаго и Новаго Завѣта питаемся млекомъ». Но по-

отступная просьба, желаніе доставить пользу заставили ее давать наставленія уже многимъ подвижницамъ, которыя собрались вокругъ нее и составили общежитіе.

«Дѣти, говорила она, мы всѣ знаемъ, какъ спастись, но по собственному нерадѣнію оставляемъ свое спасеніе. Прежде всего нужно сохранять сію заповѣдь: возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею и искренняго твоего, яко самъ себѣ (Мато. 22; 37. 39). Въ сихъ заповѣдяхъ лежитъ основаніе закона и въ нихъ же живетъ полнота благодати. Хотя изреченіе кратко по словамъ, но велика и неизслѣдима сила, заключающаяся въ немъ. Все душеполезное есть слѣдствіе сихъ заповѣдей. Это свидѣтельствуетъ и Павелъ, когда говоритъ, что любовь есть конецъ закона. И такъ все относящееся къ лѣпотѣ духовной, при содѣйствіи благодати Духа, о чемъ бы ни сказали люди, проистекаетъ изъ любви и въ нее возвращается. И потому вотъ гдѣ спасеніе — въ двоякой любви».

«Много трудовъ и подвиговъ предстоитъ приходящимъ къ Богу, но потомъ ожидаетъ ихъ неизглаголанная радость. Желающіе развести огонь сперва задыхаются отъ дыма и плачутъ, а потомъ достигаютъ, чего ищутъ: такъ и мы должны воспламенять въ себѣ божественный огонь со слезами и трудами. Наше званіе есть ничто иное какъ отреченіе отъ жизни и помышленіе о смерти. Какъ мірскіе вельможи поручаютъ слугамъ различныя должности: иныхъ отсылаютъ въ деревни для воздѣлыванія земель и распространенія своего рода, а дѣтей ихъ, если найдутъ хорошими, переводятъ въ собственные домы для служенія себѣ; такъ и Господь вступившихъ въ честный бракъ поставляетъ въ странѣ міра; а лучшихъ дѣтей, которые удостоились особенно счастливаго предъизбранія, поставляетъ на служеніе себѣ. Они свободны отъ всѣхъ мірскихъ занятій, поелику удостоились Господней трапезы. Незаботятся объ одѣяніи, ибо облеклись во Христа. Надъ сими двумя состояніями одинъ Господинъ — Христосъ. Отъ одного

Господа происходятъ какъ честно живущіе въ мірѣ, такъ и избравшіе отшельническую жизнь. Обручаясь съ Небеснымъ Женихомъ, мы возмемъ за образецъ мірской бракъ. Если мірскія жены, сочетаваясь съ мужемъ, много заботятся о умовеніяхъ, о благовонныхъ мазяхъ и различномъ убранствѣ, чтобы сдѣлать себя болѣе привлекательными, то тѣмъ болѣе мы, обрученные небесному Жениху, должны превосходить ихъ въ стараніи, должны омыть скверну грѣховъ многотруднымъ подвижничествомъ и одежды тѣлесныя перемѣнить на духовныя. Они украшаютъ тѣло земными цвѣтами, а мы украсимъ добродѣтелями душу свою и, вмѣсто многоцѣнныхъ камней, возложимъ на главу тройственный вѣнецъ — вѣру, надежду, и любовь. А шею перевяжемъ для красоты драгоцѣннымъ ожерельемъ—смиренномудріемъ. Вмѣсто пояса перепояшемся цѣломудріемъ. Убожество да будетъ у насъ свѣтлыми тканными одеждами. На пирѣ предложимъ нетлѣнныя пищи молитвы и пѣнія. Намъ должно стараться объ украшеніи души не наружномъ, но внутреннемъ. Мы остригли власы, т. е., мірское украшеніе, честь, славу, имѣніе, блистательные наряды, омовенія, сладкія яства, снимемъ съ себя и нагноенія, покрывшія голову, то есть, объявшія душу нашу худыя помыслы. Остригши власы, мы сдѣлали ихъ видимыми. Такъ въ дѣвственницѣ или монахѣ примѣтны самомалѣйшіе грѣхи, какъ въ чисто выметенной комнатѣ замѣтна бываетъ малая нечистота».

«Ты живешь въ монастырѣ. Не перемѣняй мѣста, иначе это сдѣлаетъ тебѣ большой вредъ. Птица если часто слезаетъ съ яицъ, то они дѣлаются болтунами; такъ монахъ или дѣвственница, если часто перемѣняютъ мѣсто, охладѣваютъ и умираютъ для вѣры».

«Живя въ монастырѣ, мы должны предпочитать послушаніе подвижничеству, ибо послѣднее научаетъ высокомѣрію, а первое смиренномудрію».

«Каждый по собственному расположенію долженъ назидать себя. Однимъ прилично жить въ монастырѣ, другимъ полезно удаляться въ уединеніе. Такъ какъ изъ растѣній — одне цвѣтутъ лучше на мокрыхъ мѣстахъ, а другіе цѣлѣе на сухихъ мѣстахъ; равно и изъ людей — одни успѣваютъ на высокихъ мѣстахъ, а другіе безопаснѣе въ мѣстахъ низшихъ. Многіе спаслись и въ городѣ, живя по пустынному, а многіе и на горѣ погубили себя, дѣлая людское. Ибо можно, обращаясь со многими уединяться мыслію и будучи въ уединеніи, мыслію обращаться со многими».

«Извѣстна вамъ притча Евангельская о приносящихъ плодъ во сто, шестьдесятъ и тридцать кратъ. Сторичное число есть наше званіе, число шестьдесятеричное знаменуетъ полкъ воздержныхъ, а число тридцатиричное живущихъ въ брачной чистотѣ. Хорошо отъ тридцати переходить къ шестидесяти; ибо хорошо отъ меньшаго переходить къ большему. Но отъ большихъ благъ переходить къ меньшимъ небезопасно. Однажды преклонившійся на худшее не можетъ остановиться на первыхъ ступеняхъ, но стремится какъ-бы въ бездну погибели».

«Мы принявшіе на себя такой обѣтъ должны сохранять цѣломудріе совершеннѣйшее. И у мірянъ есть цѣломудріе, но вмѣстѣ есть и нецѣломудріе; потому что они грѣшатъ всѣми прочими чувствами, они смотрятъ нескромно и смѣются безчинно».

«Пути къ сохраненію истиннаго цѣломудрія — это огражденіе внѣшнихъ чувствъ отъ неприличныхъ зрѣлищъ и словъ, постоянное бдѣніе надъ собою, строгое подвижничество и чистая молитва — это лучшія средства во всякомъ вредномъ помыслѣ. Какъ острыя лекарства врачуютъ жестокія болѣзни; такъ молитва съ постомъ прогоняетъ злые помыслы. Какъ можетъ не зачерниться внутренность дома, когда онъ отвнѣ окруженъ дымомъ и когда отворены окна? Посему намъ должно воздерживаться отъ выхода на публичныя мѣста. Ибо не-

предосудительно ли смотрѣть на улицахъ, донепристойности обнаженныхъ и нескромныя слова произносящихъ? отъ сего раждаются представленія безпокойныя и вредныя. Если ты побѣдила любодѣяніе грубое, то старайся, чтобы врагъ не вложилъ любодѣянія въ чувства твои. Онъ часто воздвигаетъ внутреннюю брань, онъ припоминаетъ отшельницамъ красивыя лица, непристойныя одежды, нескромные разговоры. Не должно сдружаться съ такими представленіями, ибо они прокладаютъ путь къ грѣху. Въ людяхъ, любящихъ Христа, діаволъ часто и братскую любовь обращаетъ въ соблазнъ. Онъ многихъ дѣвицъ обольстилъ, прикрывшись благочестивой одеждой и братской наружностію. Это дѣло врага — одѣваться въ чужое платье и держать оружіе подъ покровомъ. Если возникаетъ въ твоей мысли образъ красиваго лица, представь обезображеннымъ, мертвымъ трупомъ, — и порочное желаніе оставитъ душу.

Спросили однажды блаженную Синклитикію: произвольная нищета есть ли совершенное благо? Она отвѣчала: «она совершенное благо для имѣющихъ силу пребывать въ ней. Живущіе въ нищетѣ хотя и имѣютъ скорбь по плоти, но спокойны душею. Какъ твердое платье, если его вымыть и крѣпко выжимать, становится чистымъ и бѣлымъ; такъ и твердая душа отъ произвольнаго убожества болѣе и болѣе утверждается. Но чтобы оно принесло пользу, нужно прежде отречься отъ привычекъ роскоши, усовершиться въ начальныхъ добродѣтеляхъ. Такъ Господь тогда только повелѣлъ юношѣ продать имѣніе и раздать нищимъ, когда тотъ сказалъ, что онъ исполнилъ всѣ добродѣтели (Матѳ. 19, 17). Не пріобрѣтшіе навыка въ добродѣтели скорбятъ объ убожествѣ. Но добродѣтельные раздавъ имѣнія, свободнѣе прилѣпляются къ Богу, на Него Одного возлагая надежду; ихъ не мучитъ забота о земномъ богатствѣ, — съ отъятіемъ имѣнія они освободились отъ большей части печалей и заботъ, и врагу не чѣмъ искушать ихъ».

«Сколько велико убожество, столько сребролюбіе ниско и гнусно. Справедливо сказалъ Апостолъ, что оно причина всѣхъ золъ. Не только Богъ наказываетъ сребролюбцевъ, но они сами себя погубляютъ. Непасытимые въ желаніяхъ, они всегда жалуются на бѣдность. Сребролюбіе всегда носитъ съ собою зависть, которая изможденъ своего господина, прежде нежели онъ станетъ изнурять подобныхъ себѣ, подобно ехиднамъ, которые умервщляютъ своихъ матерей прежде, нежели наносятъ вредъ другимъ».

«Душа подобна кораблю, который иногда отъ внѣшнихъ волнъ потопляется, иногда отъ внутренняго поврежденія погружается на дно. И мы иногда погибаемъ со стороны внѣшней отъ грѣховъ дѣломъ, а иногда отъ внутреннихъ помышленій. Посему мы должны примѣчать и за внѣшними порывами вѣтровъ, и изгонять извнутри себя нечистые помыслы. Врагъ нападаетъ сперва объяденіемъ, нѣгою и любодѣяніемъ. Эти вѣтры большею частію дуютъ на юношескій возрастъ. За ними слѣдуютъ сребролюбіе, любостяжаніе и сему подобное. Но когда душа воздержала чрево, побѣдила чистотою чувственныя удовольствія, тогда врагъ возбуждаетъ въ ней гордость. Онъ показываетъ подвижнику, будто онъ позналъ то, что для многихъ остается тайною, приводитъ ему множество заслугъ его, а всѣ согрѣшенія предаетъ забвенію, занимаетъ умъ мыслію о первенствѣ, ученіи, дарованіи, изцѣленіи, и обольщенная душа тлѣетъ и погибаетъ».

«Отшельница, если придутъ къ ней такія помышленія, пусть идетъ въ киновію. Пусть она принудитъ себя ѣсть по дважды въ день, если чрезмѣрное подвижничество подвергло ее сей болѣзни. Искусные земледѣльцы, когда замѣтятъ, что растѣніе прежде времени обремѣнилось сучьями, лишніе сучья отрѣзываютъ: такъ и великое подвижничество, объятое огнемъ гордости, нужно переносить въ прохладныя мѣста и обрѣзывать лишнія сучья. Сестры должны укорять и поносить возгордившуюся, какъ ничего не сдѣлавшую добраго. Она должна

исполнять всѣ службы. Ей должно разсказывать житія Святыхъ и сестры сами должны на нѣсколько дней усугубить труды подвижничества своего, дабы она, видя высоту добродѣтелей, менѣе о себѣ думала. Пусть говорятъ о такой: чѣмъ ты надмѣваешься? Ты не ѣшь мяса, другіе въ глаза не видятъ и рыбы. Ты не пьешь вина, другіе не употребляютъ и масла. Ты постишься до вечера, другіе по три дня не ѣдятъ ничего. Ты не моешься, другіе и по болѣзни не умывали тѣла. Ты спишь на рогожѣ, другіе на голомъ полу. Иные камни клали подъ себя, а нѣкоторые привѣшивали себя на цѣлую ночь. Но если ты и все это дѣлаешь, и то не чѣмъ гордиться. Демоны ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни посягаютъ, ни спятъ? Такъ какъ съ гордостію всегда не разлучно непослушаніе, то чрезъ послушаніе можно изцѣлить гордость. Какъ не возможно корабля устроить безъ кормила, такъ не возможно устроить спасенія безъ смиренномудрія; оно должно быть началомъ и концемъ всѣхъ добродѣтелей. Какъ живемъ мы въ киновіи, то не надобно намъ пріобрѣтать собственности и не надобно служить собственной волѣ, но во всемъ должно повиноваться отцу духовному (матери) по вѣрѣ. Мы сослали себя въ ссылку, т. е, стали внѣ предѣловъ міра».

«Должно прилагать все стараніе о томъ, чтобы скрывать свои успѣхи. Ибо какъ открытое сокровище уменьшается, такъ и добродѣтель, если она открывается и обнародывается, упраздняется. И какъ воскъ таетъ отъ лица огня, такъ душа растаяваетъ отъ похвалъ и лишается твердости».

«Иначе должно врачевать нерадивыхъ. И малыя добрыя дѣла ихъ должно выхвалять, указывать на примѣры великихъ грѣшниковъ, которые чрезъ покаяніе достигли царства небеснаго, чтобы нерадивые не впали въ отчаяніе».

«Хорошо не гнѣваться. Но если бы сіе и случилось, то не позволено тебѣ и дня оставаться въ этой болѣзни. Солнце да не зайдетъ въ гнѣвѣ вашемъ (Еф. 4, 26). Зачѣмъ ты не-

навидишь оскорбившаго тебя человѣка? Не онъ оскорбилъ тебя, но діаволъ; гнѣвайся на болѣзнь, а не на больнаго. Но гнѣвъ есть меньшее зло, а злопомнѣніе тягчайшее изъ золъ. Гнѣвъ на короткое время, встрѣвоживъ душу, проходитъ; а злопомнѣніе дѣлаетъ ее лютѣе звѣрей. Любодѣяніе, любостяжаніе, убійство изцѣлялись отъ спасительнаго лекарства покаянія; но гордость, злопомнѣніе, злословіе, почитаемыя за небольшія стрѣлы, многихъ умертвили. Онѣ умервщляютъ не силою удара, но нерадѣніемъ получившихъ рану. Такъ какъ они ни во что вмѣняли злословіе и другіе пороки, то вскорѣ отъ нихъ и погибли. Не слушай рѣчей злословія, чтобы не быть вмѣстилищемъ чужихъ пороковъ. Если примешь въ себя нечистыя рѣчи, то положишь пятно на твою молитву. Наслушавшись худыхъ отзывовъ, на всѣхъ будешь смотрѣть косо и ненавидѣть безъ всякой причины. Люби враговъ, не презирай безпечныхъ и нерадивыхъ. Истинно добродѣтельные, подражая Господу, Который ѣлъ съ мытарями и грѣшниками, заботятся о спасеніи грѣшниковъ и употребляютъ всѣ средства, чтобы наставить ихъ на путь спасенія. Впрочемъ тому, кто самъ не испыталъ дѣятельной жизни, опасно приниматься за ученіе. Если бы кто, имѣя домъ, близкій къ паденію, принялъ странныхъ, то паденіемъ дома причинилъ бы имъ погибель. Подобно сему и неустроившіе прежде себя, вмѣстѣ съ собою погубили бы и тѣхъ, которые пришли къ нимъ. Словами они призывали ко спасенію, но нечистою жизнію болѣе повредили живущимъ съ ними. Слова безъ дѣлъ подобны картинамъ, писаннымъ линючими красками; отъ вѣтра и дождя они стираются. Но ученія соединеннаго съ дѣятельностію не можетъ изгладить цѣлый вѣкъ. Такое слово, вырѣзывая камень души, представляетъ очамъ истинное изображеніе Христа».

«Не отказывайся отъ поста подъ предлогомъ болѣзни; ибо и непостящіеся часто подвергались такимъ болѣзнямъ. Началъ ты доброе дѣло? не отступай назадъ. Пусть врагъ силится

воспрепятствовать тебѣ, но онъ падетъ предъ твоимъ терпѣніемъ. Предпринимающіе плаваніе сперва пользуются попутнымъ вѣтромъ, а потомъ, распустивъ паруса, встрѣчаютъ и противный вѣтръ. Но не смотря на противный вѣтръ, плаватели не разгружаютъ корабля, а или останавливаются на короткое время, или вступаютъ въ борьбу съ бурею и продолжаютъ плаваніе. Такъ и мы, когда враждебный духъ станетъ нападать на насъ, распростремъ крестъ вмѣсто паруса и будемъ безопасно совершать наше плаваніе. Чѣмъ болѣе успѣваютъ подвижники, тѣмъ съ сильнѣйшимъ врагомъ вступаютъ въ сраженіе. Духъ унынія должно прогонять молитвою и псалмопѣніемъ».

«Много у діавола сѣтей коварныхъ. Не успѣвъ поколебать душу бѣдностію, онъ уязвляетъ ее богатствомъ. Не одолѣлъ ее оскорбленіями и поношеніями, вооружается на нее похвалами и славою. Не возмогъ обольстить душу удовольствіями,— онъ покушается сокрушить ее невольными трудами. Если человѣкъ побѣждаетъ діавола крѣпостію тѣлесною, діаволъ насылаетъ на нее болѣзни, чтобы люди малодушные ослабѣли въ любви къ Богу. Если ты грѣшникъ, то, страдая въ болѣзняхъ, воспоминай о будущемъ наказаніи, о вѣчномъ огнѣ, о мученіяхъ послѣ суда, не малодушествуй въ настоящихъ страданіяхъ, но радуйся, что Богъ посѣтилъ тебя и повторяй сіе прекрасное изреченіе: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя (Псал. 117, 18). Ты желѣзо,— и огонь очиститъ твою ржавчину. Если ты праведенъ, то чрезъ сіе отъ великаго переходишь къ большему. Ты золото,— и чрезъ огонь дѣлаешься чище. Плоти твоей дадеся аггелъ (2 Кор. 12, 7), торжествуй; смотри; смотри, кому уподобился? Ты удостоился чести Павловой. Ты искушаешься горячкою, наказуешься простудою? Но Писаніе говоритъ: проидохомъ сквозь огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой (Псал. 65, 12). Достигъ ты перваго, ожидай и втораго. Успѣвая въ добродѣтели, повторяй слова праведника: нищь

и боляй есмь азъ (Псал. 68, 30). Сія двоякая скорбь содѣлаетъ тебя совершеннымъ. Ибо Псалмопѣвецъ говоритъ: въ скорби распространилъ мя еси (Псал. 4, 2). Въ сихъ училищахъ нуждъ и страданій будешь образовывать свою душу подвигами».

«Когда болѣзнь тяготитъ насъ, не надобно скорбѣть, что отъ боли и язвъ мы не можемъ воспѣвать Псалмы устами. Ибо болѣзни и раны служатъ къ истребленію похотей; а и постъ и земные поклоны предписаны намъ для побѣжденія страстей. Если же и болѣзни исторгаютъ сіи страсти, то не о чемъ заботиться. Великій подвигъ — терпѣливо переносить болѣзни и среди нихъ возсылать благодарственныя пѣсни Богу. Мы лишилися очей. Не будемъ печалиться; внутренними очами мы можемъ созерцать славу Божію. Лишились слуха. Будемъ благодарить за то, что вовсе не будемъ слушать пустыхъ рѣчей. Не дѣйствуютъ руки. Но у насъ есть внутреннія длани, готовыя на брань со врагами. Все тѣло страждетъ болѣзнію, но чрезъ сіе умножается здравіе внутренняго человѣка».

Въ себѣ самой Синклитикія показала высокій примѣръ терпѣнія болѣзни подобно Іову. Ей было восемьдесятъ лѣтъ, когда ее посѣтила изнурительная лихорадка и три года съ половиною изнуряла ее. Потомъ отъ загнившаго кореннаго зуба начали у ней гнить десны, гніеніе перешло на уста и всю щеку. Послѣ сорока дней страданія, въ больныхъ мѣстахъ образовались черви, которыя стали выходить наружу, самыя кости заразились, гнилость и зловоніе распространились по всему тѣлу такъ, что съ трудомъ могли быть при ней прислужницы. Блаженная страдалица отказывалась отъ всякаго человѣческаго пособія. И только согласилась на употребленіе мази для уничтоженія зловонія. Три мѣсяца страдала она, не принимая никакой пищи и не зная сна. Затри дня до кончины она сподобилась небеснаго видѣнія, въ которомъ открыто было время ея кончины, и она мирно почила въ назначенный сію день.

Такъ подвизались святыя жены въ Египтѣ. Пастыри церкви особое попеченіе прилагали объ ихъ благосостоянiи. Когда возникло гоненіе Аріанъ въ Александріи, злоба сихъ враговъ имени Христова пала и на дѣвственницъ. Аріане подвергали ихъ поруганіямъ, ранамъ, смерти и не позволяли даже погребать умершихъ. Св. Аѳанасій писалъ къ нимъ нѣсколько утѣшительныхъ посланій (1).

(1) Ѳеодор. Церк. Ист. Кн. 2, гл. 14.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 7
Происхожденіе жизни монашеской. 24
Преподобный Антоній Великій, основатель монашества. 43
Святый Сисой, пустынножитель горы св. Антонія. 109
Учрежденіе общежитія иноческаго Пахоміемъ Великимъ. 122
Преемники Пахомія въ управленіи Тавенскими монастырями. 194
Начало женскихъ иноческихъ обителей въ Египтѣ. 244

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	*строк.*	*напечатано:*	*Должно читать:*
28	снизу 14	никакого	ни на кого
30	— 15	въ дѣвствѣ,	въ дѣтствѣ,
45	— 4	изрченія	изреченія
61	4	не позвляетъ	не позволяетъ
75	снизу 12	нѣкто	никто
77	9	славопрѣнія,	словопрѣнія,
80	снизу 3	отвращалъ	отвращался
96	— 6	при Атоніѣ	при Антоніѣ
103	— 17	*заглажденіе, и беззаконіѣ*	*заглаждаяй беззаконія*
—	— 15	*помни,*	*помяни,*
111	13	довольны	довольные
116	14	кія	какія
169	5	иноческую	не иноческую
193	4	Орсиніа,.... Орсиніа	Орсисія,.... Орсисія
—	6	Орсиніа	Орсисія
205	снизу 5	Ѳеодору	Ѳеофилу

